

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. У. Попов

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ

ИМЕНА

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНАЯ
СЕРИЯ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР

А. И. П О П О В

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

(ВВЕДЕНИЕ В ТОПОНИМИКУ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва—1965—Ленинград

А Н Н О Т А Ц И Я

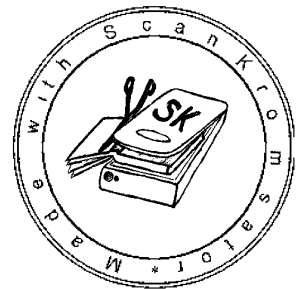
Книга «Географические названия» (Введение в топонимику) проф. А. И. Попова представляет первую в советской научной литературе попытку дать общедоступное изложение основ топонимического исследования на материалах СССР.

В работе рассматриваются важнейшие пути и приемы изучения географических названий, а также возможности приложений топонимики в области языкознания, истории и других наук.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей и студентов университетов и педагогических институтов, учителей средних школ, работников краеведческих музеев; в равной мере она может быть использована широкими кругами лиц, интересующихся происхождением и историей географических названий.

Ответственный редактор
член-корр. Академии наук СССР

Ф. П. Филин

Scan AAW

1-6-2

н. п. 71-65

ПРЕДИСЛОВИЕ

Географические имена, их происхождение и история интересовали людей еще в глубокой древности. Однако попытки научной постановки и разработки отдельных относящихся сюда вопросов начинаются лишь весьма недавно; по-видимому, первым в этом отношении следует назвать немецкого ученого В. Гумбольдта (1767—1835), особенно интересовавшегося местными именами Пиренейского полуострова.

Впрочем и в дальнейшем учение о географических названиях (топонимика) длительное время представляло не отдельную самостоятельную науку, а ряд статей и замечаний в связи с теми или иными вопросами филологического, исторического и иного порядка.

Только в первой четверти текущего столетия появился целый ряд специальных топонимических работ, представляющих систематическое изложение основ топонимики разных стран (Англия, Франция, Бельгия и др.), обширные географические словари с соответствующими комментариями и т. п.

В настоящее время топонимика успешно разрабатывается и во многих славянских странах: Болгарии (В. И. Георгиев и др.), Польше (В. Ташицкий и его школа) и т. д. У нас географическими именами интересовались многие историки и языковеды прошлого и начала этого столетия, привлекая относящийся сюда материал обычно в порядке случайного применения — часто весьма неудачно.

В качестве счастливого исключения можно упомянуть имена академиков-финноугроведов А. М. Шёгрена (1794—1855), Ф. И. Видемана (1805—1887), Я. К. Грота (1812—1893); из них первых два дали весьма важные общие указания о происхождении севернорусской топонимики. Очень высокими качествами отличаются топонимические разыскания И. А. Бодуэна-де-Куртенэ и его ученика Ф. А. Лоренца, но эти исследования относятся к древнепольским (и древнекашубским) материалам, а не к топонимике земель, входящих ныне в СССР.

подавляющее же большинство русских топонимических и историко-географических исследований XIX—начала XX в. нельзя назвать удовлетворительными и рекомендовать для безоговорочного использования. В лучшем случае они содержат отдельные приемлемые догадки и замечания частного характера, а обычно нет и этого.

К тому же это были попытки освещения отдельных вопросов, основанные на какой-либо заранее принятой гипотезе, а не на фактическом материале.

Что касается обсуждения топонимического материала в широком плане и выяснения рациональных методов его исследования, об этом не было и речи.

Поэтому мы считаем не лишним значения опубликование краткого изложения основ топонимики, приспособленного к материалам и условиям СССР.

Изложение это исходит непосредственно из фактов, связанных с возникновением и историей местных имен нашей страны, основано на принципах историзма, и только в конце формулируются те основные правила топонимического исследования, которые могут и должны служить достаточно общими положениями, применимыми в большинстве случаев.

Само собой разумеется, эти положения не являются непреложными законами, действующими без всяких исключений. Однако они полезны и существенны для работы топонимиста, так как предохраняют от многих промахов. При этом надо всегда помнить необходимость всестороннего исторического изучения фактического материала, без чего любые отвлеченные правила окажутся неприменимыми.

Данная книга возникла как результат длительной работы автора над топонимикой СССР¹ и может быть ис-

---

¹ Еще в 1937—1938 гг. Кабинеты финно-угроведения (проф. Д. В. Бубрих) и русского языка (акад. Б. М. Ляпунов) Института языка и мышления Академии наук СССР вынесли постановление о желательности напечатания автором главнейших результатов его работы, но это не могло быть в то время осуществлено по разным причинам.

пользована в качестве пособия широкими кругами лиц, интересующихся изучением географических имен — преподавателями средних и высших учебных заведений, студентами и краеведами.

Книга появляется в свет благодаря содействию Географического общества СССР; выражаю мою искреннюю признательность президенту Общества чл.-корр. АН СССР С. В. Калеснику, чл.-корр. АН СССР С. В. Обручеву, председателю Топонимической комиссии С. Л. Бергу.

В заключение должен заметить, что крайне ограниченный объем книги не позволил автору коснуться многих существенных вопросов и уменьшил возможности показа иногда важных деталей. Отсюда неполнота и краткость изложения.

Ленинград, 1965 г.

ВВЕДЕНИЕ

Предмет топонимики

Топонимикой¹ называется наука о происхождении и историческом изменении географических имен, т. е. названий местностей, селений и городов, рек, озер, гор, лесов и т. д.

Таким образом, топонимика есть часть ономастики вообще, т. е. учения об именах собственных; с этой точки зрения топонимика входит в состав языковедения, представляя в каждом языке свой специальный отдел и в то же время являясь достаточно общей по своим основным принципам и интересам, так что можно говорить о топонимике

---

¹ Топонимику часто называют также топонимией или топонимастикой (термин составлен из греческих слов, означающих «место» (топос) и «имя» (онома), — учение о местных именах, о названиях мест). Заметим, что словом «топонимика» обозначают также и тот фактический материал, который является здесь предметом изучения, т. е. совокупность географических имен какой-либо определенной местности (псковская топонимика, приуральская топонимика и т. п.) или определенной языковой принадлежности (славянская топонимика, мордовская, удмуртская, чувашская топонимика и т. д.).

вообще, а не только о русской или немецкой топонимике.²

Во всяком случае топонимика может быть признана прежде всего лингвистической, языковедческой наукой, так как любое географическое имя ведет свое начало из какого-то языка и для своего объяснения неизбежно требует привлечения языковых материалов.

С другой стороны, топонимика тесно связана с природой и населением страны, государства, области, земли, представляя отдел географической науки в широком смысле слова. Заметим, что географический характер местности часто очень помогает раскрыть смысл и происхождение того или другого местного названия. Поэтому топонимика может рассматриваться как отдел географической науки.

Наконец, необходимо указать на тесную связь топонимики с историей того общества, которое создало географические имена данной территории или изменяло и обогащало их в дальнейшем.

С этой точки зрения топонимика является одной из ветвей исторической науки.

Часто единственным средством для правильного суждения об этнической (племенной) принадлежности древнейшего населения той или другой местности оказывается топонимика. Поэтому она является в такого рода вопросах важным вспомогательным средством, помощницей историка и археолога, сильным орудием в решении задач исторической географии.³

---

² Таким образом, общая топонимика есть учение о географических названиях, об именах мест, из какого бы языка они ни происходили.

³ Исторической географией называется вспомогательный отдел истории, занимающийся преимущественно рассмотрением вопро-

Итак, топонимика является наукой, стоящей на стыке трех больших областей: языкознания, географии, истории. В соответствии с этим многие факты топонимики получают надлежащее объяснение только при привлечении весьма значительного и многообразного по характеру материала — лингвистического, исторического и географического.⁴

Поэтому понятно, что топонимическое исследование, имеющее целью как можно более точное выяснение происхождения и истории того или другого географического имени или группы имен, является делом не легким, часто требующим затраты значительного времени и больших усилий.

Материал, здесь нами используемый, относится в большей своей части к территории СССР; местами привлекаются, впрочем, и иные данные. Краткое общее введение должно содержать необходимые указания на источники и материалы, а также и некоторые соображения отвлеченного характера, в дальнейшем получающие реальное отражение в конкретных образцах исследования.

сов заселения той или иной территории, распределением на ней различных племен и народов в разные времена, изменениями государственных границ и тому подобными задачами, стоящими на грани между историей и географией.

⁴ Географические характеристики местности очень часто отражены в географических наименованиях, причем население — нередко разноязычное — пользуется здесь и своей, и чужой, взятой из других, соседних языков терминологией, относящейся к характерным чертам местного ландшафта и другим географическим показателям. Ввиду этого для топонимиста приобретает огромное значение знание народных географических терминов. Здесь следует порекомендовать в первую очередь чрезвычайно полезную книгу: Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959 (см. также рецензию А. И. Попова в Известиях АН СССР, Серия географическая, № 3, 1960).

Источники и материалы для изучения топонимики СССР

Топонимический материал находится всюду вокруг нас в виде тех географических названий, которые нам встречаются в любом уголке, в каждой местности, где мы бывали. Поэтому, само собой разумеется, одним из первых источников нашего знания в этом направлении является собрание топонимического материала прямо на месте, так сказать, в натуре.

Особенно полезны такого рода сборы для познания того, что часто называют микротопонимикой, т. е. названий мелких объектов, которые не обозначены ни на картах, ни в справочниках (наименования небольших лесков, нив, полей, отдельных горок, речных плесов, омутов, крупных камней и даже отдельных деревьев и т. п.).

Однако несмотря на весь интерес, какой представляют эти сборы материала на местности, они редко проливают достаточный свет на вопросы происхождения данной топонимики, за исключением разве самых простейших случаев. Для точного установления истории изучаемых географических имен необходимо ознакомление со всеми по возможности видами источников, в которых так или иначе упоминаются эти имена, иначе ошибки в толковании названий и в хронологии явлений будут неизбежны.

Такого рода источниками для историко-топонимического исследования являются прежде всего русские летописи,⁵ содержащие весьма значительный материал, частично относящийся ко времени достаточно давнему — на-

---

⁵ Издание русских летописей, если не считать отдельных выпусков в XVIII в., в систематической форме началось с 40-х годов XIX в.; именно в 1846 г. был выпущен первый том, содержащий Лаврентьевский список летописи. В настоящее время издано 29 томов этой серии — «Полного собрания русских летописей» (ПСРЛ). Существует ряд других изданий отдельных списков.

чиная с последних веков первого тысячелетия нашей эры — первых веков второго тысячелетия, т. е. представляющий нередко тысячелетнюю давность.⁶

Впрочем, существуют и более древние источники, относящиеся ко времени значительно более раннему; такова, например, та книга греческого историка Геродота, которая говорит о Скифии (V в. до н. э.).⁷ Однако топонимический материал, здесь содержащийся, весьма невелик; он относится главным образом к южной степной полосе европейской части СССР, а также к Кавказу. Знакомство с ним все же желательно. Что касается наших летописей, то ознакомление с содержащимся в них топонимическим и вообще ономастическим материалом облегчается соответствующими указателями, из которых особенно ценен «Указатель к первым семи томам полного собрания русских летописей» (два тома, из коих второй — географический).

Из начальной (древнейшей) летописи историко-географический (топонимический) материал был извлечен также Н. П. Барсовым.⁸

---

⁶ Для многих стран Западной Европы (Италия, Испания, Греция, Франция и др.) существуют подробные географические описания различных областей — двухтысячелетней и более давности, содержащие множество топонимического материала, позволяющего проследить историю ряда местных названий в глубь веков (Юлий Цезарь, Тацит и др.).

⁷ Заметим, что все известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе собраны В. В. Латышевым и изданы в русском переводе в начале этого века Русским археологическим обществом. (В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893—1896). В сороковых годах эта работа вновь перепечатана в нескольких номерах «Вестника древней истории». Лучший перевод Геродотовой «Скифии» (IV книга «Истории» Геродота) на русский язык принадлежит проф. Ф. Г. Мищенко (М., 1885).

⁸ Н. П. Барсов. Материалы для историко-географического словаря древней Руси. Вильна, 1865. — Следует отметить, что не

Вообще же следует читать сами летописи, пользуясь извлечениями и указателями только для первоначальных справок.

Другим источником древнего топонимического материала являются так называемые уставные грамоты, в которых имеется много названий географических пунктов. Наиболее ранние из них следующие: Уставная новгородская грамота 1137 г. и Уставная грамота Смоленской епископии 1150 г.; существуют и другие, более поздние.⁹

Очень важны для топонимиста также различные юридические акты, касающиеся размежевания земель на данной территории, вопросов владения землями и водами, наследования и т. д.

Такие межевые и тому подобные акты часто содержат большое число названий селений, лесов, рек и речек, озер, полей и т. д., — то в древней, ныне уже исчезнувшей форме, то в том же виде, что и сейчас. Актов этого рода в различных государственных архивах,¹⁰ центральных и местных, огромное количество.

Только некоторая, небольшая часть их напечатана в виде специальных серий,¹¹ а также в изданиях различ-

---

все комментарии Н. П. Барсова к этому материалу заслуживают доверия.

⁹ Уставные грамоты издавались неоднократно; их можно найти также в различных хрестоматиях по русской истории (Владимирского-Буданова, Фарфоровского и др.). Из более поздних уставных грамот интерес для топонимиста представляет Двинская 1397 г. Грамоты этого типа составлялись главным образом для определения различных феодальных повинностей (в пользу епископа, князя и т. п.), а потому содержат много указаний на географические имена, связанные с той или иной местностью.

¹⁰ Для ориентировки в материалах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) существует специальный «Путеводитель» (М., 1946).

¹¹ Издания Археографической комиссии: «Акты историче-

ных ученых обществ, губернских архивных комиссий и т. д. В настоящее время собрания подобных актов публикуются по преимуществу Институтом истории Академии наук СССР, а также научно-исследовательскими институтами национальных республик.

Заметим, что из числа грамот и актов XIII—XVI вв. большое значение для топонимиста имеют духовные и договорные грамоты русских великих и удельных князей.¹²

Из северных грамот необходимо упомянуть двинские XV в., издававшиеся несколько раз.¹³ Важнейшим топонимическим источником являются писцовые и переписные книги XV—XVII вв., охватывающие значительную часть Московской Руси того времени. Это подробные и точные описания земель и вод, содержащие обстоятельные указания на население, его занятия и повинности, численность и т. д., — вплоть до поименного упоминания всех землеладельцев и крестьян данной территории (по каждой деревне, селу и т. д.).

Этот источник представляет для топонимиста огромную ценность. Писцовые книги частью изданы Археографической комиссией, Русским географическим обществом и другими научными обществами и организациями.¹⁴

ские» (СПб., 1841—1842) и дополнения к ним, «Акты юридические» (Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838; Указатель к «Актам юридическим». СПб., 1901) и т. п. Все эти издания общеизвестны и могут быть найдены в любой солидной исторической библиотеке.

¹² Укажем, например: Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных. Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909.

¹³ Они вошли также в академическое издание: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.

¹⁴ Шесть томов новгородских писцовых книг XV—XVI вв., (Новгородские писцовые книги. СПб., 1859—1915); московские писцовые книги XVI в. (Писцовые книги Московского государ-

Однако основная масса их находится в архивах в рукописном виде.

Другим важным источником являются карты различных областей СССР, географические описания¹⁵ и т. п.

Карты («чертежи») на Руси существовали уже в XVI—начале XVII в., однако от этого времени их дошло до нас немного. От начала XVII в. сохранилась весьма ценная карта России, составленная Ф. Б. Годуновым (сыном царя Бориса Годунова), а также подробное описание не дошедшего до нас Большого Чертежа (генеральной карты Руси того времени и некоторых прилегающих земель, государственных границ, важнейших путей и бассейнов значительных рек). Это описание под именем «Книга Большому Чертежу» издавалось несколько раз;¹⁶ оно представляет для топонимиста большой интерес. Подробные межевые и прочие карты России ведут начало только от середины XIX в.¹⁷

ства. Под ред. Н. В. Калачова, ч. I. Писцовые книги XVI в. СПб., 1877) и ряд других. Много выдержек и извлечений из писцовых книг разных областей напечатано в трудах различных архивных комиссий (Тамбовской, Нижегородской, Тульской, Вятской и др.).

¹⁵ Очень ценно, например, описание Московии начала XVI в., составленное известным С. Герберштейном (С. Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908; см. также: Е. Е. Замысловский. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884).

¹⁶ Последнее, наиболее обстоятельное издание выполнено К. Н. Сербиной (Книга Большому Чертежу. Под ред. К. Н. Сербиной. Л., 1950).

¹⁷ Для Сибири от XVII в. сохранились карты С. Годунова и С. Ремезова (см. еще особенно интересные для изучения сибирской топонимики «Акты исторические» и «Дополнения к ним» — XVII в. в части, касающейся деятельности московских служилых людей на этой огромной территории). Вообще справки об источниках исследования здесь можно получить из ценной книги А. И. Андреева «Очерки по источниковедению Сибири» (вып. 1,

От того же примерно времени начинаются и систематические «Списки населенных мест Российской империи», печатавшиеся (по отдельным губерниям) в разное время, — сначала министерством внутренних дел, а потом и губернскими земствами.¹⁸ В последнее время (первый выпуск в 1960 г.) берлинский академик М. Фасмер предпринял на основе этого источника печатание подробного алфавитного указателя названий русских рек, речек и озер.

Большой интерес представляют также списки рек определенных крупных бассейнов, составленные, правда, только для нескольких рек европейской части СССР.¹⁹ Существуют также специальные географические словари, из которых особенно отметим «Географическо-статистический словарь Российской империи».²⁰

Л., 1960) и из изданной под его же редакцией и с комментариями «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (М.—Л., т. I, 1937; т. II, 1941). Очень интересны также описания путешествий по Сибири (например, Г. Майделя), труды геологов, содержащие часто значительный топонимический материал, и т. п.

¹⁸ Списки населенных мест были составлены не по всем губерниям. Следует отметить, что их большим недостатком является значительное количество опечаток.

¹⁹ Особенно ценны составленные П. Л. Маштаквым описания бассейнов Днепра, Днестра, Южного Буга, Дона. Представляют интерес также описание Волги, составленное В. Рогозиным, «Леса и реки Ленинградской области (в границах 1929 г.)» Шанько и ряд других справочных изданий этого типа. Много подобного рода сведений содержится в таких изданиях, как погубернские статистические описания прошлого века, и т. п. Интересны также подробные лоцманские карты крупных рек (Оки, Камы и др.). См.: П. Л. Маштак. 1) Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913; 2) Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного). Пгр., 1917; 3) Список рек Донского бассейна. Л., 1934; В. Рогозин. Волга, I—III. СПб., 1880—1881; Д. Ф. Шанько. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.

²⁰ Географическо-статистический словарь Российской империи, тт. I—V. Сост. П. П. Семенов. СПб., 1863—1885.

Не останавливаясь на других видах источников топонимического материала, укажем, что многие справки можно получить в общих курсах источниковедения СССР.²¹

Краткие сведения по исторической географии СССР

Племена и народы на территории СССР в различные эпохи. Основные топонимические области Восточной Европы

Территория СССР огромна, история весьма сложна, население состояло и состоит из представителей многих племен и наций. Поэтому сложна и топонимика СССР, принадлежащая целому ряду языков, часто очень различных между собой. Кроме русских географических названий, мы встречаем здесь на севере саамские (лопарские), карельские, вепсские, коми, ненецкие (самодийские) и т. д.; в Поволжье мордовские, марийские, чувашские, татарские и др.; далее к югу — калмыцкие и пр.; идя к западу, находим молдавские, а на северо-запад — эстонские, латышские, литовские, польские и т. д.

Что касается Сибири, то ее топонимика весьма сложна в лингвистическом отношении; здесь видим мансийскую, хантыйскую, разнообразную тунгусо-маньчжурскую, якутскую, кетскую, чукотскую, эскимосскую и иную топонимику.

Сложна и топонимика Крыма,²² а в особенности Кавказа, где до сих пор имеется множество разнородных языков.

---

²¹ См., например: М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I. Л.—М., 1940.

²² Здесь имеются слои греческого, латинского, готского, итальянского, древнеиранского (скифо-сарматского), тюркского (хазарского, половецкого) и иного происхождения.

В силу всего этого, приступая к подробному изучению топонимического материала той или другой области, надо иметь достаточно отчетливое представление о прошлой истории края, о тех племенных группах, которые были здесь когда-либо, а отчасти, быть может, существуют и теперь, иногда даже составляя в этом крае значительный массив населения.

Мы не можем здесь входить в подробности исторической географии СССР и дадим лишь краткий очерк главных относящихся сюда фактов и событий.

Прежде всего следует указать, что здесь необходимо различать две основные историко-географические области, по крайней мере для европейской части СССР. Грубо говоря, это, во-первых, южная — степная область и, во-вторых, северная — лесная. Между ними лежит довольно узкая лесостепная полоса, подвергавшаяся в ряде случаев разным влияниям, преимущественно с юга, и отличающаяся своеобразием в происхождении и развитии топонимики.

Что касается южной (степной) области, то здесь в течение тысячелетий господствовали разного рода кочевники.

Сначала это были упоминаемые древними писателями (Геродот и др.) киммерийцы, а затем скифы (примерно с VII—VIII вв. до н. э.) и сарматы (с III в. до н. э. до II—III в. н. э.). На каком языке (или языках) говорили киммерийцы, мы не знаем, хотя есть основания предполагать, что это были племена в языковом отношении достаточно близкие к позднейшим скифам, которые, как теперь хорошо выяснено, говорили на языках и диалектах древнеиранского типа, весьма близких к теперешнему осетинскому. Сарматы, или савроматы (позже их языковых потомков называли аланами), были также ближайшими языковыми родичами скифов.

Поэтому многие элементы топонимики южнорусской степной полосы носят скифо-сарматские наименования (Дон, Днепр, Днестр).²³

С конца IV в. н. э. скифо-сарматская группа степных кочевников была вытеснена или частично поглощена новыми кочевыми находниками — гуннами, принадлежавшими к совершенно иной языковой группе; гунны были близки по языку к тюркам и монголам в отличие от индоевропейцев — скифов.

С тех пор в степях почти на полторы тысячи лет установилось господство сменяющих друг друга тюркоязычных племен: гуннов, аваров, болгар, хазар, узов, печенегов, половцев, — вплоть до тех тюрко-татарских орд, которые образовались здесь в результате монголо-татарского нашествия XIII в. и последующего распада Золотой Орды.

Только во второй половине XVIII в. тюркские элементы были окончательно вытеснены из степей (со времени покорения Крыма).

Поэтому очевидно, что степная топонимика должна содержать сильнейшие следы тюркских языков; так оно и оказывается на самом деле, огромное число географических имен степной Украины и других южных областей является тюрко-татарским по происхождению.

Однако этими языками дело здесь не исчерпывается. Во-первых, здесь имеется, конечно, очень большое число славянских (украинских и русских) названий, возникших в разное время; затем здесь же, особенно на побережье Черного моря, достаточно много греческих наименований, в Молдавии — молдавских и т. д. Таким образом, мы должны каждый раз принимать во внимание целый ряд исторических обстоятельств, накладывающих свою печать на топонимику данного района.

²³ Сюда же относится и название реки Дунай. Дон по-осетински до сих пор значит «вода».

Что касается северной, лесной полосы европейской части СССР, то здесь долго не было больших и сильных нашествий; крупные исторические события определились здесь гораздо позже, чем на юге. Труднопроходимая местность, суровые климатические условия, малая плодородность почвы и тому подобные обстоятельства способствовали здесь в течение тысячелетий сохранению рыболовно-охотничьих (или оленеводческих) занятий населения, со времен неолита и до очень недавнего времени представлявшего большое число отдельных племен и родов, говоривших на языках финно-угорской и самодийской групп.

В настоящее время к этим двум группам, между собой родственно связанным в языковом отношении, принадлежит целый ряд народов СССР:²⁴ саамы, эсты, карелы, вепсы, мордва, марийцы, удмурты, коми, манси, ханты и др.²⁵ (финно-угорская группа); ненцы, энцы, селькупы, нганасаны²⁶ (самодийская группа). Все это потомки древнего населения северной — лесной и тундровой — полосы Европы и части Азии.

Кроме того, раньше существовали другие финноугро-самодийские племена, ныне обрусевшие (частью очутившиеся, летгизированные и т. д.): Меря, Мурома, Заволоцкая чудь, «Сура поганая», пинежане, тойма и многие иные, от которых осталась местами богатая топонимика и ряд элементов лексики, вошедших в местные русские говоры.

Многие из этих исчезнувших племен и языков нам знакомы только отрывочно — по летописям и некоторым

---

²⁴ Сюда же относятся финны в Финляндии и мадьяры (венгры) в Венгрии.

²⁵ Манси и ханты живут к востоку от Урала.

²⁶ Значительная часть ненцев, энцы, селькупы, нганасаны живут в Сибири.

другим источникам — или даже полностью неизвестны. Все это, конечно, крайне затрудняет работу топонимиста.

Поэтому следует всегда тщательно изучать все исторические возможности, все обстоятельства, касающиеся языкового характера, лингвистической принадлежности тех видов речи, которые бытуют или бытовали когда-либо на данной территории (поскольку это возможно вообще установить). Иногда эти обстоятельства достаточно ясны, иногда очень затрудняют исследователя. Во всяком случае все историко-географические данные, касающиеся исследуемой местности, т. е. все сведения о прежних (древних) насельниках (как и о современном населении), должны быть собраны и учтены при обработке материала. Без соблюдения этого условия всегда будут неизбежны грубые ошибки при толковании географических названий из данных того или другого языка.²⁷

На этом мы заканчиваем наши краткие историко-географические соображения, очень суммарные, но все же могущие служить предупреждением о необходимости возможно более полного изучения исторического материала, как и соответствующего языкового, что совершенно необходимо в топонимическом исследовании.

---

²⁷ Типичным примером таких ошибочных толкований являются топонимические работы академика А. И. Соболевского, напечатанные в Известиях Отделения русского языка и словесности (ИОРЯС) за 1919—1929 гг. «Названия рек и озер русского Севера», «Русско-скифские этюды», «Славяно-скифские этюды» и т. д.). Здесь все неверно, так как А. И. Соболевский исходил из ошибочного положения, что скифы будто бы заселяли в свое время и Север, а не только Юг Восточной Европы.

Общие соображения о происхождении и изменении географических имен

Для достаточно точной характеристики того или другого местного названия или группы названий необходимо, как видно из предыдущего изложения, знать возможно полнее все языковые и исторические данные, относящиеся к исследуемой местности.

Однако сверх этого можно высказать несколько общих замечаний о происхождении и изменении географических имен — замечаний, более или менее не зависящих от характера языка, давшего начало тому или другому имени. Такие соображения также в известной степени помогают топонимическому исследованию или по крайней мере объясняют некоторые обстоятельства, связанные с истолкованием местных названий.

Прежде всего следует выяснить те основания, те главные принципы, на которых строятся географические названия в устах того или иного народа, т. е. на том или ином языке.²⁸

В самой глубокой основе здесь лежит, во-первых, необходимость обозначения отдельных природных объектов с целью ориентировки на местности; во-вторых, всюду и всегда имеется необходимость отметить объекты, особенно важные в хозяйственном отношении, хотя бы это было еще в доклассовом обществе (места богатых рыбных ловель, удачных охот и т. п.). Уже тогда, в глубокой древности, возникла и потребность обозначения родовых и племенных территорий, почему названия многих мест оказались связанными с именами отдельных родов и племен.

---

²⁸ Разумеется, эти соображения здесь носят пока самый общий характер; детали станут ясны только после разбора частных примеров разного характера.

Позже — при возникновении частной собственности на землю — возникли в большом числе географические имена, происшедшие от личных имен (фамилий, прозвищ и т. п.) владельцев. Впрочем, личные имена должны были играть роль (хотя и меньшую) в образовании названий мест и при первобытно-общинном строе.

Таким образом, топонимика неизбежно оказывается связанной и с этнонимикой, и с антропонимикой («патронимикой»)²⁹ Многие природные объекты носят, таким образом, часто названия то по внешним признакам (Белое озеро, озеро Глубокое, Черная речка, речка Каменка, Гладкий лог и т. п.),³⁰ то по приметам промыслово-хозяйственного порядка (озеро Шучье, река Бобр, остров Сиговец, речка Лососинка и пр.), то по именам владельцев или иным обстоятельствам. Что касается населенных пунктов, то они по большей части обозначаются названиями, происшедшими либо от близлежащего природного объекта, либо (и это в большинстве случаев) от родового, племенного, фамильного или личного имени,³¹ прозвища и т. п. (в зависимости от того, древнее или новое это название; древнейшие примеры этого рода связаны главным образом именно с родоплеменными именами).

Среди названий географических пунктов позднейшего происхождения имеется много таких, которые связаны

---

²⁹ Этнонимика — учение о племенных и родовых названиях; антропонимика — отдел ономастики, занимающийся личными именами людей.

³⁰ Мы приводим здесь преимущественно примеры, взятые из русских данных; однако аналогичные явления наблюдаются в сущности в любом другом языке.

³¹ Заметим, что имеется специальный словарь древнерусских имен, правда весьма неполный: Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. Записки Русского отделения имп. Русского археологического общества, т. I, СПб., 1903, стр. 59—913.

с деятельностью церкви (Воздвиженское, Знаменское, Пятницкое, Рождественно, Ильинское и проч.), с характером занятий жителей (Горснчарово, Рыбацкое; слободы: Ямская, Пушкарская, Стрелецкая и т. п.), а также нередко с их сословной принадлежностью и т. п. Одним словом, географические названия образуются на основе таких обстоятельств, как внешние физико-географические приметы местности, промысловые характеристики, отношения между родами и племенами, а впоследствии частнособственнические отношения и пр. Среди этих географических имен заметное место занимают названия, происшедшие в силу отношения данной местности к какому-либо событию, иногда совершенно случайному, так что в названии отражается какое-нибудь побоище, имя утонувшего в реке человека или оно откликается на другое какое-либо изолированное явление, не имеющее к этому названию никакого иного касательства, кроме отношения места, связи по месту происшествия.

Следует затем указать на один довольно распространенный разряд местных наименований — искусственно созданные владельцами земельных имений в эпоху феодализма названия типа Отрадное, Благодатное, Раздолье, Монплезир, Монрепо и т. п.³² Имеется, как известно, и значительное число современных нам наименований и переименований (в Крыму, на Карельском перешейке и во

---

³² Кроме того, иногда возникают имена такого рода, как например Румыния, Париж, Япония и т. п., — вследствие наличия временных поселений пленных или иных отражений зарубежных географических обозначений. Наиболее древними образцами в этом роде у нас в СССР являются известные с XI—XII вв. Триполь и Халеп на Киевщине (Триполье и Халепье), отражающие далекие названия богатых сирийских торговых городов Триполи и Алеппо (Халеп, Халеп). Таким же образом возникло там же название Корсунь (от греческого Херсонес) — после походов князя Владимира.

многих других местах). Наконец, необходимо отметить то обстоятельство, что у одной и той же местности (даже на одном и том же языке) может быть не одно, а несколько названий.

Примеров этого рода особенно среди названий селений и пустошей очень много. Разумеется, одной из важнейших причин здесь является былая или существующая и ныне разноязычность населения. Так, например, в Карелии благодаря наличию и карел, и русских наблюдается ряд двойных названий, одно из которых карельское, а другое русское, и т. п.

Очень часто такие парные, двойные названия на двух разных языках являются точными или приблизительно соответствиями друг другу по смыслу (переводами). О них будет в дальнейшем сказано подробнее. Здесь мы вкратце рассмотрим лишь случай, когда одно и то же село, деревня или пустошь носит (или носило) несколько названий на одном и том же языке — русском. Явление это, как уже говорилось, весьма распространенное; развивалось оно в рамках феодального общества при составлении разного рода документов на землю — при наследовании, при купле-продаже этой земли, при определении точных ее границ во время размежеваний и во всякого рода тяжёбных делах и спорах.

Подробнее будет об этом сказано в своем месте. Здесь отметим, что в возникновении таких названий, как Галицыно (Галицыно³³ тож), Каськово (Костькова тож), Ка-

---

³³ Это название взято из углицких писцовых книг XVII в.; там же (главным образом пустоши): «Ляхотино, а Вахутино тож», «Моровино, а Муравино тож», «Полизкино, а Помаскино тож», «Дешка, а Вешка тож» и т. д. — Буянцово—Буянково, Колочково—Клочково, Ескино—Есюкино, Стулино—Ступино, Воронново—Воронино, Кучино—Кочюково, Илемницы—Илейницы, Землева—Зевнево, деревня Склятино—Снятинье, Зыково—Зайково, Морки—Мокри, Карпово—Парково и многие другие этого харак-

лихова (Калитова), Паслово (Маслово), Безино (Белино), Ширипино (Ширинино) и пр., во многих случаях повинны ошибки писцов, составлявших тот или другой документ.³⁴

Был, однако, и ряд других причин, приведших к тому, что иногда одно и то же место носит 4—5 наименований — вроде такого названия небольшой пустоши в Вологодском уезде XVII в.: Шитарта—Шихиво—Мартышиха—Федячиха—Дячиха тож (!). Топонимист должен тщательно изучать все подобные наслоения названий, что можно сделать лишь с помощью привлечения исторических документов (писцовых книг, межевых актов и пр.), отражающих многие факты возникновения и дальнейшей истории местных имен.

Подводя итог сказанному, можно вкратце выразить основные положения следующим образом: географическое название иногда дается по какому-либо внешнему признаку местности, но еще чаще по связи с какой-нибудь стороной человеческой деятельности — производственной и иной, по принадлежности объекта кому-либо — коллективу или отдельному лицу и т. п.

Изменения и дополнения в форме и составе географического имени наступают в процессе смены племенных

тера. Нередки и такие: Раменье—Выдрица, Шипелгино—Батеево, Михалцово Меньшее—Овсянниково, Лучкино—Паискали, Другая Лучкина—Титягино, Щабры Подосеновы—Иванцово, Заполье—Оботурка, Бакирино—Татаркино—Межное, Шешурино—Корнеево—Власовское и т. п., где двойные и тройные формы объясняются сменой владельцев и другими причинами. Ср. также Рязанские писцовые книги XVI—XVII вв.: сельцо Остроухово—Корноухово, Чермнево—Чернево, деревня Чудиновская—Хрущова и т. д.

³⁴ Эти ошибки, чаще всего нечаянные, неизбежные при копировании старинных купчих, дарственных, жалованных грамот, иногда бывали и преднамеренными — в чью-либо пользу.

групп и соответствующих языков, при изменении производительных сил и общественных отношений и даже вследствие ошибок и опечаток в документах, а также и по прямому произволу людей.

Таким образом, все эти причины, как и многие другие, должны учитываться при выяснении подробной истории географических имен.

Этим мы заканчиваем наши предварительные соображения общего характера и обращаемся к фактическому материалу.

Г л а в а I

ПРИМЕРЫ КОНКРЕТНОГО ТОПОНИМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В этой главе мы покажем несколько образцов топонимического исследования на конкретных примерах, причем будем руководствоваться теми краткими общими соображениями предварительного характера, которые указаны во «Введении». Начнем с небольших однородных групп и с отдельных географических имен, при рассмотрении которых с полной ясностью можно показать все подробности исследования; вначале будем рассматривать преимущественно только русский материал, без привлечения очень большого числа иноязычных данных.¹

---

¹ Мы не будем очень подробно рассматривать здесь совершенно прозрачных, ясных образцов русской топонимики, обычно не требующих никаких специальных пояснений. Так, например, названия деревень и пустошей: Андрейцево, Масловщина, Алексейково, Иванцево, Горки, Заречье, Овсище, Репище, Слободка, Комарово, Савкино, Барабаниха и множество подобных, не вызывают сомнения с точки зрения их языковой принадлежности. Однако надо помнить, что топонимист должен тщательно изучить все доступные ему известия, касающиеся любого из этих имен, что часто позволяет точно выяснить подлинную историю и имен, и связанных с ними местностей. Даже упомянутые здесь про-

Такие данные, однако, сами по себе быстро войдут в действие по ходу работы, так как в большинстве случаев немисливо отделить чисто русские данные от многих иных. Это мы и увидим в дальнейшем, так же как сможем оценить связанные с этим трудности и возможности их преодоления.

Окончательной целью топонимического исследования является по возможности точное определение языкового характера местного названия или группы местных имен (русское, удмуртское, эстонское, татарское и т. д.), времени его возникновения и соответствующих исторических обстоятельств, а также выяснение дальнейшей истории названий той или другой области. Разумеется, задача эта во многих случаях оказывается пока трудно разрешимой или разрешимой лишь частично.

Названия, происшедшие от древнерусских личных имен

Как говорилось выше, очень заметным и многочисленным разрядом географических названий являются те, которые произошли от личных имен первоначальников и владельцев.

Некоторые из них относятся, вероятно, даже ко времени до образования Киевского государства, так что возможны такие названия этого рода, которые насчитывают свыше 1000 лет и могут быть определены в этом случае как восточнославянские, а не древнерусские. Впрочем, для точного определения таких подробностей мы не имеем надежных источников, а потому с определенностью отличить древнейшие русские наименования от восточнославянских

стейшие образцы — вроде Овсище и Репище — требуют некоторых элементарных познаний по истории русского народа и языка, что всегда необходимо иметь в виду.

VII—VIII вв. мы не в состоянии. Как бы то ни было, мы встречаем до сих пор значительное количество названий — преимущественно населенных пунктов, — которые возникли от соответствующих славянских (дохристианских) имен. В писцовых книгах и других древних источниках такого рода географических названий мы также находим достаточно.

Сюда относятся такие названия, как Дорогобуж, Радонеж, Мстиславль, Ярославль, Владимир, Житонег, Жиробудь, Житобуж, Твердомир, Житомир, Славонежицы, Домажирово, Доброжир, Ратмирово, Радомер, Любобуж, Любонег, Видогоща, Люджирицы и ряд других, им подобных. Происхождение некоторых из них засвидетельствовано точными историческими документами (города Владимир, Ярославль, Мстиславль и т. д. — от личных княжеских имен: Владимир, Ярослав, Мстислав). Названия двух городов Дорогобуж известны с XI—XII вв. и происходят от древнеславянского имени Дорогобуд (восточнославянская форма); у западных славян подобное имя также было известно² и дало начало многим названиям населенных пунктов (у поляков и кашубов, например).

Вообще все географические названия указанного типа возникли на основе личных древнеславянских имен, составленных единообразно из двух корней: Твердомир, Яро-слав, Жито-нег, Любо-жад, Дорого-буд и мн. др.

Подобные личные имена были широко распространены в древности во всем славянском мире; у восточных славян они держались дольше всего среди новгородцев, где дожили в некоторой степени до падения Великого Новгорода в 70-е годы XV в.³

---

² В форме «Даргобанд» или «Драгобанд» (*н* — носовой звук).

³ В Великом Новгороде А. В. Арциховский нашел при археологических раскопках берестяную грамоту с личным именем Жизномир. Конструкция всех таких древнеславянских имен

Кроме полной формы этих имен, уже указанной нами, часто употреблялась упрощенная: Славята, Нежата, Вышата, Путята, Твердыта, Гостята и т. п., откуда названия населенных пунктов, — такие, как Славятино, Нежатино, Твердытино и пр. Другая такая форма была с окончанием *-ла*, *-ло*: Твердило (отсюда Твердилово), Путило, Гостило и т. д. Разумеется, соответствующие географические названия встречались и встречаются только на древнерусских землях; их не найдешь там, где восточные славяне (собственно уже русские) распространились сравнительно поздно.

*Географические имена,
происшедшие от нехристианских русских личных имен
других типов*

По-видимому, теми именами, которые были только что рассмотрены, пользовались преимущественно представители верхушечных слоев раннефеодального восточнославянского и русского общества (князья, бояре и т. п.). Были еще в ходу личные имена совершенно другого склада, как например Чернь (первая половина XI в., купеческое имя),⁴ Талец, Ждан, Неждан, Вешняк, Неклюд, Нечай, Невея, Непея, Негодяй, Некрас, Нерадец, Злоба, Первуша, Третьяк, Бессон и множество иных,⁵ не име-

---

всюду одинакова; даже более того, подобного рода двухсоставные личные имена были некогда широко распространены почти во всем мире древних народов, говоривших на индоевропейских языках, — у славян, германцев, кельтов, иранцев.

⁴ Чернь был родом из древнерусского города Торопца и носил впоследствии христианское имя Исаакий, будучи иноком Печерского монастыря под Киевом.

⁵ Заметим, что значительный материал по древнерусским личным именам собран Н. М. Тупиковым (Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен. Записки Русского отделения имп. Русского археологического общества, т. I, СПб., 1903, стр. 59—913). Здесь можно найти ряд языческих имен,

вших никакой связи с обычными на Руси уже с конца X в. христианскими именами. Очень часто христианское имя скрывали, и окружающим был известен не Иван, а Некрас Нежданов и т. п. Этого рода имена⁶ в значительном числе употреблялись еще в XVI в., а в ряде случаев зарегистрированы документально и в XVII в.

От них возникло много географических наименований (населенные пункты) и много фамильных прозвищ, которые потом во многих случаях так и остались в качестве фамилии того или другого рода, а отсюда происходили новые географические имена⁷ (фамилии Некрасовых, Неклюдовых, Третьяковых, Нечаевых, Первушиных и мн. др.).

*Другие старые географические названия,
происшедшие от личных имен*

Очень интересную и обширную категорию названий населенных пунктов представляют те, которые произошли

прозвищ и т. п., следует лишь помнить, что по ошибке местами составитель включил и нерусские имена (имеются отдельные польские, татарские, прибалтийско-финские, литовские).

⁶ В некоторых семьях имена подбирались по специальному признаку; например, в семье Линевых были в ходу «рыбьи» имена: Ерш, Судок (Судак), Линь и пр. (а также птичьи). В роду помещиков Тыртовых в XV—XVI вв. были в обращении имена: Шум, Гам, Крик, Зук и т. п. Был в этой семье и Мир Гамов Тыртов, и Крик Зуков Тыртов (кн. Андрей Курбский упоминает «стратилата (полководца) славного Крика Тыртова», убитого по приказанию Ивана Грозного). В одной рязанской помещичьей семье XVI—XVII вв. были братья Немир и Смирной и т. п.

⁷ Отсюда по территории СССР рассеяно множество названий сел и деревень — таких, как Колзаково, Рокотово, Голицыно, Бутурлино, Салтыковка, Голенищево, Пушкино, Жданово, Нелидово, Полибино, Очкасово, Кушелевка, Шувалово, Юренево, Голохвастово, Бухвостово, Бартенево, Нечаево, Бараново, Овцыно, Брян-

от разных уменьшительных и сокращенных личных имен греческого происхождения (христианских). Мы рассмотрим здесь некоторые из этих названий.

Мы коснемся главным образом тех из них, которые произошли не от обычных сокращенных личных имен (Гриша, Ваня, Петя и т. п.), какие употребляются и доныне, а возникли в связи с уже исчезнувшими формами. Подобных, ныне неупотребительных форм христианских личных имен лет 500—800 тому назад было в обращении много. Некоторые (и даже многие) из них были однотипны; таковы: Михно⁸ (Михаил), Грихно (Григорий) и целый ряд других того же типа: Сахно, Стехно, Лехно, Лахно, Юхно, Яхно и т. д.

Они были очень распространены в литовско-русских областях,⁹ но в большом числе встречались также и на псковско-новгородских землях, в чем легко убедиться, взглянув в новгородские писцовые книги XV—XVI вв.

В этих же писцовых книгах мы найдем уже и значительное число деревень и пустошей с названиями, произведенными от этого рода личных имен: Сахново, Лехново, Лахново, Грихново (несколько), Стехново (множественно), Стехнов Котел, Михново, Махново (несколько), Юхново (целый ряд), Яхно, Яхнова Гора, Яхново (несколько), Яхновская, Яхновщина и т. п. Многие из этих географических названий дошли до нашего времени

чаниново, Бурцево, Воронцово, Загоскино, Исленьево, Карташево, Крекшино, Палицыно, Панино и др.

⁸ Известно с XII в. (один из приближенных князя Андрея Боголюбского носил это имя — Михно мечник).

⁹ На Украине такого типа имена дожили до нашего времени (Махно — Матвей, Пихно и пр.), во многих случаях обратившись в фамилии, а также вошедшие в географические названия (типа Махновка и т. п.). В западном крае таких географических имен весьма значительное число, например старинные гродненские названия населенных пунктов: Юхновец, Юхновщина, Яхновщина, смоленский Юхнов и т. п.

(Сахны, Яхны, Брюхны, Лахны, Жехново, Лехново и т. д.).¹⁰

До сих пор существует город Юхнов (^{Калужской} Смоленской области). Между тем часто по писцовым книгам можно проследить самое возникновение (в XV—XVI вв.) и первые годы существования населенных пунктов с этими именами, что для топонимиста представляет, разумеется, большой интерес.

Рассмотрим другой пример, очень любопытный в том отношении, что топонимисты нередко впадали здесь в ошибку, неправильно истолковывая смысл соответствующего географического имени.

Это названия (деревень, пустошей, сел): Гридино, оно повторяется, например, в новгородских писцовых книгах XV—XVI вв. неоднократно¹¹ и происходит от уменьшительного личного имени Гридя (Григорий), которое в те времена было широко распространено наряду с другими формами (Грихно, Грига, Гриня, Гриша, Гришута и т. п.) и было даже значительно употребительнее всех этих прочих форм.

Лиц (большинство из них крестьяне) с именем Гридя в писцовых новгородских книгах многие десятки; есть такие примеры, когда в деревне Гридино живет Гридя Гридин, от которого (или от его отца) и самая деревня получила свое имя. Между тем находились топонимисты, которые пытались связать названия типа Гридино с древ-

---

¹⁰ Примеры взяты из издания «Псковская губерния» (т. III. Великолуцкий уезд, вып. 1, изд. статистического отдела Псковского губернского земского управления, Псков, 1905). Такого рода издания бывают очень полезны для топонимиста, однако надо тщательно проверять точность написания названий ввиду весьма нередких опечаток.

¹¹ Название Гридино принадлежит также многим деревням XV—XVI вв. в Белозерском крае и других местах.

нерусским словом *гридь*, *гридьба* 'младая дружина князя', 'отроки'. Это объяснение оказывается на поверку совершенно несостоятельным; можно установить даже, что большинство местных имен (вероятно, все без исключения) «Гридино» возникло в течение или после XV в., когда термин «гридь» в значении дружины уже давно исчез из русского языка.

Остановимся пока на этих примерах географических названий, происшедших от личных имен.¹² Как видим, это преимущественно названия деревень, сел, пустошей и т. п. Надо, однако, иметь в виду то обстоятельство, что очень часто мелкие (а иногда и не очень мелкие) природные объекты также получают название от личных имен людей — через названия соответствующих населенных пунктов, с которыми эти природные объекты так или иначе связаны. Так, например,¹³ маленькая речка около деревни Иванцева носит название Иванцевской речки,¹⁴ речка около деревни Савина носит наименование Савинской речки и т. д.

Заметим, что вообще очень часто название населенного пункта дается по названию ближайшей воды — реки, озера; но нередки и указанные здесь явления обратного характера (для мелких речек, озерков).

Переходим теперь к примерам названий, связанных именно с водами и другими природными объектами.

---

¹² Можно указать многие другие примеры интересных групп личных имен; так, например, долгое время были в ходу такие сокращенные формы русских личных имен, как *Поташ* (*Потап*), *Осташ* (первоначальная греческая форма имени: *Евстафий*) — отсюда название города *Осташкова* на оз. *Селигере*, и т. п.

¹³ Примеры взяты из числа названий, относящихся к бывшему *Торопецкому уезду Псковской губернии*.

¹⁴ Эта же речка протекает около деревни *Орешкова* и там носит название *Орешковской речки* и т. д., так что один и тот же объект часто носит несколько имен.

Поникля

Это — название одной небольшой речки Смоленской области, притока р. Межи, впадающей слева в Западную Двину. На первый взгляд речное имя Поникля кажется нерусским, неславянским и даже вообще неиндоевропейским. Неясным кажется даже самое оформление названия, весьма редкое в чисто русской топонимике.

Препятствием к правильному объяснению является и отсутствие поблизости подобных же или похожих наименований, что создает впечатление какой-то исключительности, единственности в своем роде. Однако это название оказывается славянским (русским),¹⁵ что и позволяет дать правильное толкование целому ряду русских наименований речек, ключей, колодцев. Столкнувшись впервые в 1928 г. с речным названием Поникля, автор этой книги некоторое время (довольно длительное) никак не мог решиться на точное определение того языка, которому должно принадлежать это имя.

Разгадка — и притом совершенно неоспоримая — пришла в момент просмотра областного великорусского словаря, в котором имелось указание на диалектное слово «поникнуть» в значении «иссякнуть», «исчезнуть под

---

¹⁵ Или, быть может, литовско-славянским, так как следует оговориться: на территории Смоленщины долгое время одним из влиятельных языков был литовский; в смоленской топонимике его следы ясно заметны, как и в лексике местных русских говоров. Поэтому не исключена возможность участия и литовского языка в создании имени Поникля (Паникля), так что литовское *punktis* 'исчезать' можно положить в основу объяснения, по крайней мере в отношении форманта *-ля* (а не *-ла!*), т. е. только для данного случая. Эта двойственность толкования вполне естественна ввиду большой близости многих данных балтийских (литовско-латышских) и славянских языков. В дальнейшем мы столкнемся не раз с такими названиями, в образовании которых приняли участие сразу два языка.

землей», «уйти в землю» (об источнике, ручье и т. п.). В том же смысле глагол «поникати» употреблялся и в древнерусском языке.¹⁶ Надо было, однако, удостовериться в том, что река Поникля действительно «поникает» в землю, оправдывая этим свое имя. Оказалось, что так оно и есть, причем это явление исчезновения Поникли было впервые описано Д. Н. Анучиным в следующих словах: «У деревни Мокруш (Бельского уезда) наблюдается... интересное явление — исчезновение в известняках речки Поникли... Появляется река снова... у села Пониколь (Поникли) в виде ключей...».¹⁷

Таким образом, оказалось, что данное название является славянским (русским).¹⁸ Но этим наши выводы не исчерпываются. Во-первых, мы начинаем понимать всю важность знания областной (диалектной) лексики, как и лексики древнерусской для целей топонимического исследования. Во-вторых, оказывается, что огромное значение для успеха этого исследования имеет знание чисто географических данных, знание характера и свойств обозначаемого рассматриваемым именем реального объекта

---

¹⁶ См.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II. СПб., 1912, ст. 1180.

¹⁷ Д. Н. Анучин. Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги. «Северный Вестник», 1891, № 8; см. также: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Под ред. В. П. Семенова. т. IX, «Верхнее Поднепровье и Белоруссия». СПб., 1905, стр. 6.

¹⁸ Если не принимать во внимание сделанного выше замечания о возможности литовского воздействия. Однако надо заметить, что в смоленских говорах до сих пор имеется и слово «пониковец», означающее ручей, местами теряющий течение, см.: Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959. — Необходимо добавить, что слово «поникнуть» в значении «исчезнуть под землей» (о речке) встречается у С. Т. Аксакова в его «Семейной хронике».

(в данном случае речки). В-третьих, наконец, мы можем продолжить наши заключения следующим образом: название Поникля должно быть разложено как По-ник-ля.¹⁹ Нельзя ли найти и объяснить таким же образом ряд географических названий, содержащих это начальное Поник-, но с разными формантами (окончаниями)?

Не так далеко от Поникли, в той же Смоленской области, мне была известна речка Поникша, или Паникша,²⁰ нанесенная на подробную карту; оказалось, что эта речка вообще никуда не впадает, «поникая» в торфяных болотах, исчезая в них.

Дальнейшая проверка всех этих достаточно многочисленных случаев, когда речки обозначаются именами: Поникша, Пониква, Поника и т. п.,²¹ показывает, что мы всегда имеем дело с «поникающими» речками.

Отсюда следует, кроме разъяснения указанных фактов, важный общий вывод, относящийся к попыткам характеристики географических названий (например, рек) по суффиксам (формантам).

Вдумаемся в данный пример, здесь мы имеем неоспоримо славянские (русские) названия: Поник-ля, Поник-ша, Поник-ва, имеющие одно и то же значение: «исчезающая речка». Между тем «форманты» *-ля*, *-ша*, *-ва* при топонимическом исследовании могут создать ложное впечатление чего-то иноязычного, о чем и говорилось в начале изложения этого образца.

---

¹⁹ Заметим, что в «Списках населенных мест Российской империи. Самарская губерния» (СПб., 1862) мы встречаем аналогичное название Поникла (ср. речные названия Вымкла, Вытекла, Высохла в других местах). Названия Поникли встречаются также в Псковской области и других местах.

²⁰ Вследствие местного аканья здесь обычно слышится Паникша, а не Поникша.

²¹ Ключи и колодцы, обладающие свойством «уходить» («понижать»), усыхать, называются именем Пониковец.

Поэтому никогда не следует увлекаться формальной систематизацией речных названий «по суффиксам» (формантам); тем более не следует думать, что каждый такой формант (-ля, -ша, -ва) должен значить «вода» или «река» в каком-то языке. В дальнейшем об этом будет сказано подробно с указанием ряда примеров.²² В данном случае -ля, -ша, -ва — это просто русское оформление топонимических данных; заметим, что оформление географических наименований вообще сильно отличается от оформления другой лексики языка, не топонимической. Только в топонимике мы встречаем такие слова, как названия балок: Осиноватая, Ольховатка; Гороваха — так называется одна гора на юго-востоке бывшей Псковской губернии — и т. д.²³

Десна. Цна. Шуя

Десна (нередко в иной форме: Цна) является названием многих рек СССР, среди которых есть большие, например один из важнейших левых притоков Днепра (около 750 км длины); другие много меньше, как например один из левых притоков Южного Буга и др.

Все реки с этим наименованием являются левыми притоками более значительных водных артерий, тогда как реки с именем Шуя, гораздо реже встречающиеся, оказываются правыми притоками.

Это обстоятельство заставило уже давно обратить внимание на очевидную возможность истолкования названий Десна и Шуя из славянских данных: Десна — правая, Шуя — левая.

---

²² Там, где будет специально разбираться вопрос о так называемых «речных суффиксах» («формантах»).

²³ Горовастаца, Гороватка и ряд подобных слов представлен только в составе той части лексики языка, которая образует топонимику.

Обратный смысл (Десна — левый приток, Шуя — правый) получен, как справедливо считают, вследствие того, что названия давались при движении вверх по течению главной реки (Днепра и т. д.). Многие делали отсюда заключение, что вообще славянская колонизация в Восточной Европе шла вверх по Днепру и другим рекам, впадающим в Черное море, т. е. с юга на север (акад. А. А. Шахматов и др.). Это заключение, однако, вряд ли можно считать твердо установленным.²⁴

Дело в том, что в возникновении названий притоков крупных рек играла главную роль, несомненно, необходимость точного определения пути, откуда ясна важность определённых указаний на выбор дороги при разделении этого пути по двум направлениям; это важно именно только при движении (плавании) снизу вверх,²⁵ тогда

---

²⁴ Мы отнюдь не хотим сказать этим, что оно вообще неверно; весьма возможно, что значительная часть славянства двигалась здесь (по Днепру) именно с юга, будучи вытесняема из плодородной степной полосы бурными событиями эпохи великого переселения народов. Мы хотим лишь указать на то обстоятельство, что прежде широкой колонизации того или другого района славянством славянские племена уже знакомились с географией этого района благодаря торговым путешествиям отдельных своих представителей, создававшим впервые многие элементы географической номенклатуры или усваивавшим местные названия у более древних насельников. Совершенно так же гораздо позже многое в географической номенклатуре Сибири впервые воспринималось по «сказкам» отдельных «вожей» и первых «землепроходцев» (казаков, служилых людей, промышленников), — задолго до широкой и прочной колонизации обширных сибирских пространств.

²⁵ Разумеется, это предполагает весьма значительное движение по реке (например, по Днепру) — особенно, конечно, с торговыми целями, что весьма точно соответствует характеру славянской деятельности в Восточной Европе в последней четверти первого тысячелетия н. э. (примерно VIII—X вв.), а может быть, и значительно ранее, что гораздо вероятнее. У мордвы, например, не было такого рода большой подвижности, в особенности вверх

как путешествие обратное — сверху вниз — не представляет обычно затруднений, если нет разделения самой основной магистрали на рукава. Только в этом случае плавание вниз требует выбора одного из двух (иногда и более) путей.

Оказывается, бывают и такие случаи, хотя и редко. Тогда, например, как это имеет место на Днепре, правый рукав носит название Десной, что вполне понятно, так как облегчает выбор пути при плавании вниз.

Таким образом, эти соображения географического порядка помогают с несомненностью установить славянский характер названий Десна (Цна), соответствующих славянскому и древнерусскому *десный* 'правый'.²⁶

Что касается названий типа Шуя, то следует помнить, что не все они могут быть славянскими по происхождению. Так, например, есть в Карелии река Шуя, впадающая в Онежское озеро, так что явно нельзя приписывать этому названию (Шуя) в данном случае смысл «левая» («правая»).

И действительно, это название имеет происхождение карельское; река, называемая русскими Шуя, вытекает из озера Шуезера, имеющего финское название Суоярви, первая половина которого у карел звучит как Шуо-, от-

---

по течению рек, а поэтому мы имеем там обозначение левых притоков крупных рек (например, Волги), исходя из их положения по течению реки. Смотри по этому поводу пример «Керженец» в этой главе. Все дело в том, что к мордве иноплеменные купцы приходили сами (за пушным товаром), тогда как славяне (венеды) уже во времена Тацита «исходили» все местности между Нижним Подунавьем и Феннами, т. е. финно-угорскими племенами Севера.

²⁶ Указанное выше закономерное расположение всех «Десен», как левых притоков, было обстоятельно установлено впервые П. Л. Маштаковым, хотя и до того были известны отдельные факты этого рода (П. Л. М а ш т а к о в. Десна. ИОРЯС, т. XXII, кн. 2, Пгр., 1917).

куда и русское Шуезеро. Население на этой реке почти исключительно карельское, особенно в верхнем и нижнем течении. Название Суо-ярви (Шуо-) значит по-фински (по-карельски) «болотное озеро» и ничего общего с древнерусским словом, обозначающим «левый», не имеет. Таким образом, мы имеем здесь пример случайного созвучия, что представляет в топонимике крайне распространенное явление, вводя часто в заблуждение даже серьезных исследователей при истолковании смысла названий.

Из рассмотрения этого примера (Шуя) мы видим также значение учета территориального расположения (Карелия!) и ряда других данных для определения характера и смысла названия. В дальнейшем мы увидим ряд примеров, когда название, кажущееся внешне чисто русским, имеет на самом деле совершенно иное (например, мордовское) происхождение.

Это показывает, между прочим, что изучать одну только русскую топонимику — без знания многих других языковых данных — чрезвычайно трудно. СССР — страна многонациональная, на нашей земле рядом проживали и проживают разноязычные народы, а поэтому даже при изучении топонимики мест, заселенных сейчас только русскими людьми, можно встретить ряд названий отнюдь не русского происхождения. Выделение подобных названий требует знания широкого языкового материала, не только славянского.

Сутоки, Мещоки и т. п.

Сутоки — название, которое в несколько различающихся формах широко распространено не только в среде восточных, но и у западных славян; означает оно «место слияния двух рек, двух потоков» (су-токи).

В новгородских писцовых книгах XV—XVI вв. название Сутоки повторяется около 15 раз.

От того же корня («течь», «ток») происходит и местное название Обтоки (в писцовых книгах Оптоки), гораздо более редкое, а также Ростоки (Раз-токи) — место разделения потока на две ветви.²⁷

Нередко встречается название Межтоки (в новгородских писцовых книгах: Межиток, Межтоки, Межуточье); имя Межтоки обычно обозначает проток, соединяющий два озера (меж-токи), а иногда деревню, стоящую при этом протоке.

Часто, однако, встречается другая форма того же имени: Мещоки, вместо Межтоки, которая распространена так же широко и в настоящее время, как и в источниках XVI в. (например, в московских писцовых книгах этого времени).

Неопытный топонимист вряд ли сразу сможет определить происхождение названия Мещоки; оно, вероятно, покажется ему неславянским, хотя в действительности имеет чисто славянское происхождение.²⁸ Заметим, что существует диалектная форма Машток (на озере Селигер).

---

²⁷ Чаще Рассохи («раз-соха»), Рассоховатка и т. п. Однако и Растоки, Ростоки довольно распространенное в русском и вообще славянском мире название (ср. немецкий город Росток, имя которого славянское по происхождению). Например, названий Растока, Ростоки, Росток много в бассейне Днестра. Что касается термина «рассоха», то он, как известно, применяется и в другом значении (часть сохи и развилина вообще). Интересно, что в районе озера Лаче (сообщение Ф. П. Филина) вместо слова «рассоха» применяется диалектное «сора», «шора», причем оно же входит и в названия многих мелких речек этого края, находя объяснение в финно-угорских данных, (см.: Ученые записки ЛГУ, Серия востоковедческих наук, вып. 2, 1948, стр. 171).

²⁸ Разумеется, есть множество названий совершенно прозрачных, не вызывающих никаких споров и сомнений в их славян-

Узмень

Это географическое имя обозначает всегда одно и то же: узкое место между двумя широкими плесами озера («узкий»).²⁹

Наиболее знаменитый исторически «узмень» находится между Псковским и Чудским озерами, где в 1242 г. происходило «Ледовое побоище», кончившееся блестящей победой Александра Невского над немецкими рыцарями.

Однако и в других псковских и новгородских местах³⁰ мы встречаем еще несколько географических имен этого рода, всегда точно отражающих характер местности.³¹ Таковы названия Узмень на Жижицком озере, на озере Усвяте и т. д.; от XV—XVI вв. имеются такого рода наименования в писцовых книгах (Узмень, Узмя и др.).

Это название интересно тем, что оно ввело в заблуждение крупного ученого первой половины XIX в. — акад. Шёгрена, думавшего, что слово Узмень имеет прибалтийско-

---

ской принадлежности. Достаточно вспомнить такие географические имена, как Заболотье, Залучье, Залесье, Загорье, Бор, Борки, Остров, Устье, Черное Раменье, Ельня, Задубье, Задубровье, Каменно, Дуброва, Холм и многие тысячи других, толкование которых с точки зрения выяснения их языковой принадлежности затруднений не вызывает. Однако и здесь в некоторых случаях можно задать вопрос, не является ли то или другое из этих названий переводом существовавшего до того, более древнего наименования, данного другим народом? В некоторых случаях так оно и оказывается, о чем речь будет идти далее.

²⁹ Древнерусское *оузмень*, *оузмень* 'узкое место', 'узкий пролив'. Это слово оформлено тем же суффиксом *-мень*, как *сухмень*, *голомень* и т. п.

³⁰ А также на Витебщине, здесь имеются названия «Узмень», упоминаемые писцовой книгой Полоцкого повета (XVI в.; см.: Писцовые книги Московского государства).

³¹ Название Ужо (Псковская область) для обозначения очень длинного узкого озера.

финское происхождение,³² тогда как в действительности оно чисто славянское.

Вымол. Вымольцы

Под таким названием — Вымол — указано несколько деревень, пустошей и починков в Новгородских писцовых книгах.

Слово «вымол» как имя нарицательное в настоящее время малоупотребительно;³³ однако в древних актах оно упоминается неоднократно (даже еще в XVI в.).

Значение этого слова легко определяется по смыслу соответствующих текстов³⁴ и по сохранившимся параллельным словам родственных славянских языков (особенно чешского), откуда видно, что основное значение его было «водомина», «ров», «овраг». Таким образом, название Вымол укладывается в рамки славянского объяснения, не требуя привлечения иноязычных данных. Однако в новгородских писцовых книгах по Вотской пятине (на Карельском перешейке) мы встречаем географическое название Вымольский наволоок, принадлежа-

---

³² А. М. Шёгрэн. Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами языков северных и восточных. Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, т. 1, 1854. — При этом объяснение Шёгрена носило внешне очень правдоподобный характер, будучи безупречным с формально-фонетической стороны, однако оно было все же неверно. Это показывает совершенную недостаточность привлечения одних только формальных филологических показателей для решения вопроса о действительной языковой принадлежности того или другого местного имени. Всегда, кроме совершенно прозрачных случаев, требуется использование исторических материалов и изучения географической обстановки.

³³ Редко встречается в русских диалектах со значением «рытвина», «промоина».

³⁴ См., например, известный новгородский «Устав о мостах», где термин «вымол» употребляется неоднократно.

щее деревне Кирьяжского погоста, населенной тогда — в XV в. — карелами. Отсюда произошло название Вымольского рода карел, который наряду с другими родами «карельских детей» нередко упоминается в севернорусских актах XV в. Эти другие роды назывались так: Ровкульцы (Рокольцы), Курольцы, Валдольцы, Каргальцы, Тиврульцы,³⁵ причем их названия произошли от имен карельских поселений того же Кирьяжского и другого близлежащего погоста — Сакульского: Рокула (Ровкула), Валдола, Тиврола и т. д. Это заставляет предположить и что-то вроде деревни «Вымола», где *-ла* есть общий прибалтийско-финский формант (словообразовательный суффикс) для образования специально географических имен.

Однако в писцовых книгах, составленных, разумеется, русским писцом при помощи местных жителей карел, имеется только «Вымолский наволок», что можно считать и за коренное славянское, и за русифицированное, приспособленное к нормам русского языка карельское местное имя. Последнее для данной местности вероятнее.

Этот пример еще раз указывает на некоторые из тех затруднений, с которыми сталкивается топонимист там, где действуют или действовали когда-то два (или более) языков одновременно.

*Гверестка, Гверстянка, Жерствин, Дрествянка,
Дверства, Дверстяница, Гверездно и т. п.*

Эти названия речек, деревень и так далее встречаются в разных областях и в различных источниках по крайней мере с XV в.

---

³⁵ Кроме Тиврульцев, остальные входили в объединение «пяти родов карельских детей».

Все это — разные формы географических имен, происходящих от одного и того же по смыслу слова, означающего мелкую гальку, дресву.

Слово это звучит в разных местах по-разному: дресва, дрества, дверста, гверста, жерства, дрезва и т. д., откуда множество различных вариантов соответствующих географических имен, небольшая часть которых приведена нами выше.³⁶

Знание областного (диалектного) словаря для топонимиста, занимающегося географическими названиями той или другой местности, является совершенно необходимым. Так, совершенно изолированное, единственное в своем роде название села Бупел Курской области остается совершенно непонятным без знакомства с соответствующим диалектным словом *бупел* 'выпь'³⁷ (птица).

Такое же знакомство с диалектными и древними формами русских слов требуется при объяснении таких географических названий, как Выскидно, Исады, Весь, Весъегонск, Мезень, Раменье, Ростани, Тиуново, Смердово, Сябры, Смыки, Терев, Перейма, Перерва, Прорва, Прость, Изорники, Изори, Захонье, Заходы, Чертеж, Обжа, Рассохи, Релка, а также целого ряда других, отражающих различные русские народные топографические термины, древнерусские обозначения разных прослоек и групп населения и других мало распространенных или вовсе исчезнувших в настоящее время элементов русской лексики. Разумеется, очень трудно в практической работе топонимиста отделить здесь чисто славянские данные от таких, которые вошли в восточнославянские (позже русские) диалекты из языков других семей и

---

³⁶ См. также: А. И. Попов. Из истории лексики языков Восточной Европы. Изд. ЛГУ, 1957.

³⁷ Это объяснение принадлежит топонимисту А. И. Яценко.

групп финно-угорских, балтийских, тюркских и т. д.³⁸ То и другое в топонимике часто так тесно сплетено, что такое разделение зачастую представляется просто нерациональным, так как, например, на Севере даже многие этого рода термины (лахта, мыза, сельга, варака и т. п.) давно и прочно вошли в обиход соответствующих диалектов русского языка.

Керженец

Это название известной реки Среднего Заволжья, знаменитой в истории старообрядчества и воспетой Мельниковым-Печерским, кажется по внешнему оформлению совсем русским (суффикс *-ец*).

В действительности это совсем не так, хотя название слегка и русифицировано. В старинных песнях оно передается иначе: «Лева Керженка»; это на первый взгляд странное прибавление эпитета «лева(я)» оказывается вполне естественным, так как Керженец является левым притоком Волги, а *кержен*, *керджен*, *кержи* и тому подобные значит в различных мордовских диалектах «левый».

Здесь мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что в данном случае левый по расположению приток Волги является «левым» и по наименованию, — не так как в многочисленных славянских (русских) названиях рек и речек Десна, что значит «правая», тогда как все это левые притоки других рек (Днепра и т. д.), см. пример на стр. 38 этой главы.

---

³⁸ Мы имели в виду опасности, подстерегающие топонимиста в том случае, когда он, не пытаясь подвергнуть всесторонней обработке весь имеющийся материал топонимике данной области, а выбирая из него только прозрачные русские данные, останавливается на половине пути, отказываясь от решения наиболее трудной и интересной задачи, дающей возможность сделать ряд существенных лингвистических и исторических выводов.

И это вполне понятно, так как мордва, насколько можно судить по всем доступным нам источникам, не совершала широких путешествий по Волге с торговыми целями, а поставляла пушные и другие товары на месте приезжим купцам — особенно из Булгара, если говорить о конце I тысячелетия н. э. Точно так же мордва не была степным народом, который мог бы двигаться по Волге с юга, обозначая названием «левый» ее правые притоки и наоборот. Мордовские племена в основной своей части в течение очень долгого времени крепко сидели в своих лесных «твердях». Если они и двигались, то это было движение в восточном направлении, что показывает та же мордовская топонимика, простирающаяся далеко на запад, где давно уже нет и следов населения, говорящего на мордовских языках.

Здесь мы дадим еще относящийся сюда пример, чтобы пояснить воздействие так называемой «народной этимологии» (народного осмысления) на чужезычные географические названия, воспринимаемые в свой язык от соседнего народа.

Худолейка

Это название одной маленькой речки (Среднее Поволжье) выглядит и звучит чисто по-русски.³⁹ Тем не менее оно по своему происхождению является не русским, а мордовским, будучи лишь приспособленным чисто внешне к данным русского языка. В оригинале оно звучит иначе: Кудо-лей, причем *кудо* по-мордовски значит изба, дом, а *лей* — речка, овраг.

Мы в состоянии установить все это лишь благодаря тому, что мордва тут же рядом и живет — вместе с русскими. Мордовскими являются в подавляющем большин-

---

³⁹ Отсюда фамилия Худолеев, довольно часто встречающаяся.

стве случаев и все аналогичные названия здешних мелких речек и оврагов; они носят однотипную форму с окончанием *-лей* (эрзянское) или *-ляй* (мокшанское) 'овраг', 'речка'. Однако русские, пачав заселение Средневожского края еще в двадцатых годах XIII в. и восприняв в основном в целостности древнюю мордовскую топонимику, с течением времени некоторые названия переделали в духе своего языка, приспособив их к различным внешне созвучным русским словам.

Так, из мордовского Кудолей образовалось Худолейка, т. е. как бы русское название, сложенное из «худо» и «лечь»; это явление называется «народной этимологией» или «народным осмыслением» и представляет весьма частое и распространенное в разных языках явление.

Попутно следует заметить, что и оформление окончания названия изменилось — добавился русский уменьшительный суффикс *-ка*, которого не было в мордовском оригинале.

Это явление стало к тому же почти всеобщим, в том смысле, что подавляющее большинство мордовских названий речек и оврагов на *-лей*, *-ляй* (а их многие десятки) стало носить в устах русских уменьшительную форму на *-лейка*, *-ляйка*.

Объясняется это просто: все это мелкие объекты, крупных речек среди них нет.⁴⁰ Не одно только название Кудолей—Худолейка носит следы русской «народной этимологии». Такие явления обнаруживаются всюду, где мордва живет рядом с русскими; так возникли здесь такие наименования оврагов и речек, как Водолейка, Вихляйка, Козлейка, Пантелейка (!), Трухлейка, Мурав-

---

⁴⁰ Впрочем, в некоторых мордовских говорах можно даже к Волге применить обозначение «лей» (Рав-лей).

лейка и т. п., которые имеют совершенное сходство с русскими словами, выдавая родство с мордовскими данными нередко только элементом *-ляй* или *-лей*.

При этом необходимо заметить, что некоторые из таких названий и действительно образовались уже на собственно русской почве достаточно поздно, однако внешне они вполне приспособились к общему фону окружающих мордовских наименований с окончанием *-лей*, *-ляй* и русским дополнением уменьшительного суффикса *-ка*. Тут наблюдается явление, частое в топонимике, когда язык (в данном случае русский) более или менее уравнивает, подгоняет под один тип названия однородных объектов — в данном случае мелких речек и оврагов.

Это явление можно назвать уподоблением или уравниванием с помощью одинаковых топонимических формантов («суффиксов»).

Так, на значительных территориях возник топонимический формант *-лейка*, *-ляйка*, представляющий скрещение мордовского *-лей*, *-ляй* с русским *-ка*, а порой уже представляющий другую форму: *-ей*, *-ейка*, к которой *-лей* не имеет прямого отношения: Балашейка, Рачейка, Просандейка и ряд других, образованных по аналогии с названиями на *-лейка* из смешанных данных — русских, мордовских, татарских и иных. Происходит своего рода топонимический «сплав» из материала разных языков, в котором принимают участие не только русский и мордовский благодаря давней разноплеменности населения.

Так, например, всюду, где господствует указанный мордовский тип названий на *-лей*, *-лейка*, мы нередко встречаем такие названия речек, как Балыклей, Балыклейка,⁴¹ где основа *балык* — татарская и значит «рыба»,

---

⁴¹ См.: Список населенных мест Российской империи. Тамбовская губерния. СПб., 1866; то же. Саратовская губерния. СПб, 1862.

а «суффикс» («формант») *-лей, -лейка* уподобился общему окружающему фону, образовавшись, однако, из татарского *-лы*, так как *балыклы* значит по-татарски «рыбная (речка)».

В этом и состоит уподобление или уравнивание, нивелировка с помощью топонимических формантов, которое устами русского народа подгоняет под один тип мордовские, русские и татарские речные имена, ухватываясь за каждую фонетическую и семантическую возможность. Таким образом и образовались позже многие наименования данного типа на *-лейка, -ляйка*, т. е. Пантелейка, Балыклейка и пр., следуя видоизмененному русскими основному образцу древних мордовских имен на *-лей, -ляй*.

Явление это в общем достаточно широко распространено, хотя и вовсе не носит характера обязательного закона; если нет случайного созвучия и возможностей в отношении семантики, то приспособление суффиксации часто не осуществляется.

Следует сказать, что явление уподобления (уравнивания, приспособления) суффиксов (формантов) следует в данном случае рассматривать как происходящее уже на русской почве или, подробнее и точнее, на основе русско-мордовских и русско-татарских языковых встреч и связей. Совершенно ясно, что это не мордовское в собственном смысле явление.

Такого же рода уподобления «речных суффиксов» мы наблюдаем во многих случаях при переработке местными русскими диалектами субстратной или соседской топонимики, усваиваемой в процессе мирного сожительства с другими народами.

Эти процессы протекают, как мы видели, в связи с явлением народного осмысления ряда отдельных имен.

Мишвань

Название Мишвань как обозначение маленького населенного пункта ⁴² попадаетеся нам несколько раз на Севере, в лесах Коми АССР. Тщетно мы стали бы искать его значение с помощью какого-нибудь словаря коми языка, это было бы напрасной потерей времени. Разгадка здесь находится в воздействии русской (христианской) ономастики на образование личных имен коми.

Мишвань означает просто «Иван Михайлович» (так сказать, «Мишин Ваня»); ⁴³ однако неопытного топонимиста подобного рода явления (внедрение в местную топонимику чужеродных и сильно деформированных личных имен) часто могут ввести в заблуждение, создавая впечатление, будто здесь присутствуют какие-то принципиально иные языковые элементы — нерусские и некоми.

В связи с этим следует считаться с тем обстоятельством, что во многих случаях точное объяснение многих наименований нам трудно доступно вообще, так как часто мы не имеем ни малейшего понятия о древних или даже сравнительно новых личных именах, а особенно об их деформированных и редуцированных формах, получающихся при передаче в иные языки. Так, трудно догадаться, что в марийском (ветлужском) Вомга является

---

⁴² Иногда это просто одиночное поселение.

⁴³ В коми языке, как и в других финно-угорских языках, нельзя сказать «Иван Михайлович», но только наоборот: «Михайлович Иван» (Миш-вань). В списках населенных мест Коми края начала 20-х годов этого века (доставлены нам А. С. Стдоровым) имеется много аналогичных названий; Евся Вань, Егор Вань, Илья Вань, Ось Вань и т. п. (а также Владь Вась и пр.), т. е. Иван Евсеевич, Иван Егорович, Иван Ильич, Иван Осипович; Владь Вась значит Василий Владимирович. Имеются и более сложные названия подобного типа.

передачей русского имени Фомка; входя в местные названия, оно придает им совершенно своеобразный вид, и подобных случаев очень много.

Там, где живут коми-пермяки, мы постоянно встречаемся с такими названиями ручьев, как Иваншор, Романшор, Сенькашор и т. п. Здесь Иван, Роман, Сенька — обычные, не деформированные русские имена, а *-шор* значит по-пермяцки «ручей».

Таким образом, возникают эти «скрещенные» разнообразного языкового материала в местных именах, в которых первое место занимает элемент, зависящий от имени личного (первого поселенца или владельца).

Хорошо, если, как в указанных пермяцких примерах, личное имя (Иван, Роман и т. д.) не деформировано⁴⁴ (или деформировано незначительно). В противном же случае географическое название узнается с трудом и его объяснения удается добиться лишь путем тщательного изучения всей истории имени с помощью письменных документов (актов, переписных книг и пр.).

Так, например, в Эстонской ССР существует название населенного пункта Эсна (Esna), необъяснимое из материалов эстонского языка. Эстонскому топонимисту М. Норвику удалось с помощью изучения древних земельных актов и описей установить, что эта местность получила наименование от фамилии орденских рыцарей

---

⁴⁴ Таких примеров много и в Коми АССР: Онтон-пи, Потап-баня-дор, Иван-вож, Иван-ель, Олексан-Степан Керка-дор, Якунь-керка, Николай-керка, Марка-пиян, Оник-грезд, Макар-керес, Ваньвиздин, Сила-пиян, Дорш-пиян, Любим-грезд и пр. Строение и смысл этих названий совершенно прозрачны. Надо только знать, что в коми *пи* 'сын', *пиян* (*пийян*) 'дети', *керка* 'изба' и т. д.; впереди же стоят имена, пришедшие к коми от русских (замечим, что Якунь, или Якуня, — из Яков, Оник — из Аника и т. п.).

фон-Эссен, эстонской народной формой которой и явилось название Эсна.⁴⁵

Этим же топонимистом документально и совершенно бесспорно установлено аналогичное происхождение ряда подобных названий населенных пунктов Эстонии, ведущих свое начало от имен и фамилий их владельцев в XIV—XV вв.

Совершенно то же наблюдается и на русской почве во многих случаях, как и в других — нерусских — землях, входящих в состав СССР.

Следует при этом еще раз подчеркнуть, что названия населенных пунктов в любой стране в подавляющем большинстве случаев происходят от личных (а также родовых, племенных, фамильных) имен и прозвищ,⁴⁶ часто деформированных и измененных или взятых из другого языка.

Заметим, наконец, что и сравнительно поздняя топонимика, связанная с уже установившимися фамилиями владельцев, часто остается темной без надлежащего изучения актового материала. Это уже отчасти видно на основании вышеописанного эстонского примера Эсна. При отыскании и объяснении местных названий, происшедших от фамилий владельцев, полезны, между прочим, различные родословные книги и тому подобные издания.

---

⁴⁵ М. Норвик. Роль общества родного языка и Института языка и литературы Академии наук Эстонской ССР в собирании и исследовании эстонской топонимики. *Emakeele seltsi aastaraamat*, 1960, № 6, стр. 25—38 (на эстонском яз.).

⁴⁶ Поэтому, например, многочисленные названия русских деревень — Князево, Царево, Царьково, Комарово и т. п. — произошли не потому, что ими владел какой-либо князь или здесь водилось много комаров, а только вследствие наличия прозвищ бывшего владельца: Князь, Царь (Царек), Комар и пр. Очень часто это можно установить документально.

К ним часто необходимо прибегать в вопросах топонимики, так как многие фамилии вотчинников и помещиков можно найти там без особых затруднений; ряд подробностей нужно искать в более обстоятельных источниках, особенно в писцовых книгах, межевых актах, делах различных судов и т. д.

Пургасово. Кирдяпино

Эти названия деревень имеют, бесспорно, мордовское происхождение.

Пургас — имя мордовского князя начала XIII в., упоминаемого русской летописью. Такие названия Мордовской АССР, как Пургасово городище и другие, связаны, по-видимому, непосредственно с деятельностью этого князя. Однако есть несколько названий — Пургосово, Пургосовка и тому подобные в таких местах,⁴⁷ которые очень удалены от коренных мордовских областей, где мог действовать и действовал Пургас XIII в. Так, имеется деревня Пургосовка в списке населенных мест Тульской губернии XIX столетия; возникает вопрос, каким образом могло возникнуть здесь это название? Ответ на это получаем из писцовых книг XVI—XVII вв.; из них видно, что в тогдашнем Тульском уезде жило несколько русских помещиков (точнее вотчинников) с фамилией Пургосовых. Возможно, что это были потомки летописного князя Пургаса, превратившиеся в русских служилых дворян; однако доказать это было бы затруднительно. Как бы то ни было, разгадка названия тульской Пургосовки оказывается в писцовых книгах XVI—XVII вв.

Что касается Кирдяпина, то это тоже название селения и пустоши, происходящее от личного мордовского

---

⁴⁷ В Тульской, Ярославской, Тверской и Вятской губерниях прошлого века.

имени Кирдяпа (от глагола *кирдемс* 'терпеть', 'держать'). И здесь тоже имеется Кирдяпино, весьма далекое территориально от коренных мордовских областей — в б. Вятской губернии⁴⁸ (теперешней Кировской области).

Очень кропотливое исследование вопроса о происхождении этого названия приводит в конце концов к определенному заключению: название возникло в связи с прозвищем нижегородского князя Василия Дмитриевича, умершего в самом начале XV столетия. Это прозвище — Кирдяпа;⁴⁹ по-видимому, оно было дано ему по его деятельности и обстоятельствам весьма незадачливой жизни: в последнее время Кирдяпа многократно скрывался в Орде. Возле Вятки у него было небольшое владение, почему и возникло здесь название Кирдяпино.

Итак, мы видим, что часто здесь возникают явления вторичного порядка, которые нередко препятствуют правильному освещению топонимических и связанных с ними исторических материалов, если не учитывать всех подробностей, содержащихся в различных источниках.

Появление отдельных заведомо мордовских географических имен (селений, пустошей и т. п.) еще не свидетельствует о присутствии здесь мордвы в какое бы то ни было время; в большинстве случаев это является лишь следом деятельности какого-либо одного видного лица или нескольких представителей семейства, носивших мордовскую фамилию (или прозвище). Даже встретив такие географические названия, как Мордвиново, Меще-

---

⁴⁸ См.: Исторические материалы. Грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря. 1580—1764. Собрал и издал А. В-Н [Верещагин]. Труды Вятской ученой архивной комиссии 1906 года. Вып. I—II, стр. IV, 1—178.

⁴⁹ Кирдяпа — распространенное мордовское имя, как и Кирдяп, Кирдюш и т. п.; все эти имена происходят от мордовского глагола *кирдемс* 'терпеть', 'держать'.

риново, Чудиново, Русиново, Черемисиново и т. п., мы не имеем права по этой будто бы «этнической» топонимике делать заключения о характере бывшего населения местности. В подавляющем большинстве случаев все это вторичные явления, — от имен такого типа, как Мордвин, Мещерин и т. д., либо (позже) от соответствующих фамилий (Мордвинов и пр.).

Мордвиновы были, действительно, в основе мордовского происхождения, но впоследствии явились просто русскими помещиками,⁵⁰ от фамилии которых возникло несколько географических имен. Это надо всегда иметь в виду, тщательно отделяя вторичные явления такого рода от подлинных отражений этнических наименований как таковых (Мещора, Чудь, Печора и пр.).

Тойма

Это название является именем одной из небольших древних племенных групп нашего Севера и соответствующей земли. В известной новгородской уставной грамоте 1137 г. Тойма указана в числе земель, плативших десятину новгородскому епископу. В 1219 или 1220 г. Семьюн Емин, бывший впоследствии короткое время в Великом Новгороде тысяцким, пробовал совершить поход на при-

---

⁵⁰ Из татарских, мордовских и мещеряжских мурз и князей в XVI—XVII вв. вышло много русских помещиков. Достаточно взглянуть, например, в «Десятки Пензенского края» (СПб., 1897), чтобы убедиться в этом, так как здесь находим ряд таких фамилий, как князья Мокшазаровы, Кулунзины (впоследствии Куломзины), Мокшадаевы, мурзы Сыресевы, Полдясовы, Ризоватовы, Параватовы, Велмаевы, а также Мордвинцовы, Полумордвиновы и т. д. Татар, разумеется, еще больше. Заметим попутно, что вообще состав русского служилого дворянства по первоначальной языковой принадлежности очень сложен (грузины, шведы, греки, сербы, молдаване и т. д.).

надлежавшие Тойме городки («Тоймокары»),⁵¹ но неудачно. В известном памятнике середины XIII в. — «Слово о погибели Русския земли»⁵² — упоминаются между прочим земли «от Корелы до Устьяга, ге тамо бяху Тоимицы (т. е. «тоймичи») погании»; это было, стало быть, достаточно заметное по размерам племя, сидевшее недалеко от Устьяга, т. е. на Северной Двине, где и существует до сих пор соответствующая топонимика: реки — Верхняя и Нижняя Тойма, и селения, в том числе и древний Верхотоимский — Троицкий погост.⁵³

Названия Верхняя и Нижняя Тоймы в Двинской области указываются и «Книгой Большому Чертежу», замечательным русским географическим памятником начала XVII в. Имеются все основания утверждать, что Тойма была финно-угорским племенем пермского типа, т. е. по языку являлась близким родичем современным коми и удмуртам. Действительно, как видно из летописных сообщений о Тойме начала XIII в., городки этого племени назывались Тоймокары, тогда как коми *кар* 'город', а в удмуртском это же слово означает «городище», «древнее родоплеменное гнездо». В Удмуртии также есть река Тойма с тремя деревнями (Верхняя, Средняя, Нижняя Тойма).⁵⁴ Еще в конце прошлого века отмечались родовые удмуртские имена Тойма и Тойма-Шудья.⁵⁵

Наконец, есть еще река Тойма и Тоймана в Ярославской области; из них первая указана в источниках прошлого века по Даниловскому уезду.

---

⁵¹ Новгородская I летопись, 1219; Тверская летопись, 1220.

⁵² Памятники древней письменности, LXXXIV, [СПб.], 1892.

⁵³ Географическо-статистический словарь Российской империи (Тойма). Тт. I—V. Сост. П. П. Семенов. СПб., 1863—1885.

⁵⁴ По данным 60-х годов прошлого века (Географическо-статистический словарь...), эти деревни находились в Малмыжском уезде Вятской губернии, в области обитания удмуртов.

⁵⁵ И. Н. Смирнов. Вотяки. Казань, 1890.

Тоймана встречается в писцовой книге XVI в., в описании тогдашнего Ярославского уезда.⁵⁶ Весьма замечательно то обстоятельство, что многие географические имена Ярославско-Костромского края очень близки по типу именно к пермским, т. е. родственным коми (зырянским и пермяцким) и удмуртским. Тойма, по-видимому, во всех случаях есть название первичного характера, т. е. связано с былым пребыванием в том или ином месте определенной племенной группы или ее ответвления, которое при малой заселенности нашего Севера свободно могло отойти в сторону от прежнего места обитания на сотни и даже на тысячи километров и там обосноваться. Это явление оказывается самым обычным, даже заурядным, и сопровождается соответствующим переносом племенного (или личного, фамильного — в других случаях) имени на большие расстояния.

Переяславль и Трубеж

Другого типа перенос названия — сравнительно с «этническим» передвижением местных имен вместе с соответствующим племенем — виден в истории названий Переяславль и Трубеж. В нашей истории эти имена появляются в трех местах: Переяславль Русский (Переяслав-Хмельницкий на Украине), Переяславль Залесский во Владимиро-Суздальской земле и Переяславль Рязанский.

Все это древнерусские города, каждый из них имел внутри себя речку Трубеж. Здесь дело переноса названия в наибольшей степени зависело от единоличного желания князя, хотя не исключена иногда возможность влияния и переселявшихся групп населения; такие переселения — свободные и насильственные — представляли в русской

---

⁵⁶ Имеется селение Тойма и на территории Коми АССР.

древности (да и позже) самое обычное явление. Этими переселениями позднейшего времени объясняются многие факты топонимики.

С этими передвижениями населения всегда связаны переносы старых названий из других мест и формирование новой географической номенклатуры во вновь осваиваемых местах.⁵⁷ В основе тут лежит хозяйственная деятельность человека, но географические имена часто даются здесь по произволу, без особой заботы о связи с этой деятельностью.

Васильевский остров

В данном случае мы берем название острова в устье Невы, на котором расположена значительная часть Ленинграда (Василеостровский район).

Название это (Васильевский остров), очевидно, происходит от христианского русского имени Василий, а потому, казалось бы, ни одно обстоятельство не может вызвать споров относительно истоков данного географического наименования.

Возникает, однако, вопрос о хронологии, о датировке появления этого названия — Васильевский остров — и об обстоятельствах этого возникновения.

Первым, наиболее естественным предположением следует считать часто высказываемое мнение о том, что название, вероятно, возникло во время Петра Первого —

---

⁵⁷ Эти явления — перенос номенклатуры с прежних мест обитания и частичное возникновение совершенно новых, произвольно выбранных названий, — характерны для всех потоков колонизации. Ср., например, процесс образования географических наименований, особенно населенных пунктов, в Америке, где наряду с перенесенными из Англии, Ирландии, Голландии, Франции, Испании, Португалии именами и сохраненными туземными возникло много произвольно выбранных поселенцами.

при основании им города Санкт-Петербурха в 1703 г. Мало того, некоторые историки утверждали, что название Васильевского острова произошло от имени командира стоявшей здесь (на Стрелке) батареи Василия Корчмина, которому Петр посылал приказы с кратким адресом: Василию на остров.⁵⁸ В действительности, однако, дело обстояло совсем не так.

Если мы посмотрим в шведские писцовые книги Ижорской земли (так называлась в древности область к югу от Невы), составленные в 1618—1623—1640 гг., задолго до рождения Петра I и Василия Корчмина, то найдем в них «Wassilie Ostroff», расположенный в устье Невы и иначе называвшийся Hirfwisari. Последнее есть не что иное, как известное финское наименование Васильевского острова: Хирви-саари (Hirvi-saari, Лосиный остров). Итак, название возникло вовсе не в связи с именем Василия Корчмина, а существовало уже в первой половине XVII в. Далее, существует один документ 1545 г., т. е. времен Ивана Грозного, упоминающий все тот же Васильев остров в устье Невы.⁵⁹ Однако и это еще не все, — и можно смело перейти с тем же успехом в XV столетие. В новгородской писцовой книге 1500 г. по Вотской пятине мы находим подробнейшее описание все того же «Васильева Острова на устье Невы».

---

⁵⁸ См. по этому поводу Географическо-статистический словарь... Петербург. — Очень любопытна также статья акад. П. Буткова (П. Бутков. О Васильевском острове в С. Петербурге. Труды имп. Российской Академии, т. I. СПб., 1840), где автор защищает или, вернее, пытается защитить упомянутую точку зрения.

⁵⁹ См. статью неизвестного автора в журнале «Сын отечества» (1837, № 9, стр. 105—108), указавшего на существование имени «Васильевский остров» в до-петровское время. На эту статью и обрушился П. Г. Бутков, защищая без всяких оснований топонимическую легенду о Василии Корчмине.

Из этого описания видно, что до 1470-х годов Васильев остров находился во владении одного из крупнейших новгородских бояр «Олферия Иванова сына Офонасова» и был уже по тем временам достаточно населен, так что там насчитывалось в 1500 г. три десятка дворов пашенных крестьян и рыбаков.

По всем данным следует считать, что Васильев остров поступил во владение бояр Офонасовых еще задолго до последних десятилетий XV столетия, а потому неверна и гипотеза, приписывающая возникновение названия острова по имени кого-нибудь из посадников Великого Новгорода того времени, звавшегося Василием (а таких было несколько). Вероятнее всего, Васильев остров носит имя какого-то поселенца — первого или одного из первых, — носившего уже христианское имя Василий и бывшего, по всей вероятности, новгородцем, а не местным ижерянином.

Дело в том, что древнее прибалтийско-финское племя Ижора (Inkeri, Ingeri), заселявшее эту землю, еще в XIII в. было целиком языческим, кроме своего старейшины Пелгуя (Филиппа), ближайшего сподвижника Александра Невского в знаменитой битве 1240 г.

Таким образом, по-видимому, первым поводом для возникновения имени острова явилось поселение здесь некоего Василия, вероятнее всего, не из числа местного ижорского населения, а из русских (новгородцев). Действительно, финны и ижоры продолжали называть остров древним именем Хирви-саари, — наименование же Васильев остров — полностью русское по всем признакам и вошло во многие русские источники, сохранившись до наших дней. Вряд ли оно возникло ранее XIV в., а возможно, в начале XV.

Вот все, что можно вкратце сказать о возникновении и истории этого имени. Заметим, наконец, что теперешняя

Петроградская сторона носила в XV в. наименование Фомина острова; ⁶⁰ о том, кто был носителем имени Фома, давшего имя острову, так же ничего неизвестно, как и о Василии.

Топонимические легенды

В этом разделе мы разберем несколько легендарных преданий о возникновении отдельных географических имен.

Таких топонимических легенд существует много; в сущности к ним принадлежит и указанное выше неверное объяснение происхождения названия Васильевского острова будто бы от имени Василия Корчмина.

Топонимист в своей работе постоянно встречается с легендами этого рода и в конце концов убеждается в их полной фантастичности. Так, например, город Великие Луки Псковской области в согласии с местной легендой, известной уже значительно более столетия, ⁶¹ получил свое имя от какого-то богатыря (или разбойника) Луки Великого.

Между тем этот город, основанный не позже XII столетия ⁶² новгородцами, получил свое название по характеру протекающей здесь реки Ловати, излучины которой («луки») представляют нечто совершенно исключительное.

Названия Великие Луки, Великая Лука имеются и в других местах, по аналогичным причинам (большие излучины рек).

---

⁶⁰ Местные финны называли его Койву-саари, т. е. Березовый остров.

⁶¹ В действительности, вероятно, гораздо более древней.

⁶² От этого времени имеются летописные известия, указывающие, что Великие Луки были уже тогда новгородской крепостью, «оплечьем от Литвы».

Название города Дорогобуж⁶³ Смоленской области, как было указано ранее, происходит от восточнославянского личного имени Дорогобуд. Тем не менее местное предание приписывает возникновение наименования города какому-то разбойнику Бужу, грабившему на проходящей здесь дороге, — отсюда Дорогобуж (!).

У курского топонимиста А. И. Яценко приведена существующая в Курской области (и даже шире) фантастическая легенда о происхождении названия реки Ворсклы (Ворскла) будто бы от слов Петра Великого: «ворскла» (т. е. вор стекла), произнесенных им при потере в этой реке увеличительного стекла. Между тем Ворскла (Вороскол) упоминается за сотни лет до Петра — в Начальной летописи и ряде других источников, так что Петр I не имел никакого отношения к «крещению» этой реки, на что справедливо и указывает А. И. Яценко.

Известен также целый ряд других топонимических легенд, например о реке Яхроме («Я хрома»), о речке Буртас и вообще о многих реках, селениях и других географических объектах. Интересно то обстоятельство, что легенд этого рода много уже в поздних летописных источниках особого типа — в хронографах XVI—XVII вв. Однако мы знаем и более древнюю по времени возникновения легенду — о происхождении города Галича (в Галицко-Волынском княжении, в Прикарпатье); подробности легенды остаются нам неизвестны, но общий смысл сообщения Ипатьевской летописи под 1206 г. совершенно ясен: происхождение города Галича и его названия уже тогда связывалось с личным именем какого-то древнего вождя или князя, место погребения которого (курган) носил наименование Галичина могила. Летописец на-

---

⁶³ Город существовал уже в середине XII в., а основан еще ранее.

писал даже: «И посемь скажемь о Галицине могиле и о начатъи Галича, откуда ся почал», но не выполнил своего обещания, так как в дальнейшем тексте об этом нет ни слова. Можно только положительно сказать, что легенда была неверна, так как название Галича произошло не от личного имени (см. далее о Галиче и Галиции).

Еще древнее легенда о возникновении Переяславля Русского (теперь Переяслав-Хмельницкий на Украине), которая упоминается летописью под 993 г. и которая также не соответствует истине. Дело в том, что Переяславль упоминается гораздо ранее событий 993 г., с которыми связывает летописец происхождение имени этого города, будто бы возникшего оттого, что здесь отрок князя Владимира «перяя славу» у печенежского богатыря; на самом деле город существовал уже задолго до Владимира, а название происходит от типичного древнеславянского личного имени Переяслав (Переяславль означает принадлежащий Переяславу или основанный Переяславом; «Переяславов» — как Мстиславль значит «Мстиславов», Ярославль — «Ярославов» и т. п.).⁶⁴

Одним словом, народные топонимические легенды, как правило, не имеют под собой никаких исторических

---

⁶⁴ Еще более старой и столь же недостоверной является легенда о Кие (Кые), Щеке и Хориве и сестре их Лыбеди, сообщаемая начальным русским летописцем. Она показывает только, что подобные сказания часто имеют за собой огромную давность. Чрезвычайно любопытна армянская легенда, параллельная Киевской, указанная Н. Я. Марром. К подобным же патронимическим (эпонимическим) легендам принадлежит и известное предание об основании Рима, как и многие другие сказания этого характера. (См.: Н. Я. Марр. Книжные легенды об основании Куара в Армении и Киева на Руси. Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935, стр. 44).

оснований, являясь обычно сказками, иногда очень занимательными. Что же касается того баснословия, которое представлено, например, именами Ростовских (Ростова Великого) собирателей подобных легенд в XIX в. (Артынов, Хлебников и др.), то оно не имеет даже внешнего правдоподобия.⁶⁵

В заключение следует сказать, что топонимические легенды образуются почти по одному шаблону, основываясь преимущественно на явлениях неправильного осмысления географических имен — нередко даже иноязычных — на базе языка, распространенного в данной области в настоящее время (так называемая народная этимология). При этом нередко подобная легенда связывается с именем какого-нибудь исторического лица, обычно несмотря на возникающие при этом хронологические несуразности; однако не меньше наблюдается и такого рода случаев, когда географические имена связываются с личными именами совершенно легендарных персонажей, вроде разбойников Луки Великого и Бужа, о которых упоминалось выше. Только в редчайших случаях топонимическая легенда содержит элементы подлинного исторического предания; подобных примеров так мало, что они не могут служить серьезным подспорьем при толковании географических названий.

Приходится еще раз предостеречь начинающего топонимиста от излишнего доверия к местным преданиям о возникновении географических имен, — даже в случае их внешнего сходства с возможной истиной, и даже если легенда записана в источнике, заслуживающем, вообще говоря, полного доверия. Так, уже в Начальной летописи

---

⁶⁵ Значительную часть таких басен можно увидеть в кратком изложении А. А. Титова (см.: А. А. Титов. Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885).

мы видим попытки летописца комментировать сказание о Кие, связанное с названием Киева; историческим, однако, это известие считать нельзя.

*Славянские и русские патронимические
формы географических имен на -вичи, -ичи*

Рассматривая ранее в нескольких примерах образцы славянских и русских личных имен, мы пока не касались одного их типа, весьма древнего и широко отраженного в топонимике во многих местах, где только жили древние славяне или их ближайšie потомки. Это так называемые патронимические названия родов и мест их обитания: Ярославичи, Молибожичи, Черневичи, Хотенчичи, Томиловичи, Терешковичи, Осмоловичи, Стежеричи, Станевичи, Сновидовичи, Славатичи, Милятичи, Красовичи, Мицкевичи, Неговичи, Негневичи, Костюковичи, Монтвилловичи, Нарбутовичи, Нарвидовичи, Нарейковичи, Соломеричи и т. д. и т. п.⁶⁶

Они крайне разнообразны по основе и относятся по времени возникновения к разным пластам, а также в некоторой степени и к разным категориям по языковому началу, так как, например, Монтвилловичи, Нарбутовичи, Нарвидовичи и ряд других происходят от литовских (а не славянских) личных имен Монтвил, Нарбут, Нарвид и пр. Очень многие имеют в основе древнеславянские личные имена родоначальников: Ярославичи, Молибожичи и др.

Наконец, среди них много названий, образованных уже от поздних (христианских) имен (Терешковичи, Костюковичи и др.). Объединяющим все эти данные яв-

---

⁶⁶ Названия этого типа существуют во всех славянских землях и зарегистрированы многими историческими документами в большом числе.

ляется патронимическая суффиксация *-вичи*, *-ичи*, в коренных славянских землях, как уже говорилось, весьма распространенная.⁶⁷

Массовая топонимика этого рода является хорошим показателем старого пребывания славянства в соответствующих областях.

Напротив, в тех землях, где топонимика этого рода отсутствует, славяне появились достаточно поздно. На землях восточных славян такого рода топонимика встречается чаще всего в западных областях, но заметное количество подобных названий имеется также и в некоторых землях Великого Новгорода, если говорить о тех местах в Восточной Европе, куда славянство проникло раньше всего.

Заметим попутно, что многие славянские племенные названия также оформлялись в виде патронимических: радимичи, вятичи, кривичи, дреговичи и др.

Летописец даже прямо производил радимичей и вятичей от родоначальников Радима и Вятко, указывая при этом на их западное («ляшское») происхождение.⁶⁸

Однако имена дреговичей и кривичей вряд ли действительно патронимические, вероятнее их позднейшее оформление суффиксом *-вичи*, *-ичи*.

В этом нет ничего удивительного, так как и с другими племенными названиями часто происходило то же;

---

⁶⁷ И притом с давних времен; мы имеем, например, один памятник западноевропейского происхождения (так называемый «Баварский географ»), составленный около X в. и содержащий десятки подобных патронимических местных имен на *-ичи*, *-вичи*, притом определенно славянских, на что данный источник и указывает.

⁶⁸ Вероятнее всего, имена Радимичи и Вятичи принадлежали первоначально только династическим родам, впоследствии распространившись на племенные группы и занимаемые ими земли.

в древнерусских источниках мы постоянно встречаемся с такими формами, как Русичи, Немчичи, Мордовичи и т. п.

Это обстоятельство показывает, что не все пласты названий этого рода одинаково древни — многое возникло здесь по аналогии позже. Поэтому всегда следует не спешить с выводами в отношении датировок названий и не приписывать очень большой славянской древности тому, что может оказаться сравнительно поздним явлением.

Во всяком случае необходимо всестороннее изучение материала — с привлечением всех доступных источников — для введения соответствующей хронологической оценки возникновения славянских наименований на *-ичи*, *-вичи* в той или иной местности.

Галич. Галиция

Теперь мы рассмотрим название древнерусского города Галича, от которого впоследствии произошло и имя целой области — Галиции.

На первый взгляд может показаться, что Галич можно отнести к патронимическим названиям (*-ич*); хотя имена этого рода в единственном числе и редки, зато налицо упоминавшаяся выше древняя топонимическая легенда о Галичине могиле.

В исследовании Ф. А. Брауна находим следующие слова: «Не сохранилась ли память о кельтах-галатах в названии Галиции... Вопрос этот сводится к тому, откуда произошло имя города Галича, давшего название Галицкому княжеству, Галичине и галичанам. Форма „Галиция“, конечно, поздняя, книжная. Ономастический и исторический материал, имеющийся в нашем распоряжении при рассмотрении поднятого вопроса, не очень

велик». ⁶⁹ Действительно, очень ограниченный фактический материал, имевшийся в распоряжении этого исследователя, и главное — желание обязательно объяснить происхождение названия Галич из предвзятых соображений, с помощью племенного имени Галаты (кельты), привели его к совершенно произвольному толкованию (впрочем мнение этого рода высказывалось и до него).

Одновременно Ф. А. Браун без всяких серьезных оснований полемизирует с Эгли,⁷⁰ давшим совершенно неоспоримое толкование названия Галич и целого ряда аналогичных географических имен западноевропейских стран. В чем же состоит это толкование Эгли? Он заметил, что во всех случаях названий этого характера они связаны с местами добычи соли с очень древних времен.

В частности, соляные копи в Галиции существуют уже тысячи лет; Галич, как известно из русских летописных известий и из Печерского патерика, был центром соляной торговли огромного размаха, так что отсюда отправлялись обозы с солью в сотни возов одновременно.

В землях Западной Европы восточноевропейскому Галич соответствуют многочисленные названия с корнем *-halle-*, обозначающие места добычи соли и соляные источники.

Вот справка по этому поводу, далеко не полная:⁷¹

Hall: 1) в Вюртемберге, соляные источники; 2) река в Штейермарке, соляные источники; 3) в Швабии, соляные разработки; 4) в Тироле, соляные разработки (гора Salzberg); 5) Niedernhall, соляные источники.

Hallan в Швейцарии — соляные источники; Halle в Южном Брабанте (Бельгия) — добыча соли; Hallein,

---

⁶⁹ Ф. А. Браун. Разыскания в области готто-славянских отношений, т. I. СПб., 1899, стр. 166 и след.

⁷⁰ J. J. Egli. Nomina geographica. Leipzig, 1893.

⁷¹ См.: Rotter's geographisch-statistisches Lexikon. Leipzig, 1848.

Hall (an der Salzach) — в провинции Salzburg — добыча соли, Hallstadt в Баварии (производство поташа) и т. п.

Здесь и Halle an der Saale (!) — соловарни, Reichen-Hall — добыча соли и др.

И у нас Галич не единственный; существует еще Галич Костромской («Галич Мерьский», названный так от имени древнего неславянского племени Меря), известный своими соляными источниками и добычей соли с древних времен.

Еще интереснее название костромского города Соли-галич (древн. Соль Галицкая), где также имеются соляные источники и производилась добыча соли.

Вспомним, наконец, Hallstatt (Hallstadt) в верхней Австрии при соляной горе Salzburg, основанный еще в доисторические времена — в начале железного века; на основе добычи соли здесь выросла богатая древняя культура, прозванная археологами Галльштадтской — по месту нахождения.

Уже давно среди исследователей сложилось совершенно определенное мнение, что в основе названий типа Halle — Галич должно лежать слово, обозначающее соль⁷² в каком-то языке (или в нескольких языках).

Это слово принадлежало, как считают, кельтским языкам,⁷³ во многих из которых название соли обозначалось корнем *hal-*, а не *sal-* (*sol-*), как в других индоевропейских языках.⁷⁴

---

⁷² Это мнение, кроме Эгли, разделял, между прочим, Я. К. Грот (Я. К. Грот. Филологические разыскания, I. СПб., 1876) и ряд других исследователей.

⁷³ Такого мнения придерживались многие: Шлейден (M. J. Schleiden), Хен (V. Hahn) и др.

⁷⁴ За подробностями отсылаем к известной книге: O. Schra-

По свидетельству нескольких древних авторов (начиная с Аристотеля), добыча соли давно производилась в Европе, в значительной части именно кельтами, на что указывают римские писатели.

Следами этой кельтской «соляной культуры» галльштатского типа являются и соответствующие материальные остатки, и ряд специальных терминов, вошедших в немецкий язык⁷⁵ и принадлежащих кельтам, и серия географических названий типа Halle — Галич.

Таким образом, название западного, галицко-волинского Галича⁷⁶ следует считать кельтским по происхождению и связанным с корнем, обозначающим соль (*hal-*). Что касается костромских Галича⁷⁷ и Солигалича, то здесь вполне вероятно перенесение западного названия на новые «соляные» места.

Названия типа Галич — Halle имеют, таким образом, производственный характер, возникнув в глубокой древности как соответствующие термины соляных разработок и в дальнейшем распространившись от кельтов к германцам и славянам.

Следует здесь обратить внимание на одно весьма важное для топонимиста обстоятельство.

---

der. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Strassburg, 1901, S. 669—705 («Salz»). — Заметим, что названия соли с корнем *sal-* (*hal-*) представляют чисто европейское явление, неизвестное ни в одном языке за пределами Европы.

⁷⁵ Таковы немецкие термины: Hallor, Hallbursch, Halle и пр. (англ. *hall* и т. д.). Замечательно, что только названия соляных разработок и источников в немецких землях содержат корень *hal-* (а не *sal-*); названия рек, напротив, содержат *sal-*: Saale, Salzach и т. п.

⁷⁶ Следует заметить, что Галиция вообще очень богата запасами соли; знамениты копи в Величке.

⁷⁷ Галич существовал уже в XIII в. («Галич Мерьский»); несомненно он основан значительно ранее.

На славянской почве только форма Галич может указывать на связь данного географического пункта с добычей соли или торговлей ею.

Никакие привлечения названий типа Галкино, Галактионово, Галанино, Галашино и тому подобных недопустимы, так как они все имеют совершенно иное происхождение,⁷⁸ будучи связаны с личными именами; в частности Галактионово, Галанино, Галашино, Галахово — названия, происшедшие от видоизменений одного и того же личного имени Галактион (Галаня, Галаша, Галах). Между тем в упоминавшейся работе Ф. А. Брауна автор удивляется, почему Галанино и Галашино не связаны с солью, если следует считать Галич обозначением центра соляной торговли; думая, что Гал-анино, Гал-ашино, Гал-ич должны быть объединены какой-то общностью основы (*Гал-*), Ф. А. Браун выводит отсюда, что гипотеза об отражении в имени Галич корня *hal-* 'соль' не может быть принята, так как Галанино и Галашино к соли отношения не имеют.

При этом почему-то Браун считает два последних названия (чисто русские и очень недавние по происхождению названия незначительных деревень) «финскими» (!). Совершенно очевидно, что такое произвольное обращение с материалом приводит автора к совершенно неоправданным выводам.

Не только Галкино, Галанино и Галашино не имеют к этому никакого отношения, но даже не все названия, происходящие от имени Г а л и ч, связаны с добычей соли или торговлей ею.

Так, например, мы встречаем Галическую волость около Боровска (Калужской области), указанную в переписных книгах 1676—1686 гг.; добычи соли там нет, как

---

⁷⁸ Это видно уже по оформлению.

нет и соляной торговли, — так в чем же причина возникновения названия волости — Г а л и ч е с к а я? Объяснение находим в тексте той же писцовой книги,⁷⁹ из которой видно, что сюда были переведены крестьяне из деревни Белогузины Г а л и ч с к о г о у е з д а (теперешней Костромской области), — вот и вся разгадка.

Есть еще Малый Галич (Галац) на Дунае — значительный торговый пункт; его название произошло от имени Галича на Днестре, так как Галац был заселен многочисленными выходцами оттуда еще в домонгольское время («галицкие выгонцы» южнорусской летописи XII—XIII вв.). Таким образом, это все вторичные явления (переносы названия), позже наслаивающиеся на пласты первоначальных географических имен, происхождение которых действительно связано с обозначением соли.

Мы должны сделать здесь некоторые выводы общего характера из данного примера.

Во-первых, очень часто необходимо выходить далеко за пределы первоначально узких территориальных и языковых рамок, обращаясь к совершенно иным языкам и землям для разъяснения чисто местных, кажущихся изолированными, фактов — вроде названий Галича и Галиции. Нам пришлось здесь обращаться и к немецким, и к кельтским материалам, и к сообщениям писателей древности о кельтских соляных коях.

Таким образом, за исключением совершенно простых случаев, мы вынуждены обычно расширять исследование, привлекая все новые и новые данные, так как отдельные названия очень трудно определять и исследовать без связи с целыми группами местных имен.

---

⁷⁹ Летопись занятий Археографической комиссии 1878—1881 гг. СПб., стр. 129.

Изолированно рассматриваемые имена очень редко можно объяснить и истолковать правильно, разве уж о данном имени все известно документально с самого начала его возникновения, — однако такие случаи редки. Поэтому, чтобы быть уверенным в правильности результатов, надо использовать материалы по возможности широкого охвата, разгадка может лежать не близко.

Во-вторых, всегда можно думать о связи названия с производственной или торговой деятельностью людей,⁸⁰ а потому очень важно изучение производственной (технической — в широком смысле) терминологии разных времен и разных языков. При этом следует учитывать то обстоятельство, что часто термин такого рода может быть иноязычным по происхождению. Точно так же надо иметь в виду, что многие даже коренные термины языка могли выйти теперь из употребления или изменить значение.

Все это побуждает к изучению древней производственной терминологии, тех данных, которые можно извлечь из соответствующих этимологических и прочих словарей.

В примере «Галич» мы не видим прямого терминологического использования этого названия в качестве имени нарицательного. Однако перенесение собственного имени Галич на восточные области носит близкий к тому характер. Настоящей же производственной терминологией являются соответствующие слова с корнем *hal-* в немецком языке начиная с древненемецкого периода; заимствованы они из кельтских данных. Вопрос о том, существовало ли германское посредство между кельтами и славя-

---

⁸⁰ Непосредственная связь названия местности с производственной деятельностью человеческого общества, вообще говоря, совершенно не обязательна. Нередко географические имена носят даже печать случайности или произвола («искусственные» названия).

нами при усвоении последними имени Галич, остается открытым, как и многие другие подробности, сюда относящиеся.

Наконец, в-третьих: объяснив одно название или группу названий, не следует формально результат такого объяснения распространять на все внешне созвучные географические имена, откуда бы они ни были взяты.⁸¹

В эту ошибку и впал Ф. А. Браун, объединяя Галич, Галанино и прочие «подобнозвучающие» имена.

Это заурядная ошибка начинающих топонимистов, часто думающих, что сходство указывает на родство, чего обычно нет и в помине. С примерами таких ложных «сходств» мы еще неоднократно столкнемся.

Географические названия, связанные с родовыми и племенными именами

Мы видели, что Ф. А. Браун пытался прямо связать имя Галича и Галиции с племенным именем галлов — кельтов. Хотя именно эту попытку и следует признать неудачной, хорошо известно, что названия многих областей, городов и так далее связаны с наименованиями древних племен или племенных групп. Так, если говорить о Западной Европе, то достоверно известно, что название Парижа произошло от имени галльского племени пари-

---

⁸¹ Таких «созвучных» географических названий найти можно сколько угодно. Например, Самара, Самарово, Самария и тому подобные рассыпаны по всему земному шару; все эти имена по большей части не имеют одно к другому никакого отношения. Названия Сокото, Сокота, Сокотра (Сокотора) можно отыскать при желании в Африке (Сокото — город и область в Северной Африке), в пределах бывш. Псковской губернии (оз. Сокото), на Дальнем Востоке, в Индийском океане и т. д. Такими совершенно случайными совпадениями топонимика заниматься не может. Всякое же сопоставление созвучных географических имен должно быть исторически оправдано.

зиев (*Lutetia Parisiorum*), Трир от племени треверов и т. п.⁸²

Это явление очень естественно и распространено во многих землях. Наблюдается оно и у нас.

Следует только заметить, что даже европейская территория СССР гораздо больше по размерам Западной Европы, тогда как древних письменных памятников, освещающих ее историю, значительно меньше, и они не содержат таких подробностей, какие можно найти у Юлия Цезаря о галльских или у Тацита о германских племенах 2000 лет назад. Поэтому, конечно, история восточноевропейских географических имен, связанных с этнонимическим материалом, гораздо труднее поддается изучению, чем история западноевропейских названий. Мы не будем входить здесь в подробности исследования всех «этнонимических» слоев топонимики СССР. Наметим только общие линии изучения такой топонимики.

В северной лесной полосе Восточной Европы мы находим значительное число географических имен, связанных с такими племенными названиями, как Чудь, Водь, Корела, Лопь, Пермь, Меря, Мурوما, Мордва, Черемиса, Мещора и другие обозначения финно-угорских племен, а также с литво-латышскими племенами: Литва, Голядь, Прусы, Зимегола, Ятвяги, Латыгола. В восточной части этой полосы встречаем и тюркские племенные отражения.

---

⁸² Почти все названия крупнейших городов Франции имеют галльское (кельтское) происхождение; от названий галльских племен времени Цезаря произошли имена теперешних городов: Reims, Beauvais, Troyes, Chartres, Nantes, Soissons, Amiens и др. Подобного же рода явления широко распространены в топонимике Англии, Германии, Испании и других стран. Это устанавливается на основе тщательного изучения соответствующих документальных данных совершенно неоспоримым образом. Наши письменные источники, к сожалению, в большинстве случаев не столь древни.

В южной степной части преобладают тюркские племенные и родовые обозначения, произведенные от таких имен, как Татары, Торки, Половцы, Печенеги. Везде можно ожидать отражения и славянских имен (Словене, Дулебы и т. п.). При изучении всего этого материала надо с крайней осторожностью подходить к его оценке, тщательно отличая древние явления, действительно отражающие этнические связи, от всякого рода позднейших и вторичных, лежащих сверху густым и запутывающим задачу наслоением.

Начнем со славянского материала, рассмотрев несколько таких «этнонимических» географических названий, древних и вторичных, чтобы показать трудности, здесь встречающиеся.

С л а в я н е. Это племенное название, как известно, получило значительное число отражений в Центральной и Восточной Европе.⁸³ Однако на территории северной (европейской) части СССР мы встречаем отражение этого имени только изредка (например, Словенский Волочек) и только в Новгородских областях, так как именно новгородцы носили древнее имя словен («ильменские словене», как их часто называют историки).

Позже IX—X вв. этот термин («словене») заменился другим: новгородцы.

Д у л е б ы. Имя этого славянского племени отражено в топонимике СССР довольно широко, но преимущественно через вторичные явления, представляя, таким образом, в большинстве случаев не очень значительный интерес.

Подлинными древними дулебы, упоминаемые начальной летописью в связи с аvaraми — обрами, по мнению

---

⁸³ Это общеславянское имя имеет много вариантов (Словаки, Словинцы и т. п.).

В. О. Ключевского, играли большую роль в истории славянства VI—VII вв. По-видимому, это то же самое славянское племя, которое на западе — в Чехии — носило имя дудлебы и от которого в древних грамотах сохранился ряд топонимических отражений: *urbs Dudlebi* (X в.) и др., притом вместе с наименованиями, указывающими на обров (авар), — в полном согласии с известиями русской летописи.

Весьма вероятно, что дулебы отразили свое имя и в некоторых наименованиях Западной Украины и Белоруссии: Дулибы, Дулебы, р. Дулеба и пр., так как есть все основания думать, что в эпоху великого переселения народов это славянское племя, как и ряд других, было разрезано на две части (по крайней мере), одна из которых оказалась около Судетов (Чехия), а другая — в пределах теперешней Белоруссии.

Однако мы находим в топонимике ряд следов имени Дулеб далеко к востоку, притом достаточно старых — по меньшей мере с XVI—XVII вв. (в писцовых книгах). Эти названия простираются на Орловскую, Тульскую, Ярославскую, Костромскую и другие области, что вызывает крайнее сомнение в древности тех из них, которые уходят в восточном направлении. Мы начинаем подозревать их вторичное происхождение, сравнительно позднее, вне непосредственной связи с племенным именем дулебов как таковых.

И действительно оказывается, что ряд таких названий (Дулебино, Дулепово и т. п.) появился лишь лет 400—500 назад ввиду наличия в то время в обращении личного имени Дулеб (часто Дулеп), откуда и возникли соответствующие названия населенных пунктов. Любопытно, что во многих местах существует бранная кличка: дулеб, дулеба, дулепа (дулёпа), дулебый, широко распространенная от Орловской и Рязанской до Псковской

областей и попавшая даже на север — в словарный запас языка коми.

Этими поздними явлениями распространения отражений древнего славянского племенного имени дулеб — в форме кличек и прозвищ, а через них в местные имена — и объясняются появившиеся далеко на восток и север от древних дулебов географические названия соответствующего характера.

Это явления даже не второго, а так сказать третьего порядка, очень поздние.

Кривичи. Рассмотрим теперь названия мест, происшедшие от имени восточнославянского племени кривичей, занимавшего некогда обширное пространство в верховьях Волги, Днепра, Западной Двины, Ловати и игравшего такую значительную роль, что в латышском языке *krieivs* до сих пор означает русского вообще.

Спора нет, имеется, по-видимому, 2—3 названия, непосредственно оставленных кривичами на границах их древней области; точнее, это названия населенных пунктов: Кривичи, Великие Кривичи, данные их соседями. Имеются и такие отдельные названия, как Кривеу-калнс, т. е. Кривичская (Русская) гора, в Латвийской ССР.⁸⁴

Все же такие наименования, как Кривец, Кривцы, Кривицы, Кривцово, Кривандино и многие другие в этом роде не имеют к кривичам никакого отношения. Как правило, подавляющее большинство их возникло после XV—XVI вв. от личных имен таких, как Кривец, Криванда и т. п.

---

⁸⁴ Здесь имеется вообще несколько гор с этническими наименованиями: Либу-калнс (т. е. Ливская гора), Орман-калнс, или Урман-калнс («Норманская» гора; ср. древнерусское *Урмане* 'Норманны', 'Норвежцы' и ср. ирл. *Ormandi* 'Нормандия' — часть Франции).

Только в таких отдельных, совершенно исключительных случаях, когда мы имеем, например, в документах XVII в. указание на старое «Кривитеско городище» в Торопце, по археологическим данным, возникшее не позже VIII—IX вв., мы можем утверждать прямую связь географического имени с названием кривичей, тем более, что Торопец относится именно к древней области кривичей, указанной летописью (верховья Западной Двины).

Перейдем теперь к некоторым неславянским племенным именам.

Прусы. Таково имя древнего литовского племени, от которого получила свое имя Пруссия; племя это было частью истреблено в борьбе с немцами, частью ассимилировано ими, а остатки прусов рассеялись среди других литво-латышских племен.

В Польше и Литве имеются отражения этого племенного имени, что, конечно, вполне естественно.

Однако и в древних Новгородских землях мы встречаем ряд таких географических названий, как Пруса, Прусово, Пруское, Прус, Прусы; некоторые из них повторяются по нескольку раз в разных пятинах Великого Новгорода. Это явление совсем иного характера по сравнению с польско-литовскими данными; здесь мы имеем дело с отражением названия «Прусы», «Прусская улица» в Новгороде, которое представляет лишь нечто вторичное по отношению к названию племени литовских прусов.

Новгородские «Прусы» были не прусами, а славянами, носившими имя литовского племени только вследствие наименования одной из улиц Новгорода «Прусской», последнее возникло, видимо, в силу торговых связей с Прусией — землей настоящих прусов. Название «Прусы», «Пруское» и тому подобные в Новгородских пятинах — лишь следы принадлежности той или другой местности жителям Прусской улицы.

Чудь. Этим именем новгородцы и вообще восточные славяне называли по преимуществу эстов, но часто и многие прибалтийско-финские племена, близкие к эстам по языку.⁸⁵

В частности, так до сих пор русские называют вепсов, в древности именем «Заволоцкая Чудь» обозначалось не-славянское население Заволочья, т. е. области «за Волоком», расположенной по Северной Двине и ее притокам.

С течением времени новгородцы при колонизации северных и северо-восточных земель широко разнесли свои местные термины, в том числе и этнический термин «чудь», применяя его часто к любым остаткам старины. Нередко такое словоупотребление имело действительные основания, так как в Заволочье и далее к востоку имелось немало следов деятельности разных финно-угорских племен, в том числе и прибалтийско-финских, т. е. «чудия» в собственном смысле слова. Однако в значительной мере мы имеем здесь уже обобщение этнического термина «чудь», прилагавшегося нередко без учета действительной племенной принадлежности могильников, городищ, копей и т. п., которые все без исключения именовались чудскими (чудские могилы, чудские городища, чудские рудницы и т. д.), — в том числе так до сих пор именуется многие разработки полезных ископаемых на Урале (вплоть до Оренбургской области), на Алтае и даже в Восточной Сибири.⁸⁶ Несмотря на это широкое народное обобщение термина «чудь», «чудской», многие географические имена: Чудское, Чудца, Чудино, Чудской конец, Чудская Гора и т. д. и т. п., являются действительно следами деятель-

---

⁸⁵ Водь, Ижора, Корела выделялись особо, нося свои имена, переделанные русскими из финно-угорских самоназваний (Vatja, Ingeri, Karjala).

⁸⁶ Таковы, например, «чудские» серебряные копи в Забайкалье.

ности прибалтийских финнов (не только одних эстов) или указывают на их близкое территориальное положение: так, Чудское озеро (Пейпус) расположено между эстами и псково-новгородскими землями.

Следует, конечно, и в данном случае учитывать некоторые вторичные возможности, так как с течением времени у русских вошло в обиход личное имя Чудин,⁸⁷ от которого, в свою очередь, возникло некоторое небольшое число географических названий типа Чудиново. Такие явления без особенной трудности отделяются в данном случае от древних.

Заметим попутно, что географические имена, происшедшие от этнических, чаще всего расположены на пограничьях, на стыках разных племенных групп. Там, где встречаются русские и мордва, мордва и татары, русские и удмурты и т. д., всегда много населенных пунктов с названиями, носящими в первой части соответствующий определитель: Русская (-ое, -ий), Мордовская (-ое, -ий) и т. п.

Во многих случаях это явление новое, насчитывающее с момента возникновения 200—300 лет, а иногда и менее. Имеются, впрочем, и гораздо более старые случаи.

---

⁸⁷ Точно так же были в ходу такие «этнографические» имена, как Русин, Мордвин, Мещерин и пр. В одной помещичьей семье начала XVII в., носившей фамилию Черемисиновых (в Белозерском крае), были братья Мещерин и Русин Черемисиновы, так что в этой семье, очевидно, существовала соответствующая традиция, согласно которой ее членов называли «этнографическими» именами (Русская историческая библиотека, т. XXXII, Пгр., 1915, стр. 135). Подобных случаев мы знаем достаточно. Вообще многие семьи предпочитали личные имена однотипного характера: кто называл детей рыбьими, кто птичьими именами, другие подчеркивали разного рода звучания и шумы, третьи давали имена с отрицанием *не-* (Нечай, Некрас, Неждан, Неклюд и пр.), иные вели счет детям: Первуша, Вторко, Третьяк, Четвертой, Пятунко, Шестак, Семой и т. д.

Если мы возьмем «Списки населенных мест» Вятской губернии XIX в., то найдем там селений с прилагательным Русская (-ое, -ий) — 50, Черемисская (-ое, -ий) — 35, Вотский⁸⁸ — 41, от имени Чуваши — 14, от Мордвы — 4, татар — 37, связанных с именем чуди — 7. Это объясняется пестрым этнографическим составом населения губернии.

Названия Чам Русский и Чам Черемисский, Шуэть Русская и Шуэть Черемисская, а также многочисленные другие в этом духе возникли в связи с надобностью различать отдельные пункты в местах со смешанным населением. Отчасти это возникало само собой, отчасти под влиянием переписей и других форм официального учета, поэтому очень часто имеются параллельно официальное и народное наименования одного и того же пункта.

Приведем еще данные об «этнических» местных именах по «Спискам населенных мест» Пермской губернии прошлого века. Здесь названия Болгары указаны в нескольких местах Пермского и Оханского уездов, Пермское, Пермьки и т. п. — 23 случая, Русское и т. п. — 5, Зыряново и пр. — 25, Вотинова, Вотяки, Вотякова — 10, Черемисская и пр. — 8, Мордвина — 1, Чудиново и т. п. — 10, Корелы и пр. — 6, Чуваши — 8.

Все это следы разноплеменности в разные времена, могущие служить лишь для самых первичных выводов. Однако, например, названия Болгары, относящиеся к Волжским Болгарам, представляют значительный интерес. Особенно любопытно, что в бывш. Красноуфимском

---

⁸⁸ Имеется, кроме того, значительное число названий, оканчивающихся на *-мары* (т. е. марийцы, или черемисы, как назывались они в официальных документах того времени). Имелись здесь также названия, начинающиеся определителем *ар-*, это татарское название удмуртов. Есть и такие имена, как Удморт-Кожой, т. е. Удмуртский (по тогдашней терминологии: Вотский) Кожой.

уезде указана гора Болгары, состоящая из белого камня, тогда как известно из других источников, что Волжские Болгары строили свои города из белого известняка. Об этом же свидетельствуют и материальные остатки болгарских построек, как известно, весьма значительные.⁸⁹

Следует сделать одно существенное замечание по поводу некоторых «этнонимических» названий или кажущихся таковыми. Дело в том, что в ряде источников (например, в хронографах XVI—XVII вв.) многие географические названия прямо связываются с племенными или личными именами, как об этом уже говорилось выше, в разделе, посвященном топонимическим легендам. Однако здесь мы имеем уже не народную сказку, а произвольный домысел ученого книжника, привыкшего все объяснять из знакомых ему библейских преданий, древнегреческой и древнеримской истории и т. д. Отсюда целый ряд фантастических толкований и сближений географических, племенных, личных имен.

Весьма любопытно, что частью эти сближения перешли и в историографию XVIII столетия (В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и др.), а отсюда даже в некоторые современные нам работы. Не говорим уже об увлечениях этнонимикой акад. Н. Я. Марра, всюду старавшегося увидеть пресловутые четыре элемента (бер, сал, рош, ион) и с этой целью разлагавшего любое географическое имя (как и другие элементы лексики) на отдельные компоненты. Это, конечно, прямое недоразумение, и с наукой подобные домыслы ничего общего не имеют.

---

⁸⁹ Особенно подробно они обследованы А. П. Смирновым (см.: А. П. Смирнов. Волжские Булгары. М., 1951; а также другие работы этого автора).

Изменение географических имен в рамках одного языка

Изменения местных имен могут происходить и без смены языков, без действия двуязычия — в рамках одного и того же языка. Часто это происходит под действием новых волн колонизации, несущих с собой иные диалектные особенности, однако нередко мы имеем, по-видимому, простое сокращение длинных названий. Так, древнее Дебрянск (Дьбрянск) обратилось в Брянск; если бы мы не знали древней формы по ряду письменных известий, догадаться о ее былом существовании и добиться ее восстановления было бы полностью невозможно.

Древнейшая форма названия Псков была Пьсковъ,⁹⁰ только позже в письменных источниках появляется Пльсков, откуда на основании широких торговых отношений возникло немецкое Pleskau, латышское Pleskava и т. п.

Это явление возникновения *л* после мягкого губного вполне закономерно. На этом же основании название древнего города Выхань, существовавшего в домонгольское время на границе с Половецкой степью, позднее обратилось во Влеханское городище; таких примеров можно указать достаточно.

Другого рода изменения обнаруживаются при переходе названия населенного пункта на близлежащий природный объект, теряющий при этом свое старое имя, иногда принадлежащее тому же, иногда другому языку.

Так, Н. В. Попова, изучая топонимику верхнего течения р. Великой и ее притоков, заметила, что только некоторые старики помнят старое название озера Алолѣ

---

⁹⁰ На это обратил внимание в свое время акад. А. И. Соболевский (см.: *Этимологический словарь русского языка*. Сост. А. Преображенский. Вып. 11, М., 1915).

около деревни Мясово (40 км от г. Опочки Псковской области), тогда как большинство населения совершенно не знает этого имени, называя озеро просто Мясовским.

Кстати сказать, Н. В. Поповой удалось установить по писцовым книгам Полоцкого повета, составленным во время Ливонской войны, что в XVI столетии деревни Мясова еще не было, но на этом месте пахал землю некий «Прошко Мясов». Так название деревни Мясово, происшедшее от прозвища этого Прошки XVI в., вытеснило в конце концов древнее (несомненно, до с л а в я н с к о е) название озера Алолё, которое значится еще на карте XVIII—XIX столетий.

Таким же образом название озера в верховьях Ловати, носящее на старых землемерных планах и картах название Цаство (Цаства, Цатва), в настоящее время именуется местным населением Варахобское озеро — по названию деревни Варахобы, стоящей на берегу этого озера; только отдельные старики лет 40—50 тому назад смутно припоминали еще о былом наличии иного названия озера.

При подобных изменениях иногда возникает и новая суффиксация. Так, например, небольшое, но очень глубокое озеро недалеко от станции Жижица Московско-Белорусской ж. д. (Куньинский район Псковской области) носит название Глыбоцкого или Пустынского — по именам двух деревень, недавно здесь существовавших: Глыбоцкое и Пустынки. Совершенно ясно, что название деревни Глыбоцкое образовалось от «Глубокое» (Глыбокое озеро), а затем перешло обратно в обозначение озера — с иным формантом.

Такие явления играют некоторую роль в изменении географических названий в сравнительно позднее время.

От явлений этого рода следует тщательно отличать изменения географических названий, внесенные письменностью.

Мы уже видели, что имеется множество примеров изменения местных имен, вызванных ошибками и описками переписчиков разных документов — сознательными или по большей части несознательными. Однако бывают и ошибки другого рода; один пример мы сейчас и приведем.

В «Книге Большому Чертежу» (в некоторых изданиях) в районе нынешнего Харькова указаны реки «Угрин да Лопин» (в новейшем издании 1950 г. указано: «Угрим да Лопин»). Между тем никаких Угров и Лопи (саамов) здесь предполагать нельзя, а поэтому ясно, что мы имеем дело с ученым домыслом составителя, переписчика или издателя, знавшего о том, кто такие «Угрин да Лопин» и применившего их имена к созвучным географическим названиям.

В действительности, как можно показать, название «Лопин» получилось из подлинного «Лопань»; это речка Лопань в Харькове, получившая свое имя от местного диалектного слова «лопань» — «колодец на болоте». Таким образом, к Лопи (саамам) это название не имеет ни малейшего отношения.

Надо иметь в виду, что такого рода ошибочная передача названий в старинных документах (особенно XVI—XVIII вв.) не редкость, даже если не говорить о прямых искажениях.

Часто поздние хронографы пишут, например, В о л о т ь вместо Л о в о т ь (р. Ловать), но отсюда вовсе нельзя делать вывод, что книжное Володь XVI—XVII вв. и есть «старинная» форма.

Напротив, надежные летописные известия почти тысячелетней давности, равно как и современные данные, показывают, что название все время оставалось неизменным (Ловоть, -ать, но не Володь). Этого рода явления надо всегда иметь в виду, рассматривая письменные известия разного времени о том или ином географическом имени.

Следует, впрочем, заметить, что этого документального материала для большинства мест СССР (по крайней мере входящих в территорию древней Киевской и Московской Руси, а также Литвы) имеется очень много, что весьма облегчает проверку.

Вуокси. Векса

На этого рода речные названия обратил в свое время внимание М. К. Любавский в работе «Образование основной государственной территории великорусской народности» (Л., 1929). Однако в действительности материал, сюда относящийся, значительно обильнее, чем приведенный у Любавского.

Имеются следующие названия:

1) Финское *Vuoksi*, *Vuoksen virta* — сток озера Сайма (финское *vucksi* 'прилив', 'поток', 'течение'); в русских источниках: Вокса, Вокша;

2) Вёкса, вытекающая из озера Галичского — в земле древней Мери (в «Книге Большому Чертежу» — Вокса);

3) Векса (Вокса), вытекающая из оз. Чухломского;

4) Векса — сток озера Переяславского;

5) Векса — сток озера Ростовского;

6) Векса — река, вытекающая из озера Масатовского, — в бассейне Вологды.

Этот список, несомненно, еще не полон. Согласно сообщению известного писателя, охотника и знатока Ростово-Суздальского края М. М. Пришвина, Векса в этом крае есть в сущности имя нарицательное — обозначение межозерных протоков и стоков из озер.

Дальше к востоку этот комплекс названий Векса продолжается в виде речных имен Веска (вместо Векса), а еще далее, уже в коми языке мы имеем *вис* (*вискыс*) 'проток из озера в озеро', откуда русское диалектное

«виска», имеющее то же самое значение и проникшее вместе с русской колонизацией вплоть до Якутии, где также вошло в топонимику, разумеется поздною.

Заметим попутно, что удмуртское *вис* значит просто «промежуток», «интервал», причем *вис*, *вискы* играет также роль послеслога со значением «между», «промеж». Что касается русских говоров Якутии, то там «виской... зовется канал, соединяющий друг с другом два озера и способствующий в конце концов стоку озера в реку».⁹¹

Таким образом, можно быть уверенным, что мы имеем дело с принадлежащими финно-угорским языкам исходными данными, причем все слова этого рода обозначают «проток из озера в озеро», «исток из озера». Форма «Векса» в силу ее территориального распространения, вероятнее всего, относится к языку Мери; заметим, что все элементы этого языка, поддающиеся достоверному восстановлению, оказываются бесспорно финно-угорскими.

Сверковы Луки. Свирколучье

Этот пример мы приводим как образец многократного упоминания одного и того же небольшого населенного пункта в течение по крайней мере 800 лет в различных письменных источниках. Сверковы Лукы находятся в верхнем течении Днепра, между Дорогобужем и Смоленском; первое упоминание об этом месте, нам известное, относится к 1150 г.

Именно, в уставной грамоте Смоленского князя Ростислава и епископа Мануила, составленной в 1150 г., упомянуты «на Сверковых Луках сеножати», откуда полагалась десятина (десятая доля княжеских доходов) в пользу епископа.

---

⁹¹ Г. Майдель. Путешествие по... Якутской области в 1868—1870 гг., I—II. СПб., 1896; т. II, стр. 206.

Нет сомнения, что Сверковы Луки существовали и задолго до 1150 г. Неоднократно упоминаются они и в более поздних исторических документах.

Особенно отметим здесь, во-первых, замечательный документ XV столетия — описание путешествия в Литву великой княжны Елены Ивановны (дочери Ивана III) для бракосочетания с великим князем Александром Литовским. Здесь положение Сверковых Лук точно указывается — даже с указанием расстояния от Смоленска (10 миль) и от Дорогобужа (8 миль). Заметим, что тогда все эти места (Дорогобуж, Сверковы Луки, Смоленск) принадлежали Литве, а не Руси, но уже в 1500 г. были снова возвращены Московскому государству.

Поэтому в завещании Ивана III мы находим (1504 г.): «волости Дорогобужские: ... Рехты... Сверковы Луки...»

И Рехты, и Сверковы Луки — эти названия существуют и поныне; в Сверковых Луках существовал древний монастырь, в котором и останавливалась дочь Ивана III Елена на пути в Вильно (Вильнюс).

Упоминание Сверковых Лук содержат многие другие документы, этот пункт нанесен и на карты (Сверковы Луки, Свирколучье).

Разумеется, мы не можем сказать, кто был тот Сверко или Свирко, по имени которого названы эти богатые заливные луга верхнего течения Днепра — Сверковы Луки.

Г л а в а II

СОБИРАНИЕ И ОБРАБОТКА ТОПОНИМИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Вводные замечания

Прежде чем приступить к изложению методики собирания и обработки топонимического материала, необходимо сказать, что содержащиеся в I главе примеры дают нам ряд наводящих указаний в этом деле. Мы почти не будем возвращаться опять к этим примерам, но всегда должны иметь в виду те заключения, которые можно из них вывести. Особенно это, конечно, должно учитываться при окончательной обработке материала и при выводе соответствующих общих положений из конкретных данных топонимики того или другого района. Это надо помнить в любом случае, строго различая явления разных эпох, разных языков, следы различных исторических событий, учитывая характер ландшафта, местные хозяйственные особенности и т. д. и т. п.

Собирание топонимических данных

Собственно собирание топонимических данных является работой того же характера, что и труд диалектолога, описывающего тот или другой местный диалект.

Действительно, топонимика в каждом отдельном случае является в известном смысле частью местной диалектной лексики. Поэтому наиболее естественной всегда надо считать регистрацию местных имен при сборе областной лексики.

При сборе топонимических данных выяснение лексических и фонетических местных особенностей также, разумеется, необходимо.

Все это заставляет считать сбор диалектной лексики и местной топонимики неразрывно связанными между собой. В том случае, когда на данной территории имеются несколько языков, оказывается совершенно необходимым учитывать все названия одного и того же объекта (на разных языках) и по возможности изучить хотя бы элементы необходимой топографической лексики иноязычных групп населения.

Программа собирания топонимики не должна быть громоздкой. Интересы ученых всех специальностей (лингвистов, историков, этнографов, археологов и т. д.) все равно учесть полностью невозможно, а потому чрезмерно обильные вопросы программы следует исключить из практики.

Вполне достаточной и удачной нам кажется краткая программа собирания материалов для изучения топонимики Украины, составленная К. К. Целуйко.¹

Однако работа собирателя топонимики не может ограничиться только выявлением географических названий на местах.

Необходимо изучить по возможности наиболее полно летописный, актовый материал, касающийся данной местности, а также писцовые книги (если они есть для этой местности), карты и тому подобные материалы.

---

¹ К. К. Цілуїко. Програма збирання матеріалів для вивчення топоніміки України. Київ, 1962.

Разумеется, в собранной топонимике будут в значительном числе такие мелкие объекты, которых нет ни на одной карте, ни в одном письменном источнике; эта микротопонимика включает названия лугов и сенокосов, полей, тонь и плесов реки или озера, лесных дач, полян, иногда даже отдельных деревьев и значительных камней, горок и тому подобных мелких объектов, которые лишь очень редко учитываются в письменных источниках, например в межевых актах. Что касается значительных объектов, т. е. достаточно заметных речек, селений, озер и т. п., то они имеют названия, многократно встречающиеся в разных источниках: писцовых книгах, погубернских списках населенных мест и на картах.

Однако и здесь роль сборов на месте весьма значительна, так как можно выяснить многие подробности, которых в письменных источниках часто не найдешь, например место ударения в данном названии, точное произношение и т. п. Даже более того, на картах, например, имеются в большом числе неясности, а то и грубые опечатки, так что на одной карте, изображающей части Псковской и Витебской губерний середины прошлого столетия, читаем «Завосечье» вместо «Завесечье», «Исведро» вместо «Неведро» и т. д. Эти погрешности можно установить и устранить лишь с помощью изучения названий на месте. Следует сказать, что топонимику очень малых районов собирать, конечно, проще, чем охватывать значительное пространство, однако лучше все же интересоваться материалом и вширь, так как изолированные небольшие участки иногда не содержат тех самых интересных моментов, которые могут оказаться совсем рядом.

Поэтому можно для ускорения работы сначала осведомляться у местных жителей по возможности о всех известных им географических именах, насколько хватает их

кругозор, а затем уже сосредоточить внимание на подробностях в наиболее интересных пунктах. Параллельно с собиранием географических имен необходимо особенно тщательно относиться к учету той части местной диалектной лексики, которая состоит из землеописательных и водоописательных слов.

Эту лексику можно назвать топографической; она часто содержит ряд таких элементов, которые в других местах редки или вовсе не встречаются.

Таковы севернорусские: сопка, курья, наволок, мыза, лахта, сельга, согра, эдома, виска, тундра, лапта, луда и т. п.; из них многие взяты местными говорами из финно-угорских и самодийских данных.

На юге находим ряд других своеобразных терминов: сага, яруга, балка, курган и пр. (многие имеют тюркское происхождение).

Обработка топонимического материала

Обработка собранного материала производится в соответствии с окончательными целями исследования.

Возможны несколько основных линий топонимического исследования:

1) когда поставленные цели являются чисто лингвистическими;

2) когда исследование предпринимается для проверки какого-либо исторического сообщения, установления прошлых этнических отношений на данной территории и т. п., т. е. служит вспомогательным средством истории; сюда же следует отнести и интересные для археологов топонимические разыскания мест древних стоянок, погребений, городищ, селищ по соответствующим географическим наименованиям;

3) наконец, когда топонимическое исследование может ставить в чисто утилитарные цели, например выяснение мест залегания некоторых полезных ископаемых и их древних разработок, что также нередко отмечается в географических именах.

Лингвистическая обработка топонимического материала без привлечения исторических и прочих сведений в большинстве случаев может рассматриваться только как предварительный прием исследований, его первый шаг к цели.

Однако бывает, что топонимист интересуется только заведомо русскими названиями, ставя лишь задачу изучения отраженной в топонимике части лексики русского языка, отказываясь сознательно от всего остального.

Исследователь только русского материала может интересоваться также специально топонимическими формантами русского происхождения в географических именах той или иной области. Весьма желательно, конечно, и здесь привлечение документальных данных, показывающих историческое развитие лексики и ее топонимического оформления; без такого привлечения возможно лишь очень поверхностное изучение вопроса.

Только при отсутствии для данной местности писцовых книг и достаточного актового материала или просто в качестве предварительной обработки можно решиться на какую-то простейшую первичную классификацию собранных топонимических данных. В чем же должна заключаться эта классификация, если речь идет, как мы уже говорили, о русском материале, тогда как все иное сознательно опускается?

Очень часто в этих случаях располагают материал в группы, руководствуясь семантическими признаками, т. е. объединяя названия по близости значений то по основам местных имен, то по формантам и т. п.

Нередко наименования разделяют на группы по происхождению от природных данных местности,² от личных имен, от профессий и занятий жителей, от исторических событий и т. п. Разумеется, часто изучают отдельно названия рек и озер (гидронимика), отдельно селений и городов и т. п. Все эти приемы доступны каждому, почему и нет особенной надобности на них останавливаться. Следует заметить, что выводы, полученные с помощью подобных первичных приемов, также очень ограничены и редко приносят богатые результаты. Исключением могут явиться случаи, довольно редкие, когда из данных местной диалектной лексики разъясняются с достоверностью и оказываются русскими такие географические имена, которые не могли быть объяснены с помощью лексики литературного языка или принадлежащей иным говорам. Интересны также случаи обнаружения в составе географических имен таких элементов лексики, которые вышли в настоящее время из употребления. Таким образом, можно считать, что топонимическое исследование, посвященное только данным одного языка (например, русского) и не охватывающее в достаточной мере необходимый исторический материал, не может дать слишком много даже для изучения этого языка.

Нередки также работы, посвященные семантическим (смысловым) аналогиям в топонимике; некоторые интересуются, например, сравнениями параллельных по смыслу названий в разных языках: русск. Новгород (не-

---

² Выделяют такие названия, как например Вязьс, Веретья, Луговищи, Задубровье, Липовицы, Заболотье, Болотно, Ольховец, Березка, Лука, Заполье, Подмошье, Бор, Подклинье, Глина, Старица, Заглинье, Поляна, Высокий Бор, Заполье Клин, Заречье, Низкий Бор, Подлесье, Песок, Рог, Заостровье, Грива, Гари, Ручьи, Заднее Поле, Подсосенье, Подберезна, Подолье, Паозерие, Забродье и т. п. (из новгородской писцовой книги по Шелонской пятине).

сколько), греч. Neapolis, кельт. Noviodunum, баскск. Illiberis, нем. Neustadt и целый ряд других аналогичных параллелей.

Особенно глубоких и важных результатов в этом направлении, разумеется, добиться нельзя, так как явления подобного характера обычно довольно поверхностны.

Гораздо больший интерес представляет всестороннее исследование топонимики данного края с учетом всех встречающихся здесь лингвистических возможностей и с привлечением необходимых средств истории, — хотя бы собственно исторические выводы и не имелись здесь в виду, так что производится языковедческая работа с учетом данных истории и географических показателей.

Такая работа может дать весьма значительные результаты в отношении тех языков, с которыми мы встречаемся на данной территории. Проведение этой работы требует установления некоторых правил и приемов исследования, а также критики часто используемых способов обработки топонимического материала, приводящих к ошибочным заключениям.

Прежде всего нельзя допускать никакой предвзятости в истолковании языковой принадлежности географических имен. Следует помнить, что достаточно правдоподобное с внешней стороны объяснение можно получить для некоторых по крайней мере названий из многих совершенно различных языков. Поэтому если задаться предвзятой целью объяснять все названия из какого-то определенного языка, то можно быть уверенным, что в конце концов какая-то часть местных имен данного края формально получит желательное объяснение, хотя бы оно и не соответствовало никакой исторической истине.

Так, академик А. И. Соболевский, крупный знаток славянских языков, задавшись целью объяснить названия мест и вод европейской России из «скифских» языков,

привлек к такому объяснению лексику так называемой индо-иранской языковой группы, которая, согласно свидетельству древних, должна была наиболее подходить для этой цели.

Таким способом этот бесспорно крупный языковед-славист, увлекшись своей ложной идеей, ухитрился объяснить из «скифских» данных многие десятки финно-угорских, тюркских и даже славянских географических имен. Правда, он прямо признавал свою слабую осведомленность в финно-угорском и тюркском языкознании, но результаты от этого не улучшились. Почти ни одна этимология А. И. Соболевского в этой области не может быть признана удачной.

Все это сделала предвзятость основной мысли, кстати говоря, совершенно неверной исторически, так как конники-скифы жили только в степной полосе, отнюдь не заселяя лесную.

Другой типичный пример предвзятого толкования материала представляет книга С. К. Кузнецова.³ Здесь все, что попадает в поле зрения автора, он старается объяснить из марийского языка, произвольно отождествляя его с исчезнувшим языком летописной Мери. В результате С. К. Кузнецов даже такие чисто русские и притом очень поздние по возникновению названия деревень, как Уварово, Демешково и т. п., старался «объяснить» из «мерянского» будто бы языка (а на деле — из марийского).

Таким образом, по его мнению, название Уварово будто бы означает «Новое место», а Демешково совершенно неправдоподобным образом производится от слова, означающего в марийском языке «зелень», «овоци», но при этом даже не коренного марийского, а заимство-

---

³ С. К. Кузнецов. Русская историческая география, I. М., 1910.

ванного из тюркских языков. Между тем Уварово происходит от личного имени Увар (или фамилии Уваров), Демешково от Демешка (Дементий) и т. п. Все эти ошибки, которыми переполнена книга С. К. Кузнецова, возникли именно из предвзятости положений, принятых им за основу исследования, соединенной с весьма произвольным толкованием фонетических отношений между языками, — в данном случае между марийским и русским.

Таковыми же чертами характеризуются работы эстонского топонимиста Ю. Ю. Трусмана, относящиеся к концу прошлого века.⁴

Причины этого рода неудач лежали в данном случае не только в слабом знании фактического материала топонимики и необходимых языковых данных, как то было у А. И. Соболевского и С. К. Кузнецова. Ю. Ю. Трусман достаточно знал по крайней мере прибалтийско-финские языки, но его толкования в подавляющем большинстве случаев столь же фантастичны. Он собрал ценный ономастический материал, извлеченный из различных источников (в том числе из новгородских писцовых книг), но предвзятое стремление объяснить все это богатство ономастики из прибалтийско-финских данных вовлекает его в такие странные толкования, как производство имени Ивашко (Иван) из финского языка, со значением якобы «довольно добрый». Одним словом, нет ничего ошибочнее попыток подогнать весь разнообразный материал ономастики под однообразную узкую схему, втиснуть этот материал в рамки какого-либо одного языка (или даже нескольких языков), заранее принятого в качестве орудия для объяснения всех фактических данных, встречаемых исследователем.

---

⁴ Ю. Ю. Трусман. Чудско-литовские элементы в Новгородских памятниках. Ревель, 1898.

Наоборот, эти данные должны в соединении с историей края определять тот круг языков, который должен быть выбран для объяснения фактов. Не факты следует «вжимать» в предвзятую теорию, а наоборот — теория должна строиться в соответствии с фактическим материалом.

Посмотрим теперь, какие приемы могут обеспечить нам достаточно ясное понимание вопросов, связанных с определением круга языков, какими должно пользоваться для толкования топонимики того или другого района. Исторические известия в этом отношении могут оказаться недостаточными, а некоторые языки, оставившие нам богатую топонимику, давно исчезли.

Остается в таком случае: 1) либо выделить такие массовые явления в топонимике, которые покажут явное типологическое и материальное сходство с фактическими данными каких-либо известных языков; 2) либо искать двойные, переводные наименования (билингвы), где одно из названий дано на известном (например, на русском) языке.

Эти два основных приема являются в топонимике господствующими.

Рассмотрим сначала первый из них.

Он основан на массовом рассмотрении корневых основ названий, а также на изучении «формантов»⁵ в названиях однородных по характеру географических объектов (например, рек или озер, или гор и т. п.). Особенно часто пользуются в этих изысканиях установлением так называемых «речных суффиксов» («гидронимических формантов») с последующими попытками опре-

---

⁵ По существу это, конечно, не форманты в собственном смысле слова; «формантами» они являются только с точки зрения топонимиста, желающего по этим «суффиксам» классифицировать свой материал.

деления смысла этих «суффиксов» из материалов лексики какого-нибудь языка (или языков), историческое существование которого (которых) на данной территории доказывается документально либо считается весьма вероятным.

Прием этот широко известен уже более 100 лет в нашей науке и применяется часто без надлежащей осторожности, так что полученные с его помощью выводы нередко объявляются совершенно всеобщими и вполне достоверными. Это, однако, далеко не так.

В чем здесь состоит суть дела, почему нельзя безоговорочно применять этот прием во всех случаях, мы должны разъяснить на ряде конкретных примеров.

Начнем с примеров, относящихся к северной лесной полосе европейской части СССР, так как здесь массовые однотипные явления встречаются зачастую весьма часто.

В южной степной полосе явления этого рода сравнительно редки и далеко не так типичны.

О так называемых «речных суффиксах»

Тех, кто начинает изучать топонимику нашего Севера, часто привлекает идея систематизации местных имен по так называемым «речным суффиксам». При этом естественно возникает и мысль о том, что часто повторяющиеся в названиях рек суффиксы *-ма*, *-га*, *-ша* или что-нибудь в этом роде означают просто реку или воду вообще в каком-либо ныне существующем или уже угасшем языке. Действительно, на подобное соображение наталкивает сравнительно большое число северных рек с такими именами, как Андома, Валгама, Ваткома, Визьма, Вогнема, Волма, Инема, Кема, Кисьма, Кияма, Колошма, Конома, Кудома, Лижма, Ножема, Окштома, Палежма, Поржема, Сизьма, Солма, Судома, Сума, Суэтьма, Сярма,

Тагажма, Улома, Ухтома, Хайма, Черьма, Чолма, Шима, Шома, Шулма, Эйма, Явосьма, Ягрема; Авлога, Андога, Анжега, Базига, Ваджега, Вадога, Валдога, Вердуга, Ворога, Воронегга и т. п.; Векша, Допша, Лоша, Рагуша, Паша, Ньюкша, Тикша, Кондуша, Шапша, Шокша, Шолекша, Шоша и пр.⁶

Изучая внимательно названия рек указанного типа, мы легко придем к заключению, что только одно окончание *-га* или вернее *-ога*, *-ега*, *-ига*, *-уга* может быть во многих случаях истолковано как обозначение реки, принадлежащее какому-то языку или языкам, распространенным на нашем Севере до появления здесь славян. Действительно, река Мандр-ога связана с Мандр-озером, река Линд-ега с Линд-озером, река Анд-ога с Анд-озером и т. д., что можно подтвердить множеством подобных примеров.⁷ Следовательно, в очень большом числе случаев *-ога*, *-ега*, *-уга* означает просто «река», и не трудно догадаться, какие языки дают объяснение этому. Уже в начале прошлого века академик А. Шёгрэн заметил, что Олонецкая река Мегрега носит это название у местного русского населения, тогда как карелы называют ее Мягр-йоги, т. е. Барсучья река; поэтому совершенно ясно, что *-ега* и т. п. «речные суффиксы» могут весьма часто отражать прибалтийско-финские данные такого рода, как финское *joki*, карельское *jogi*, саамское *йокк* и т. п. Так оно и оказывается в большинстве случаев, но все же далеко не всегда, и для полной уверенности

---

⁶ Примеры взяты из числа речных имен Ленинградской области в границах 1929 г., причем названия на *-га* указаны только для первых трех букв алфавита.

⁷ Река Ваджега (бассейн Ояти), вытекает из Ваджезера, река Янега из Янезера, река Мандрога из Мандрозера (обе в бассейне Свири), река Сяржега из Саржезера (бассейн Онежского озера) и т. д. Таких примеров десятки.

в правильности каждого отдельного объяснения необходимо привлекать весь материал, касающийся того или другого исследуемого названия. К нашему счастью, обычно этот материал дает достаточно полную картину, так как любое достаточно старое географическое имя нашло свое неоднократное отражение в таких источниках, как писцовые книги, межевые и купчие грамоты и иные акты, восходящие почти всегда к XV—XVI вв., а иногда и к гораздо более раннему времени.

Поэтому мы обычно можем восстановить историю звучания того или иного географического названия на протяжении нескольких столетий, а это дает часто основания для совершенно неоспоримых выводов. В частности, например, если мы в пределах бывшей Обонежской пятины Великого Новгорода находим ныне речное название Коштуга, то в повгородских писцовых книгах около 400 лет назад оно было зарегистрировано в форме Коштуя, где *-уя* является бесспорным отражением прибалтийско-финского *oja* 'речка', 'ручей'.

Для нас важно, впрочем, не это, а лишь то обстоятельство, что *-уга* в Коштуга отражает не *joki*, *jogi*, а нечто другое (именно *oja*). Таким образом, нельзя утверждать, что во всех случаях происхождение речного суффикса *-га* является вполне единообразным; частично мы имеем здесь *-ега*, *-ога* и тому подобные из *joki*, *jogi*, частично из *oja*, тогда как некоторые другие отдельные примеры возникли на совершенно иных основаниях. Никто не усомнится, например, в том, что название такой речки, как Струга, является чисто славянским, несмотря на окончание *-га*. Таким же славянским (русским) является и речное наименование Шульга (т. е. «левая»).

В другом случае мы видим, например, что река Сярга носит имя с «суффиксом» *-га*, с несомненностью объясняемое из западнофинских языков (фин. *särki*, эст. *sägr*

‘плотица’), но *-га* здесь получилось вовсе не из *joki* и не из *oja*.

Таких случаев, разумеется, довольно много. В последнем примере (Сярга) из фонетических оснований вполне понятно, почему мы имеем не «Сяргега», но часто неясно, по какому поводу *-га* исчезает, так что порой имеем даже колебания такого рода, как Сязнега—Сязна — два названия одной и той же реки.

Следует заметить еще по поводу возникновения *-ога*, *-уга* из *-оя*, *-уя*, что это фонетическое явление — совершенно заурядное для некоторых русских говоров; ср. шуйя и шуга, сарга и сарья, палья и пальга и т. п.

Документально известно, что название реки Мга под Ленинградом возникло из Мья, а это — из Муя; таким образом, *-га* в указанном названии вовсе не значило «река», а возникло иным путем.

Точно так же в новгородских писцовых книгах мы встречаем такие колебания в написании названия одной и той же реки, как Лухтопоя и Лухтипойга, Кондопога и Кондопое и т. п. Впрочем, эти явления не ограничиваются в своем распространении только Севером: даже в бассейне Днепра мы встречаем речку с именем Стенегга, которое в других источниках порой передается как Стеняя.

Отступив отсюда далеко на восток, мы обнаруживаем еще более замечательные явления в этом роде. Особенно интересны данные яренских писцовых книг начала XVII в. В этом источнике мы находим длинный ряд названий рек, таких как Шюдюга, Асьюга, Увьюга, Песьюга, Пежьюга, Пожюга, Киюга, Яйюга, Керюга, Вежаюга и т. д., — одновременно с Везью, Тыбью, Лопью, Сью и пр., где *ю* есть коми *йу* ‘речка’.

Может показаться, что названия на *-юга* представляют нечто особое по сравнению с названиями на *-ю*. Однако

такое предположение оказывается полностью неприемлемым, так как все это — самые подлинные коми названия,⁸ в которых только *-ю* (речка) превратилось в *-юга* в русской передаче. Вдобавок, в разных источниках мы имеем то Вежаюга, то Вежаю в применении к одной и той же реке. Отсюда совершенно ясно, что здесь *-га*росло уже на русской почве, хотя, быть может, не без воздействия коми фонетики, так как *йу* могло произноситься ранее с придыханием в конце слова, что весьма вероятно ввиду наличия таких соответствий, как карело-финское *joki, iogi* и т. д.

Тем не менее можно думать, что иногда *-га* в названиях рек появляется именно на основе данных русского языка, едва ли не вне всякой прямой зависимости от каких-либо финно-угорских или иных явлений.⁹ Действительно, мы имеем русское Кокшага при марийском Какшан, русское Ветлуга при марийском Вүтлә, русское Свияга наряду с марийским Сүйэ (*вүд*), чувашским Сёвё (*шывё*). Подобные факты заставляют предположить наличие в самом русском языке или по крайней мере в некоторых его диалектах склонности к использованию «речного суффикса» *-га*, отчасти, по-видимому, по аналогии с другими примерами, имеющими финно-угорское

---

⁸ Коми *шуд* 'счастье', *ас* 'свой', *ув* 'ветка', 'сук', *пес* 'дрова', 'полено', *неж* 'поганный', 'нечистый', *пож* 'сито', 'решето', *ки* 'рука', *яй* 'мясо', *кер* 'бревно', *вежа* 'святой', 'священный'.

⁹ Впрочем, следует всегда иметь в виду то обстоятельство, что до сих пор мы имеем в целом ряде случаев именно финно-угорские фонетические явления, вызывающие в русском языке при восприятии какого-либо слова добавочное наращение *-га*. Так, в севернорусских говорах (Олонецк) мы имеем: *карега* 'волна', *кортега* (*кортег, кортюх, кортеха*) 'хвощ' и много других подобных примеров, соответствующих финскому-суоми *kare* 'мелкая волна', 'зыбь', *korte* 'хвощ' и т. п. Все дело в том, что русские формы с *-га* появились не из финского-суоми словаря, а из карельских и вепсских слов: *karek, korteh* и пр.

происхождение, отчасти потому, что подобный суффикс не чужд вообще славянским языкам, в том числе и русскому (мостолыга, коврига, плутяга, бродяга, чернига, землянига и многие другие примеры).

В иных случаях (например, быть может, и в примере Какшан—Кокшага) мы имеем дело, возможно, с носовым *g* в конце нерусского названия, превращающимся в русской передаче (в применении к реке или селению) в *-га* или *-нга*. Так, коми Визин(г) дало русское Визинга и т. п.¹⁰

Нам не настолько интересны здесь все эти подробности, чтобы специально посвящать им слишком много места. Важен общий вывод относительно «речного суффикса» *-га* (т. е. *-ега*, *-юга* и т. п.): в большинстве случаев этот «суффикс» действительно является славянской (русской) переработкой обозначений реки в различных финно-угорских языках.

Бывают, как мы видели выше, и исключения, но их сравнительно не так много.

Обратимся теперь к «суффиксу» *-ма*. Здесь дело обстоит совершенно иначе. Прежде всего совершенно ясно, что *-ма* в севернорусской топонимике не является словом какого-то древнего языка, обозначавшим в этом языке реку или воду.

Действительно, *-м-* остается и в названии озера, связанного с рекой: например, в Белозерском крае есть река

---

¹⁰ Дальше уже начинается распространение по аналогии на другие примеры, где становится трудно отделить роль финно-угорских данных от областных русских; ср. олонецкие: *листега*, *вачега*, *кердега*, *чорога*, *кидега*, *синтега*, *юхтега*, *юдега* и мн. др.; например: *юдега* 'иней' получено в местные русские говоры несомненно от вепсов или близкого к ним по языку народа, но как образовался «суффикс» *-га*, в данном случае не вполне ясно, исходным пунктом, вероятно, явилось конечное придыхание в каком-либо вепском или людиковском говоре.

Ухтома и озеро Ухтомъярское, где *-яр-*, бесспорно, отражает общефинноугорский корень, соответствующий финскому *järvi* 'озеро' и т. п. Река Шома связана с Шомозером, Сярма с Сярмозером, Эйма с Эймозером и т. д. Отсюда совершенно ясно, что *-ма* в речных названиях не имеет и не имело значения самостоятельного слова. К тому же легко убедиться в том, что в известном числе случаев мы имеем дело не с *-ма*, а только с *-м* (иногда с *-мо* и т. п.), так как *-а* возникло на русской почве просто как окончание женского рода в соответствии с женским родом объекта (река). Заметим, что при этом наблюдается и образование озерных названий на *-мо* (т. е. на *-о* в соответствии со средним родом слова «озеро»): река Палежма и озеро Палежмо и т. п. Однако можно показать и другое, а именно то, что очень многие речные имена на *-ма* имеют самое различное происхождение, представляя большую пестроту в этом отношении, хотя основная масса их все же финно-угорского происхождения (по крайней мере для Севера). Если взять, например, такое название речки, как Салма, то здесь не представляет никакого труда убедиться в том, что в основе лежит прибалтийско-финское слово типа финского *salmi* 'пролив' вошедшее в севернорусские говоры в нескольких видах: салма, чолма (из саамских диалектов), шалма (из карельского языка), соломя (полногласная форма) и др.

Если имеем в официальных русских источниках и в русских говорах такое название, как Ижма, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что это просто искажение коми названия Изьва, так что *-ма* здесь из *-ва* (вода). Один из притоков Чудского озера носит название, передаваемое ныне в большинстве русских источников как Пижма. Однако в немецких (орденских) документах эта же река называется *Vimse*, *Piusa* и т. п., а рус-

ские источники дают часто и форму Пимжа, а в древних документах всегда Пивжа. Другая значительная река, впадающая также с запада в Чудское озеро, — Эмайыги (Эмбах), носила в древности у русских имя Амовжа (Омовжа, Амовыжа), откуда мы начинаем догадываться, что следует отделять здесь *-вжа*. И действительно, благодаря хронике Генриха Латвийского (начало XIII в.) мы знаем, что Амовжа = *Emavezi* = *Mater aquarum*, как переводит этот замечательный летописец.¹¹ Несомненно, в Пижма мы имеем искажение древнего русского Пивжа, которое, как можно утверждать, является точной передачей ливского *Rüä-veiß* («Священная вода»). Таким образом, и в этом примере не может быть и речи о «суффиксе» *-ма*, а следует думать о *-вжа*. Только подробное историческое исследование может выяснить подобные детали, часто весьма неожиданного свойства. Не развивая этих подробностей, укажем только, что «суффикс» *-ма* по своему происхождению отличен от *-га* в том смысле, что он очень редко отражает слово со значением «река», «вода», кроме таких случаев, когда имеем, как было показано выше, Ижма из Изьва или Пижма из Пивжа, где *-ва* и *-вжа* являлись передачей финно-угорских слов разных языков, означающих воду.

С другой стороны, следует признать, что названия рек, озер, населенных пунктов с окончанием *-ма*, *-мо*, *-м* имеют в большинстве случаев финно-угорское происхождение.

Действительно, если мы находим на нашем Севере несколько речек с названием Валгама, то нетрудно догадаться, что в основе лежит слово такого типа, как карело-финское *valkata* 'гавань', 'пристань', древнерусское и

---

¹¹ В русских актах Эмайыги также часто называется «Матерая река»; латышское название тоже имеет аналогичное значение (или имело в прошлом).

русское областное *исады*. В самом деле, если в низовьях Волхова мы находим речку Валгама, то против нее лежит селение Исады, до сих пор являющееся пристанью.

Подобные случаи совершенно прозрачны, а число их весьма значительно.

Легко выделяются, разумеется, и те примеры названий на *-ма*, которые оказываются явно русскими, вроде, например, многочисленных наименований Перейма (от «пере-имать»), которые в свое время ввели в заблуждение Тиандера.¹² В очень многих случаях в основе окончания *-ма* лежит словообразовательный общефинноугорский *-м-овый* суффикс¹³ и тому подобные явления. Гораздо сложнее обстоит дело с «суффиксом» *-ша*, встречающимся много реже *-га* и *-ма*. Очень часто это, конечно, явно русские наименования, например Голыша, Лоша, Гнилуша¹⁴ и т. п.

Нередко, однако, имеем здесь преобразование в русскую форму женского рода с добавлением окончания *-а* различных финно-угорских данных; очень часто *-ша* или *-са* в действительности выглядит как *-кша* или *-кса*, отражая разные падежные формы таких имен, как многие финские на *-s*, имеющие в генитиве *-ksen*, в номинативе множественного числа *-kset* или же формы транслатива (окончание *-ksi*, *-kse*). Что это так, во многих случаях легко убедиться на конкретных примерах (Тулос—Тулоска, Илес—Илекса, Ильмакса—Ильмаз и тому подобные «пары» названий). Однако этим дело далеко не исчерпывается. Не думая входить в подробности по этому

---

¹² См.: К. Тиандер. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

¹³ Отсылаем к книжке Синнеи (J. Szinnyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1922).

¹⁴ Эти названия взяты из числа днепровских, см.: П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.

вопросу, отметим только несколько ярких случаев данного рода.

Название реки Пекша в бассейне Клязьмы, если придавать ложному «суффиксу» *-ша* самостоятельное значение, делилось бы как Пек-ша.

На самом же деле это речное имя, несомненно, надо рассматривать как отражение финно-угорского слова, подобного мордовскому *пекше* 'липа', так как соседняя река такого же размера, текущая параллельно Пекше, носит название Липня. Точно так же нельзя отделять *-ша* в Мокша и т. п.

Суффикс *-ша* севернорусских наименований рек никогда не имеет и не имел значения «вода», «река»,¹⁵ что ясно из таких пар названий, как Тукша и Тукшозеро, Паша и Пашозеро и прочее в этом же роде.

Заканчивая на этом обсуждение вопроса о так называемых «речных суффиксах» *-га*, *-ма*, *-ша*, считаем не лишним еще раз подчеркнуть необходимость исторического подхода к исследованию не только групп названий, а даже отдельных имен. Иначе работа почти неизбежно обречена на неудачу. К нашему счастью, основная фактическая топонимика СССР давно систематизирована и отражена во множестве источников разных эпох.¹⁶ Это чрезвычайно облегчает работу и позволяет решить многие существенные задачи, разумеется, если исследователь обладает широким знанием не только исторических и географических, но и лингвистических данных.

---

¹⁵ Кроме сравнительно редких случаев преобразования в русских говорах чувашских речных наименований с окончанием *-шу* (вода), встречающихся нечасто и только в части Поволжья и Прикамья.

¹⁶ Мы разумеем здесь летописи, писцовые книги, различные собрания актов и тому подобные источники, снабженные обычно подробными указателями.

Быть может, еще более ярким примером, чем предыдущие, является группа названий населенных пунктов окрестностей Ленинграда: Парголово, Курголово, Кавголово, Пекколово и т. п. (десятки имен), о которых уже упоминалось выше.

Если пользоваться группировкой названий по «суффиксам», приписывая им определенное значение, мы должны будем прийти к заключению, что *-голово* (*-колово*) означает «селение» или что-то в этом роде в каком-то неизвестном нам языке. Между тем окончание *-во* здесь легко снимается, имея чисто русское происхождение, возникшее в большинстве случаев, как можно легко установить на основании писцовых книг, сравнительно поздно — позже XV в., а часто даже позже XVII столетия. Остается, стало быть, *-голо-* или *-коло-*, которое очень соблазнительно было бы на первый взгляд считать за слово со значением «село», «селение».

Однако подробное исследование по всем документальным данным показывает, что все без исключения¹⁷ многие десятки названий того рода возникли на базе уменьшительных западнофинских личных имен с окончанием *-ка* или *-ко* плюс западнофинский местный суффикс *-ла*, обращенный русскими в *-ло-*, плюс русский суффикс *-во*, завершающий переделку названия из Паркола XV в. в современную форму Парголово. При этом благодаря обилию документальных источников мы можем установить многие детали и хронологию явлений; особенно полезны здесь новгородские писцовые книги XV—XVI вв. по Вотской пятине и шведские писцовые книги Ингерманландии XVII столетия, а также целый ряд других актов.

---

¹⁷ Кроме наименования Шувáлово, совершенно иного происхождения, что ясно даже из ударения, не говоря о его истории. Исключением является также Кушелевка.

Благодаря этому удастся выяснить, какие названия этого типа принадлежат древней Ижоре,¹⁸ какие возникли во время шведского владычества в Ижорской земле, повлекшего за собой наплыв финнов в этот край, и т. д.

Точно так же мордовское «речное окончание» *лей, ляй* 'речка', 'овраг' осложнилось русским прибавлением уменьшительного суффикса *-ка*, в результате чего образовались десятки географических названий на *-лейка*.¹⁹ К тому же вследствие народноэтимологических искажений и приспособления к русским данным получились такие удивительные наименования, как например Вечерлейка, Водолейка, Веселейка, Новоклейка, Семилейка, Полейка, Печелейка, Вилейка, Труслейка, Налейка²⁰ и т. п. Здесь с первого взгляда трудно увидеть, например, в Печелейка подлинную мордовскую форму Пичелей (т. е. «Сосновый овраг», «речка Сосновка») и т. п., — все это обработано русским языком настолько, что первоначальный вид названия с трудом выявляется. Об этом уже говорилось нами ранее во вводных примерах I главы.

Мы вынуждены были остановиться особо на вопросе о значении некоторых «речных суффиксов» нашего Севера потому, что иногда высказывалось мнение о необъяснимости, например, названий на *-ма* из финно-угорских материалов. Мнение это следует признать полностью ошибочным, так как подробное изучение древнейшей топонимики Севера показывает, что в ней нет элементов, существенно отличных от финно-угорских и самодийских. Разумеется, следует учитывать то обстоятельство, что

---

¹⁸ Ижора частью сохранила свой язык до сих пор.

¹⁹ Об этом уже говорилось выше.

²⁰ Все названия взяты из «Списков населенных мест Российской империи. Симбирская губерния» (СПб., 1863) (территориально совпадает примерно с нынешней Ульяновской областью).

многие древние финно-угорские языки (мера, мурома и пр.) исчезли бесследно и что даже в сохранившихся языках этого типа отмерла значительная часть прежнего лексического запаса. Кроме того, в образовании географических имен всегда играли большую роль племенные и личные имена, что еще более затрудняет точное объяснение некоторых названий. Однако то затруднение, на которое указывали некоторые исследователи, приписывавшие «суффиксам» *-ма*, *-ша* и другим значение «вода», «река», на самом деле не существует, так как подобного значения эти «суффиксы» никогда не имели, являясь в большинстве случаев просто русской переделкой некоторых словообразовательных формантов, свойственных именно финно-угорским языкам.

Ошибочное объяснение *-ма*, *-хта*, *-кса* и тому подобных как слов неизвестных языков со смыслом «вода», «река» возникло в результате работ над этим материалом лиц, не вполне осведомленных в области топонимического исследования.

Итак, мы может утверждать, что из всех рассмотренных нами северных гидронимических формантов, относящихся к названиям рек, только *-ега*, *-юга*, *-ога*, *-яга* (сокращенно *-га*) и отчасти *-нга* часто являются отражением различных финно-угорских слов, соответствующих финскому *ioki* 'река', карельскому *jogi*, лопарскому *йокк*, а также другим подобным данным финно-угорского или самодийского происхождения; иногда *-уга*, *-ога* отражает не *joki*, *jogi*, а *oja* ('канавы, речка').

Иногда же *-га* нарастает позже — в рамках русского языка, что представляет один из уже рассматривавшихся признаков уравнивания топонимической суффиксации.

Такой формант, как *-кса*, *-кша*, обычно (чаще всего) имеет прибалтийско-финское происхождение, но никогда и ни при каких условиях не может иметь значения

«вода» или «река». Формант *-ш, -ш(а)* чаще всего образуется из уменьшительного финно-угорского суффикса (*-ш, -с*); иногда, впрочем, имеет и иное происхождение, но никогда не имеет значения «вода», «река», — кроме одной области, а именно — части Среднего Поволжья, где с этим значением он входит в географические названия из чувашского языка.

Суффикс *-м-* (*-ма, -мо*) в подавляющем большинстве случаев имеет происхождение из общефинноугорского *м*-ового показателя имен действия. Впрочем, в областях средней полосы часто он имеет и не финно-угорское, а тюркское происхождение, так как этот *м*-овой показатель имеется и во всех тюркских языках.²¹

Поэтому, например, в чувашском языке от звукоподражательного глагола *чашла* 'шуметь', 'шипеть', 'журчать' образовано *чашлама* 'кипучий', 'шумный', и это слово стало собственным именем многих ключей, родников, источников, совершенно так же, как для обозначения тех же объектов в некоторых русских говорах применяется название «Гремяч». Разумеется, *-ма* в Чашлама не представляет ничего общего с чувашским названием воды, и вообще *-ма* нигде в этой роли не выступает.

Формант *-ва* означает «вода» в коми языке и встречается в окончаниях названий ряда рек, данных именно коми (Приуралье).²²

В других местах *-ва* имеет самое различное происхождение, русское в том числе: Пониква и ряд других.

Однако название Москва не имеет надежной славянской (как и какой-либо другой) этимологии; древнейшее имя ее было Московь, что можно утверждать положительно, поскольку имеются об этом летописные известия

---

²¹ То же имеет место и в других так называемых «урало-алтайских» языках.

²² Сынва, Язьва, Яйва, Иньва и т. п.

XII в., таким образом, мы видим, что здесь *-ва* из древнего *-овь*.

Формант *-нга* может иметь в разных областях совершенно различное происхождение.²³

Он может происходить из германских, литовских, славянских, различных финно-угорских, тунгусо-маньчжурских и многих иных языков, в разных случаях, которые только могут встретиться на огромном пространстве от Германии до Восточной Сибири включительно.

А таких случаев представляется сколько угодно, потому что так называемый «формант» *-нга* очень часто образуется то из носового *г* многих языков, то из уменьшительного русского *-н-ка*, то из окончаний литовских и польских местных названий, часто в немецком оформлении *-ngen*, подгоняющем эти названия под известный тип древнегерманских родовых имен на *-ingen* и т. д. и т. п.

Во всяком случае *-нга* часто не имеет значения «вода», «река», кроме тех случаев, когда, как можно показать, имеем сочетание конечного *-н-* в первой части сложного названия в саамских или прибалтийско-финских языках с последующим обозначением реки во второй части (*joki*,

---

²³ В Литве мы встречаем наименования типа Паланга, много названий на *-нга* в мордовских землях и т. д., — вплоть до необъятных просторов Сибири, где существует ряд таких засвидетельствованных с XVII в. речных названий, как Куленга, Киренга, Орленга, Хатанга, Селенга и др. Заметим, что можно подобрать здесь и достаточное число речных имен на *-ма* (Ал-гама, Кондома, Патома, Колыма или Ковыма, Ташма, Олекма и ряд других), на *-ша* (Лабаданша, Кондарепша, Чадобша и т. п.). Объясняется это в значительной степени тем обстоятельством, что на столь широкой территории, заселенной многими разноязычными народами, всегда найдется какое-либо сходство части географических имен в отношении их «формантов». Это явление совершенно неизбежное, тем более что по основным типологическим признакам сибирские языки часто очень сходны с финно-угорскими или принадлежат к ним.

jogi, лопарское *йокк*), отраженным окончанием *-га*, откуда *-н-га*. Так, например, саамские названия рек Кольского полуострова: Патьманьйок, Куреньйок и тому подобные передаются русскими как Патмоньга, Куреньга и т. д., и это представляет достаточно общее явление. Мало того, даже из Пырэнджьйок возникло Пиренга, так что Кольские русские говоры как бы пытаются распространить это явление и на такие случаи, которые не совсем укладываются в точные фонетические нормы, которых следовало бы здесь ожидать.

Вообще, можно считать, что саамское речное окончание *-н + йок* передается севернорусскими говорами почти, как правило, через *-нга* или чаще через *-ньга*.

То же отчасти имеет место и для финских речных названий с окончанием *-н + joki*, где *-н* есть конец первого компонента.

Можно быть уверенным в том, что лопарское (саамское) *-н + йок* в речных названиях следует считать отраженным и во многих тех русских речных названиях на *-нга*, которые расположены там, где саамов в настоящее время нет, но где они были ранее. Таковы многие районы Архангельской, Вологодской и других северных областей, где мы имеем много таких речных наименований, как вологодские Тавреньга, Морженга, Мехреньга, Печеньга, Волонга и т. п.

Дело в том, что эти названия, продолжая соответствующую группу рек Кольского полуострова, во многих местах сопровождаются озерными названиями несомненно «лапоноидного» типа, содержащими элемент *-(я)гр-*, *-(я)хр-*, а также другими признаками.

Однако, что касается всех речных и прочих местных названий на *-нга*, распространенных очень широко, мы никак не можем утверждать, что все они имеют обяза-

тельно одно и то же происхождение, — здесь всегда имеется большой простор для других возможностей.

Во всяком случае вопрос о том или ином «топоформанте» должен быть подвергнут всестороннему исследованию, прежде чем можно будет высказать о нем определенное суждение. При этом никогда не следует забывать, что нельзя переносить механически результаты, полученные на одной территории, на все другие области и страны.

Об озерных «формантах»

Переходим теперь к названиям озер.

Для озерных названий северной — лесной и тундровой — полосы существуют следующие основные «форманты».

1. Русское *-озеро*, *-азеро*, *-езеро* и т. п., иногда сокращающиеся в *-зеро*, этот — позднейшее явление — «формант» представляет перевод второй части множества древних озерных названий на *-ярви*, *-дярви* в Карелии, принадлежащих карелам и вепсам, а также и лопарских (саамских); здесь мы имеем дело с массовым явлением, так как озер в Карелии множество.

2. Прибалтийско-финское слово, обозначающее озеро, как уже говорилось, звучит в окончаниях озерных названий: (в разных формах) *-ярви*, *-дярви*, *-ервь* и т. п.; в русской переделке оно отражается в виде *-ерь*, *-еро*, *-ер*, *-оро*, *-ярь*, *-гярь*, *-дярь*, *-дро* (из *-дярви*) и т. п.;²⁴ лопарские имена озер на *-явр*, *-яур* передаются в русском оформлении с окончанием *-яр*, *-явр*, *-ягр*, *-яхр*, *-гро* (под влиянием слова «озеро») и т. п.; мордовские озерные названия на *-эрьке* и так далее передаются в русском

---

²⁴ Сюда относится весьма значительное число названий, в том числе Илмерь (ныне Ильмень) и Селигер.

отражении с окончаниями *-ерки*, *-ерхи*, *-ерха*, *-орка*, *-орки*, *-орха* и т. п.; марийские озерные названия на *-ер*, *-яр* имеют в русской передаче те же окончания, причем первая часть иногда переводится (знаменитое озеро Светлояр, с которым связано сказание о невидимом граде Китеже); очень много озерных названий в области древних финно-угорских племен мери и муромы носит окончания *-ехра*, *-хра*, *-ихра*,²⁵ а не *-ерха*, как в мордовских местах. Необходимо подчеркнуть, что озерные наименования с «формантом» *-р-*, *-хр-*, *-рх-* и тому подобными служат наиболее верной приметой былого обитания на данной территории финно-угорских племен.

Даже в таких случаях, когда *р*-овый «формант» связан с названием реки, можно быть уверенным, что в основе лежит имя озера.

Иногда это удастся обнаружить далеко не сразу. Так, например, в Заволочье имеется река (а не озеро) Оногра, известная по актам около 300 лет; однако в одном из этих актов²⁶ читаем: «исстари де реки Оногры не было, только де было озеро Оногро и проток, а не в давных де годах то озеро протоком вешними водами размыло и учинилась река Оногра»; этот пример, как и ряд других аналогичных, показывает большую надежность *р*-ового оформления.

Заметим, что возможны все же и отдельные исключения. Так, например, название реки Свирь (в древних актах Сверх) происходит не от прибалтийско-финского названия типа *Syvä-järgvi* («Глубокое озеро»), а от слова,

---

²⁵ Известны по писцовым книгам озера Кочихра, Ламхра, Сезехра, Конхра и многие другие. Немало подобных озерных названий — преимущественно по Оке, Клязьме и их притокам — сохранилось до наших дней.

²⁶ Сборник грамот Коллегии экономики, II. Пгр., 1922, столб. 239.

отраженного в финском-суоми *syvä* 'глубина'. Мы знаем это по той причине, что живущие вблизи Свири до сих пор прибалтийские финны (вепсы) называют ее именно последним обозначением ввиду большой глубины реки («Сюверь»).

«Свирь», однако, является действительно редким исключением, когда *p*-овый формант происходит не из слова типа финского *järvi* 'озеро'.

Даже в таких случаях, когда имеем такие названия Южной Прибалтики, как озерные имена Angern, Kangern и т. п., где находим будто бы надежное объяснение из немецких данных,²⁷ подробное исследование показывает, что немецкие завоеватели в XIII в. застали эти названия в их оригинальной прибалтийско-финской форме: Anjerwe, Kanjerwe, откуда с помощью народной этимологии получилось Angern и Kangern. Все это можно установить лишь с помощью изучения древнего актового материала, без которого топонимист в местах с разноязычным населением часто совершенно беспомощен.

3. Наконец, очень большое распространение на Севере и Северо-Востоке имеет окончание озерных названий на *-то*, *-ты*, *-тур* и т. п.; оно является отражением таких слов финно-угорских и самодийских языков, как коми и удмуртское *ты* 'озеро', ненецкое *то* 'озеро' и другие соответствующие данные — мансийские, хантыйские и пр. При этом следует заметить, что других, кроме финно-угорских, самодийских, славянских (русских) и балтийских (литво-латышских)²⁸ озерных названий, во всей

---

²⁷ Немецкое *Anger* 'луг', 'выгон', прибалтийско-немецкое *Kanger* 'куча камней' (эстонское *kanger*).

²⁸ Балтийские озерные названия имеют окончания, родственные русскому слову «озеро» (древнее «езеро»), — литовские на *-езерас*, аналогичные латышские и др.

северной (лесной и тундровой) полосе не обнаруживается.

Некоторые немецкие или кажущиеся таковыми озерные наименования Прибалтики являются сравнительно поздними переделками ливских и эстонских названий.²⁹

На востоке лесной полосы имеется некоторое число тюркских озерных имен, также позднейшего происхождения, связанного с продвижением групп булгар, татар, башкир и других тюркских народов из более южных степных областей.

Краткие сведения о некоторых озерных и речных «формантах» северной лесной полосы, здесь изложенные, говорят нам о том, что одним из первичных приемов топонимического исследования может и должно явиться рассмотрение названий, обладающих тем или иным «формантом».

Однако, во-первых, не следует думать, что всегда и всюду эти «форманты» (например, «речные суффиксы») имеют единое происхождение.

Не следует также торопиться с признанием за каким-либо «формантом» смыслового значения: «река», «вода» и т. п. Напротив, это бывает сравнительно только в очень редких случаях.

Нельзя приписывать также «формантам» таким, как *-ва*, *-нга*, *-ма*, *-ша*, общности и единства происхождения на значительных протяжениях.

В действительности, это звуки *в*, *н*, *м*, *ш*, которые могут явиться совершенно независимо и в разной роли во многих языках, создавая, однако, призрак некоего «единства» топонимики, мнимую общность происхождения из единого будто бы древнего языка.

---

²⁹ Обычная передача этих названий в немецких (орденских и др.) источниках Прибалтики содержит озерные «форманты» *-ern*, *-er* и т. п.

Таким путем можно дойти до совершенно абсурдных выводов; поэтому изучение «формантов» может считаться лишь элементарным начальным приемом топонимики, после чего наступает действительное изучение названий с помощью привлечения исторического материала, который почти для любой местности СССР очень велик, а часто и достаточно древен.

Следовательно, собственно «метода формантов» в настоящем научном топонимическом исследовании не существует и существовать не может, — это просто есть первоначальное вспомогательное средство при пробах изучения массовых явлений.³⁰

Использование двуязычных (переводных) географических имен

Гораздо более существенным и точным является способ отыскания двойных (двуязычных, переводных) географических имен. Таких имен имеется достаточно, и каждое такое двуязычное название обычно сразу проливает яркий свет и на целый ряд окружающих имен.

Чтобы понять сущность этого рода явлений, надо обратиться сначала к простейшим примерам переводных (двойных) имен, которых находим значительное число

---

³⁰ Нередко мы получаем здесь ценную основу для дальнейшего исследования; так, например, большое число западносибирских речек на *-зас*, *-зес*, *-чес*, *-тет* и тому подобных обращает на себя внимание как массовое явление. Они разбросаны довольно широко (полосами), но после тщательного лингвистического и исторического исследования оказываются принадлежащими одной языковой группе (кето-коттско-арино-ассанской), в настоящее время почти исчезнувшей, но ранее довольно многочисленной. Толчком в установлении этого интересного факта является массовый подбор речных названий с одинаковым или близким оформлением. К сожалению, таких случаев мало; в большинстве мы имеем дело с «псевдоформантами».

в писцовых книгах, разных грамотах, списках населенных мест и других источниках.³¹

Возьмем, например, писцовую книгу 1500 г. по Вотской пятине Новгорода Великого, составленную московскими писцами. Здесь находим такое название деревни, как «Вагвоярва на Крепком озере»;³² название, таким образом, двойное: карельско-русское, причем карело-финское *vahva-järvi* (Вагвоярва) означает «крепкое озеро». Здесь, конечно, смысл этого «переводного» названия угадывается легко благодаря тому, что оба участвующие в нем языка — русский и карельский — нам хорошо известны, а они-то и действовали в данном случае. В писцовых книгах там и тут рассыпан целый ряд подобных двойных переводных имен: Сиголакша на Свиной лахте, Равдолакша на Железной лахте и т. д.

При этом *лакша* есть русская передача карельского *лакши* 'бухта', 'залив', 'губа' только для географических собственных имен, а *лахта* — слово, заимствованное из какого-то другого прибалтийско-финского языка (но не карельского), соответствующее финскому-суоми *lahti* (суоми *lahti* и карельское *лакши* — одно и то же по происхождению и смыслу слово). Основы *сиго-* и *равдо-* суть

---

³¹ В сороковых годах прошлого века экспедиция Э. К. Гофмана и Н. И. Стражевского обследовала Северный Урал. Вот что пишет один из участников этой экспедиции прапорщик Д. Юрьев: «От вершины Вишеры и до деревни Усть-Ульсуя все... реки, речки, скалы, горы и пр., кроме русского названия, имеют еще другое, вогульское имя. Даже самое колена реки (плесы) на всем протяжении имеют двойные имена, из коих некоторые соответствуют одно другому в переводе, некоторые же произвольные» (Д. Юрьев. Топографическое описание Северного Урала и рек его обоих склонов. Зап. имп. Русского географического общества, кн. VI, СПб., 1862, стр. 265—382).

³² Вагвоярва находилась в Сердовольском погосте Вотской пятины.

русские переделки соответственных карельских слов, обозначающих «свинья» и «железо».

Таким же образом, в писцовой книге Обонежской пятины мы находим такие слова: «на Медвежье наволоке слово на Конде-наволоке». Здесь опять совершенно ясно, что нерусская часть названия должна явиться переводом русской, — и это так и есть; только мы не вполне уверены в том, что это название карельское и «конде» соответствует карельскому *кондый* 'медведь', так как возможно, что имеем дело с вепским названием, а у вепсов название медведя звучит почти так же, как у карел.³³ Разумеется, -е в «Конде-наволоке» — следы русской попытки склонять по-своему прибалтийско-финское слово (карельское *кондый*, финское *kontio* и т. д.).

Так или иначе, данное название является прибалтийско-финским по своему коренному происхождению, переведенным на русский язык. Заметим, что из второй половины названия «-наволока» ясно, что это одно из тех географических имен, которые в прибалтийско-финском оригинале имели окончание, соответствующее эстонскому *neet*, финскому-суоми *niemi*, вепскому *net'*,³⁴ что зна-

---

³³ Точно так же, найдя в писцовой книге Обонежской пятины (Никольский Шунгский погост) слова: «на Осинове в Хабнаволоке», мы можем утверждать прибалтийско-финское происхождение этого переводного имени (финское-суоми *haara*, вепское *hab* 'осина' и т. д.). Однако с уверенностью сказать, что это именно вепское наименование, мы не в состоянии, так как здесь были и другие близкие виды «чуждой» речи, ныне уже исчезнувшие по причине обрусения носителей этих угасших разновидностей прибалтийско-финских языков.

³⁴ Очень часто эти прибалтийско-финские обозначения мыса, наволока, пожни не переводятся, а передаются русскими в форме -мень, -немь, -мина, -нима и т. п. С такими окончаниями произведено множество названий наволоков в северных областях. По новейшим сборам Г. Я. Симиной на Пинеге (Архангельская область), имеются подобные имена в большом числе: Касконемь,

чит «полуостров», «коса», «мыс», часто «пожня», «наволоок».

Переводных названий в различных источниках много. Иногда в них бывают неточности и ошибки писцов, но чаще всего восстановить правильную передачу легко. Так, в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. находим следующее место: «на Воронье поле словоет в Варишпалды». Первая половина нерусского названия *Вариш* означает «ворона» (и «воронье» — одинаково), но вместо *-палды* должно стоять *-пелды*, так что в целом это название точно передано русским переводом «воронье поле».

Заметим, что это место в писцовой книге, как и вышеуказанное «на Конде-наволоке», относится к Водлозерскому погосту Обонежской пятины, где жила какая-то группа «чуди», как величают древнее здешнее население различные источники, вплоть до XIX в.

Иными словами, мы имеем здесь дело с каким-то прибалтийско-финским («чудским») языком, в настоящее время не существующим, так как уже в «Списках населенных мест» прошлого века указано, что тут проживает только «обруселая чудь».

Мы можем, таким образом, на основании топонимических данных (переводных названий) восстановить часть лексики исчезнувшего наречия Водлозерской чуди (*вариш* 'ворона' и т. д.). Оказывается, между прочим, что это был особый диалект (или даже язык), отличный от всех видов существующей ныне прибалтийско-финской речи, т. е. от вепсской, карельской и т. п., в том

Пиринемь, Шотомень, Шардонемь, Чухчеменя, Шиднема, Шулломень, Калтомень, Кузомень, Лухтомень, Луднема, Хатромень, Хотомемя, Циломень, Турмена (Турнема) и ряд других. В подавляющем числе случаев можно ручаться за их вепсское происхождение.

числе и от финской-суоми (там было бы *varis-pelto* 'воронье поле').

Таким образом, с помощью переводных названий топонимическое исследование оказывается в состоянии даже восстанавливать отдельные элементы исчезнувших языков и диалектов.

Если использовать этот прием в соединении с изучением массовых явлений, то нередко можно рассчитывать на значительные результаты.

Приведем пример определения смысла географического названия с помощью перевода, установленного на основе изучения массовых явлений. В тех землях Владимиро-Суздальской Руси, которые, согласно летописным источникам, служили местообитанием древней мери, мы находим целый ряд названий населенных пунктов следующего типа: Яхнобол на реке Яхне, Толгобол на реке Толге, Пезобал на реке Пезе Шухобал на Шуге и т. д. и т. п. Это — явление массовое.

Но вот среди этих непонятных наименований появляется одно с русским, переводным названием речки: Кибол на реке Каменке. Отсюда ясно, что *ки* должно соответствовать русскому слову «камень». Это показывает, что мерянский язык (или, вероятнее, языки) принадлежал, как и следовало ожидать, к финно-угорской группе, так как мерянское *ки* 'камень' есть несомненное соответствие финскому *kivi* 'камень' и тому подобным финно-угорским данным.

Вероятнее всего, мерянское название камня совпадало с финским *kive-* (им. п. *kivi*), так как «киви» в географических названиях обычно упрощается в «ки»; примеров этого рода достаточно в топонимике разных мест: «Ки-наволок или Каменной» — в Карелии — вместо «Киви-», «Киснемское каменье» на Белоозере и ряд других.

Мы даже встречаем такие названия, как имя одной речки Белозерского края, известное с XV в. и в разных источниках передаваемое различным образом: Кивуй, Кивой, Киуй и пр. Между тем это название есть передача вепсского *Kivioja* 'Каменная речка', 'Каменный ручей' (собственно, «речка Каменка»). Поэтому, вероятно, и «Кибол» было первоначально что-то вроде «Кивбол» или «Кивибол». Как бы то ни было, этот факт, как и многие другие аналогичные, определенно указывает на принадлежность мери по языку к финно-угорской группе.

Таким же образом можно установить ряд других слов языка мери, причем большую помощь оказывает также местный диалектный словарь здешних русских говоров, поглотивших в состав своей лексики некоторые мерянские элементы. Оказывается, между прочим, что мерянский язык имел ярко выраженные финно-угорские черты, но отличался весьма значительно от всех ныне известных языков этого склада.³⁵

Переводных названий очень много и в позднейших источниках — в «Списках населенных мест», — особенно в тех местах, где живут до сих пор рядом карелы и русские, русские и мордва и т. д. Например, в Олонецкой губернии прошлого века (теперь Карельская АССР) мы находим среди многих других переводных имен такое: Туливара или Ветреная Гора при горе Тули.

Разумеется, данный источник не отражает в точности карельского оригинала, который должен был бы звучать как «Туули-ваара», так как в нем *у* в *Тули* и первое *а* в *-вара* являются долгими звуками; эта долгота обычно русскими источниками не передается, за редчайшими исключениями. Карело-финское *Туули-ваара* действительно

---

³⁵ И приближался, в частности, к саамскому во многих отношениях.

означает «ветренная гора», так что мы имеем типичное переводное название.³⁶

Подобных переводных наименований в «Списках населенных мест» многие десятки.

Несмотря на неточности в передаче и прямые опечатки, подлинный смысл таких названий обычно легко устанавливается, за исключением некоторых отдельных случаев, требующих большего труда, так как они связаны с личными (собственными) именами. Так, например, очень трудно было бы разгадать такое географическое название Карелии, как Топойниemi или Степанов наволоок, — даже при том условии, что мы знаем и карельскую форму (Топой-ниemi, т. е. «Топой-наволоок»), и русскую (Степанов наволоок).

Для полноты разгадки необходимо знать еще и то обстоятельство, что «Топой» есть правильная карельская передача имени Степан.

Точно так же и в другие географические названия этого рода часто входят разные личные имена в своеобразных местных формах, принадлежащих тому или другому языку, бытующему или бытовавшему на данной территории.

Это явление иногда затрудняет понимание даже переводных названий, не говоря о тех, которые лишены перевода (об этом говорилось уже ранее).³⁷

Мы рассмотрели несколько примеров переводных имен из тех местностей (например, Карелия), где такие имена

---

³⁶ Карело-финское: *tuuli* 'ветер', *vaara* 'гора'. Стоит отметить то обстоятельство, что без долгот получаются слова: *tuli* 'огонь', *vaaga* 'запас', 'имущество', что совершенно изменяет смысл сложения Тули-вара; если бы не имели параллельного русского названия Ветренная Гора, можно было бы неверно понять это географическое имя.

³⁷ См. некоторые примеры главы I (особенно «Мишвань»).

истолковываются прямо из языка древнего населения, до сих пор там обитающего или жившего еще совсем недавно.

Иногда дело обстоит иначе, в том смысле, что мы имеем дело с двойным названием, которое является переводным — с русской второй частью, — тогда как нерусская первая часть названия принадлежит какому-то языку, ныне уже исчезнувшему. В сущности один почти такой пример мы уже видели (Кибол на Каменке), но там характер его был все же несколько иной.

Мы рассмотрим образец, взятый из яренских писцовых книг начала XVII в. Большая часть топонимического материала, здесь содержащегося, объясняется прямо и непосредственно из языка коми, что исторически вполне естественно ввиду того, что коми частично живут здесь и до сих пор.

Однако наряду с коми (а также русскими) наименованиями нередки и совершенно иные географические имена, имеющие по виду скорее всего прибалтийско-финский или саамский (лопарский) общий облик. В частности, имеются в достаточном числе и названия на *-ла* (населенные места), столь свойственные Карелии, Финляндии, Эстонии.

Среди них мы и находим двойное название древнего погоста Отла-Новинки. Это название имеет характер переводного названия, — остается найти язык, в котором корень *от-* означал бы «новый». Естественно в соответствии с географическим положением искать этот язык среди финно-угорских языков.

Здесь мы немедленно находим финское *uusi* (основа: *uute-*), саамское (кольское) *odd*, *ott*, мордовское *od* 'новый' и ряд других подобных данных, принадлежащих именно финно-угорским языкам.

Однако в коми языке, принадлежащем тоже к финно-угорской группе, «новый» звучит совершенно иначе: *вьль*, да и «местный суффикс» *-ла* в Отла является несвойственным коми языку. Таким образом, можно сказать, что название Отла (Новинки) принадлежит какому-то неизвестному ныне финно-угорскому языку, наиболее близкому по своим данным к теперешним западнофинским (прибалтийско-финским и саамским) отделам языков этой группы. Большого сказать здесь нельзя; более подробное обследование всей совокупности местных имен Яренского края показывает, что в прошлом здесь бывало несколько финно-угорских языков, из которых один являлся близким родственником современных нам саамских (лопарских) диалектов Кольского полуострова. Кроме того, здесь побывали и достаточно заметные по численности носители прибалтийско-финской речи, близкой к вепсской.³⁸

Однако многие детали в отношении истолкования некоторых местных названий Яренского края от нас ускользают.

Только при тщательном изучении купчих, межевых и прочих документов мы можем нередко дать точное истолкование того или другого названия. Если мы в одном из таких старинных документов Яренского края натываемся на слова «Купил пожню, а по-перемски (т. е. на языке коми) Сенкавиз», то это «полупереводное» название сразу становится ясным: окончание *-виз* и значит «пожня»,

---

³⁸ Крупный финно-угровед чл.-корр. Академии наук СССР Д. В. Бубрих с полным основанием утверждал, что здесь на Севере были широко распространены отдельные поселения веси (древних вепсов) — народа прибалтийско-финского происхождения, хорошо известного по сообщениям арабских путешественников VIII—X вв. и русской Начальной летописи. Были, однако, и карелы, как и другие прибалтийско-финские группы.

«луг», «покос», «сенокос»,³⁹ а Сенка есть просто личное имя, уменьшительное от Семен (Сенька, старинное Сенка).⁴⁰ Без наличия таких переводных или полупереводных⁴¹ сведений было бы крайне трудно понять и убедительно разъяснить многие названия, в том числе и Сенкавиз.

На самом деле это «скрещенное» название, составленное из русского имени, усвоенного коми языком, и коренного слова коми языка *видз* 'пожня'. Впрочем, это не древнее скрещение, представляющее несколько иной тип по сравнению со скрещениями слов с одним и тем же значением, принадлежащих разным языкам.

Рассмотрим еще два примера полуперевода, связанного с массовостью названий соответствующего типа, — один для северной (лесной), другой для южной (степной) полосы. Речь идет о названиях гор. Сначала разберем вопрос о происхождении названия Колмогоры, относящегося к Архангельскому северу и хорошо известного по целому ряду древних источников.⁴² Существуют попытки объяснения этого географического имени, исходящие из предположения, что данное название целиком прибалтийско-финское, так что окончание *-горы* будто бы только приспособлено к данным русского языка, представляя

---

³⁹ Коми *видз* 'пожня', 'покос'.

⁴⁰ Таким образом, все название значит «Сенькина пожня».

⁴¹ Полупереводных имен встречается также значительное количество. Кроме того, топонимист часто имеет дело с так называемыми кальками, когда название, принадлежащее исчезнувшему языку, полностью и совершенно точно передается по смыслу языком пришельцев, являясь, таким образом, семантическим слепком с древнего географического имени. Бывают и скрещения разных типов и различных времен, составленные из слов двух (а то и более) языков.

⁴² Название Колмогоры обычно пишется позже Холмогоры (в письменных источниках XVIII—XIX вв.) под влиянием русской «народной этимологии».

в действительности прямое отражение финского *kari* 'риф', 'подводный камень', 'мель'.

Мнение это, однако, не может быть признано верным. Дело в том, что мы в таком же крае имеем целый ряд аналогичных названий, таких как Пильегоры, Матигоры, Равдогоры и т. п.; при этом данный тип массовых названий связан не с подводными камнями, а с небольшими возвышенностями (-горы). Однако само по себе это обстоятельство было бы еще не вполне доказательным.

Решающим является наличие среди этих однотипных имен двойных — полупереводных и переводных экземпляров: Шоговара или Шогогора, упоминавшаяся уже карельская Туливара или Ветренная гора, Шаровары или гора Шари, Келлогоры — Келловарака и т. д.

Имеются среди названий этого рода и такие, как Железная гора, что точно соответствует финским названиям *Rauta-vaara* (*rauta* 'железо', *vaara* 'гора') и полупереводному Северодвинскому Равдогоры, где *Равдо-* (в других случаях *Ровдо-*) правильно отражает финское *rauta* 'железо'.⁴³ Таким образом, во всех указанных случаях русское -горы означает точное соответствие прибалтийско-финскому (или параллельному лопарскому) слову, обозначающему «гора» (финское *vaara*, карельское *vaara*, лопарское *varrä*, *varрь*, *варек* и т. п.).⁴⁴

Данный пример представляет наглядный образец сочетания пользования переводными названиями в соеди-

---

⁴³ Быть может, название Ровдогоры возникло через личное имя прибалтийско-финского происхождения или лопарского (Ровда, начало XIV в.).

⁴⁴ Таким образом, конечно, истолковывается только вторая часть названия, т. е. -горы. Первая часть (*Колмо-*) является прямым отражением прибалтийско-финского слова, соответствующего финскому *kalma* 'смерть' (*kalmisto* 'кладбище'), с первоначальным значением «могила» (мордовское *калма*, *калмо* 'могила', *калмот* 'кладбище', 'могилы' и т. д.).

нении с приемами, основанными на массовом характере явлений. Тот же примерно принцип лежит и в основе изучения нижеследующего примера, относящегося к южной, степной полосе и касающегося тоже названий гор.

Именно, на огромном протяжении (от Средней Азии до степей Украины) мы имеем здесь обозначения гор, в русской передаче оканчивающиеся на *-това* (гора), *-товые* (горы); так, в памятнике начала XVII в. — «Книге Большому Чертежу» — мы находим: «Жестовые горы» на Осколе, «Карачатова гора» в Средней Азии, «гора Улутова» в Сибири, «Аралтова гора» (Южный Урал).

Нетрудно догадаться, что это *това* представляет тюркское *тау* 'гора', имеющееся с этим значением почти во всех тюркских языках (в некоторых из них это же слово имеет значение «лес»). Подобное предварительное заключение можно сделать уже на основании того, что такие названия достаточно часты, представляют явление массовое и соответствуют характеру обозначаемых ими объектов.

Однако вне всякого сомнения оказывается это весьма вероятное предположение только после того, как мы обнаруживаем ряд переводных имен этого рода.

Так, в той же «Книге Большому Чертежу» мы читаем прямое указание подобного рода: «гора Улутова, по нашему Великая гора, а в ней олово»; и действительно, тюркское *улутау* означает буквально «великая гора».

Точно так же «Аралтова гора» соответствует тюрко-татарскому *арал-тау*, т. е. «островная гора» (*арал* 'остров', *тау* 'гора');⁴⁵ Зилантова гора (около Казани) означает «змеиная гора» и т. д.

⁴⁵ Отсюда название Урала (Урал-тау, из более раннего Арал-тау).

Все эти примеры учат нас сочетать изучение массовых, повторяющихся явлений с изучением тех переводных (двойных) географических имен, которые дают точные доказательства догадкам, без того являющимся лишь в той или иной степени вероятными, но далеко не всегда бесспорными.

Отражение географических условий в топонимике

Наконец, при окончательной обработке топонимического материала и объяснения значения того или другого географического наименования всегда и всюду, где это только возможно, надо принимать во внимание, как уже говорилось в главе I,⁴⁶ реальные географические особенности тех объектов, названия которых исследуются. Разумеется, если в основе названия лежит личное имя человека или какое-либо другое слово, не имеющее прямого отношения к характеристике озера, камня, леса, а только определяющее связь данного объекта с человеческим обществом или его отдельными представителями, то привлечение географического описания местности мало поможет топонимисту в достижении его целей.

Такие названия, как остров Владычен, Десятинный лес, Борисовы камни, Борисова грива, Княжой Бор, Боярщина, Смердий кут, Изорники, Твердять, Житобуж, Воегоще, Нежatina Нива, Рославль, Рогнедино, Павлово, Попова гора, Борисоглебск, Бубново, Мишнево, Мишагино и тому подобные, либо слабо характеризуют природные свойства местности, либо совсем ничего не говорят об этих свойствах. Другое дело те названия, которые отмечают наиболее яркие, бросающиеся в глаза характери-

---

⁴⁶ Ср. глава I, пример «Поникля» и ряд других (Узмень, Мещоки и пр.).

стики каких-либо природных или иных данных местного ландшафта: Каменистик, Гладкий лог, Гороваха, Узмень, Костёнки, Крутые валы, Поникля, Мещоки (Межтоки), Крутовраг, Горка, город Остров, озеро Каменно, Езерище, речка Песчанка и т. п.

Даже для русских названий эти характерные «землеописательные» или «водоописательные» данные часто весьма поучительны в том или ином смысле.

Нередко, как мы видели, самый смысл названия становится полностью ясен лишь при ознакомлении с описанием соответствующей местности или при знакомстве с самой местностью в натуре (Узмень, Поникля и пр.), и это даже при чисто русских названиях мест.

Что касается нерусских географических имен, при которых нет переводов и которые не так часто встречаются, так как не представляют массовых явлений, то в этих случаях знание географических характеристик местности иногда доставляет единственную возможность для обоснованного и точного толкования рассматриваемых местных названий.

Элементарным примером подобного рода является название одной реки Кольского полуострова — Нíва.

По своему звучанию в русской передаче оно может ввести в заблуждение, будучи сопоставлено с русским *нива*, либо подвергаясь расчленению в виде Ни-ва, где *-ва* может быть на первый взгляд истолковано как «вода», например из коми языка, так как коми обитают на Кольском полуострове, хотя и являются там поздними пришельцами.

Однако совершенно ясно, что русское *нива* никак не может быть применено к этой реке, и данное обстоятельство нет надобности даже и обосновывать ввиду его полной очевидности.

Также нет надобности и прибегать к объяснению из коми языка, так как данное название реки (Нива) полностью ясно, если исходить из речи саамов — коренных обитателей этого края с незапамятных времен. При этом такое объяснение является безупречным и единственно возможным ввиду ярко выраженного характера реки Нивы, ее чрезвычайной порожистости и быстроты течения, что и отражено в названии «Нива», означающем (*nivo, njave* и т. п.) в саамских диалектах, а также в финском языке (*niva*) «быстрина, быстрое место в реке, порог, маленький водопад».

Заметим, что финское-суоми *niva* распространено только в северных говорах финского языка и вошло сюда из лопарских (саамских) данных.⁴⁷ Это же слово вошло из саамского (Кольского) языка и в русские говоры местного края⁴⁸ с тем же значением («небольшой водопад»). Из всех этих данных совершенно очевидно, что мы имеем дело с названием (Нива), возникшим из лексики саамского языка, а не русского или коми, причем характеристика географического объекта является необыкновенно точной, строго соответствующей природным данным реки, которые местному обитателю было необходимо отметить выразительным обозначением.

---

⁴⁷ См.: Y. N. Toivonen, E. Itkonen, A. I. Joki. Suomen kielen etymologinen sanakirja, II. Helsinki, 1958, pp. 387—388 (Этимологический словарь финского языка). — Топонимисту необходимо знакомиться с этимологическими словарями тех языков, которые соприкасаются с его исследованиями.

⁴⁸ См.: Словарь областного Архангельского наречия. Сост. А. Подвысоцкий. СПб., 1885, стр. 102. — Подобные областные (диалектные) словари топонимисту всегда необходимо тщательно изучать, знакомясь с местной «топографической» лексикой — и не только с «топографической», а и со всем собранием областных слов данного края.

Обработка топонимического материала археологом и историком

Использование топонимики археологом может идти в различных направлениях. Первое, наиболее элементарное из возможных применений топонимики в этом отношении состоит просто в определении и нанесении на карту всех важных для археолога названий такого рода, как Писанцы, Писаная речка, Селище, Городище, Сопки, Могилы, Городок, Городец и т. п., если говорить только о русских названиях. Что касается других — неславянских — имен этого рода, то их на территории СССР великое множество.

Так, древние городища в разных местах носят названия: ⁴⁹ *кар* (удмуртское), *ош панда* (мордовское), *керменчик*, или *герменчик* (тюркское), *пилс*, *пилис* (литовско-латышское) и т. п.

Названия могильников в северной полосе связаны обычно с весьма распространенным финно-угорским корнем, соответствующим эстонскому *kalm* 'могила', 'курган', *kalmistu* 'кладбище', 'могильник', финскому *kalma* 'смерть', *kalmisto* 'кладбище', мордовскому *калма*, *калмо* 'могила' и т. п. В русской передаче соответствующие географические имена звучат как Колмово, Коломцы, Коломец, Колмогоры, Коломна и пр.

Надо только выделять здесь позднейшие вторичные образования, когда, например, название «Коломенское кладбище» возникает как производное от названия церковного прихода, а последнее — от названия иконы, находившейся в городе Коломне (под Москвой).

---

⁴⁹ В большинстве случаев эти обозначения являются окончаниями географических названий, например удмуртские: Сепычкар, Эбга-кар и т. п.

Вообще же большинство названий на Колм-, Колом- — древние и иногда относятся к неолитическим могильникам.

В общем, можно посоветовать каждому археологу, работающему там, где бытовал или бытует не только русский язык, внимательно изучить всю иноязычную топонимику края и выделить то, что может определять объекты, интересные для археологического исследования. Русская топонимика обычно более позднего происхождения нередко не отражает всех данных этого рода.

Однако археолог и историк часто интересуются не только теми названиями, которые характеризуют возможные объекты исследования с точки зрения истории материальной культуры.

Очень часто возникают вопросы об этнической принадлежности остатков этой культуры, что связано с применением топонимики в этом направлении. Топонимика может оказать здесь большую помощь — при условии разумной осторожности и надлежащего привлечения всех нужных подсобных материалов, о чем уже говорилось здесь неоднократно. Чаще всего, как уже указывалось, привлекают для решения этих вопросов географические имена «этнонимического» характера, т. е. происшедшие от наименований племен (или родов). Однако весьма нередко этими названиями чрезмерно злоупотребляют. Один историк второй половины прошлого века, например, считал происшедшими от имени летописной мери такие названия, как Мериново, Мерзляково, Мерцалово и десятки других, не имевших к мери ни малейшего отношения. В результате меря оказалась повсюду, где только он мог разыскать воображаемый «единый корень» *мер* — в географических названиях самого различного происхождения, возникших, как правило, лет через 500—700 после того, как исчезла меря.

Примеров подобного произвольного истолкования географических «этнонимических» данных можно привести очень много.

Таким же образом надо очень осторожно отбирать и всесторонне изучать названия: Литва, Литовники, Литвиново, Латыгора, некоторые из которых достаточно древни, а другие нередко совсем недавнего (вторичного) происхождения.

Очень трудно выделить названия, происходящие от коротких племенных имен: русь, весь, емь и т. п., особенно если они внешне совпадают с другими словами; например, можно найти целый ряд названий таких, как Весь, Весь за ручьем и т. д., но все это к племени Весь обычно не имеет отношения, представляя общеславянское слово, означающее «селение», «*vicus*».

Только отдельные географические названия этнонимического характера, вообще говоря, достаточно надежны, и спутать их с чем-нибудь другим трудно. Это те названия, которые достаточно сложны и не имеют случайных созвучий в русском языке. Сюда относятся такие названия, как Болгары в Поволжье, Муром на Оке, Ижоры, Ижорская и тому подобные под Ленинградом (Ингерманландия, Ижорская земля) и некоторые другие, но их немного.

Даже к названиям типа Корельская, Корелово, Корелки следует относиться с большой осторожностью, каждый раз проверяя их древность, так как по крайней мере с XVI столетия начинаются «выходы» карел на Русь, принимающие после Столбовского мира массовый характер, причем из мест поселения в Замосковном крае карелы дали ряд отпочкований в разные места, вплоть до Калужской и Смоленской областей.

Точно так же, встретив название речки или селения Буртас, не следует думать, что здесь жили издавна

древние буртасы⁵⁰ — тюркское племя, упоминаемое арабскими писателями VIII—X вв. в Поволжье. Известен ряд сведений о буртасах, показывающих их значительную подвижность и их частичный приход в области Мордвы в XVI в., после завоевания Казани Иваном Грозным. Только незнанием этого рода известий объясняется то обстоятельство, что некоторые археологи ошибочно считали буртасов мордовским племенем, исстари жившим в коренных мордовских землях; были даже попытки прямо отождествить тюрков-буртасов с мокшей (а то и с эрзей). Основой для таких ошибочных заключений послужил изолированный топонимический факт — наличие названий речки и селения Буртас в коренных мордовских землях, взятый вне всякой связи с историческими известиями и другими данными, в том числе и топонимическими, а они весьма многочисленны.

Если говорить о древнейшем времени восточноевропейского Севера — о неолите,⁵¹ — то, по-видимому, имеется возможность связать часть топонимических данных с местами стоянок неолитического времени, характеризующихся ямочно-гребенчатой керамикой и рыболовно-охотничьим бытом. Вся соответствующая топонимика носит ярко выраженный языковой характер финно-угорского склада.

Однако установление связи между отдельными местными неолитическими культурами определенного типа и

---

⁵⁰ Впрочем, самое имя буртасы спутать с каким-либо другим невозможно. Речь здесь идет только о том, что не надо путать более древние отражения имени Буртас с более новыми.

⁵¹ Здесь имеются и значительные следы палеолита, причем этих следов, разумеется, гораздо больше в действительности, чем найдено до сих пор. Однако связать палеолитические памятники с топонимикой окружающих мест — задача в настоящее время невыполнимая. Те представления, которые имел по этому поводу Н. Я. Марр, следует считать совершенно невероятными.

соответствующими топонимическими областями — задача очень трудная, которая при данном состоянии и археологического, и топонимического изучения Восточной Европы и Севера СССР вообще будет разрешена еще не скоро.

Есть основания для предположения, что область топонимических следов почти каждой древней племенной группы должна быть в той или иной степени смещена к северу, востоку или северо-востоку по сравнению с областью нахождения соответствующих материальных остатков неолитического времени.

Во всяком случае вопросы этого рода еще ждут разрешения. Здесь богатое поле будущей совместной деятельности археологов и топонимистов.

Имеются и такие топонимические средства, которые помогают историку и археологу найти следы деятельности отдельных исторических лиц или семей, различных социальных групп и т. п. Так, например, мы уже указывали на следы мордовского князя Пургаса в Мордовской АССР и названия, связанные с фамилией помещиков Пургосовых в разных областях СССР.

У древнего города древлян Искоростеня, как известно, следует искать могилу одного из первых русских (киевских) князей Игоря; соответствующие топонимические отпечатки существуют в виде рядом расположенных названий речек бассейна Ствиги: ⁵² Тризна (Красна) с притоком Игорев (ручей).

Эти названия совершенно прозрачны в свете известного летописного сообщения о той тризне, которую справила княгиня Ольга по своему мужу Игорю. Другим примером является Ольгова могила около Овруча, т. е. мо-

---

⁵² Ствига впадает в реку Припять, являющуюся правым притоком Днестра.

гила князя Олега Святославича, убитого своим братом Ярополком в 977 г.

Летописец говорит о сохранности этой могилы в его время (конец XI в. или начало XII в.); мы можем с тем же правом говорить: «есть могила его и до сего дне», так как эта высокая сопка стоит и сейчас и носит все то же имя,⁵³ несмотря на то что кости князя Олега были впоследствии вырыты и взяты отсюда.

Что касается отражения в топонимике деятельности отдельных семей или отдельных деятелей сравнительно позднего времени, то здесь существует значительная работа академика С. Б. Веселовского, относящаяся преимущественно к окрестностям Москвы: «Топонимика на службе у истории» (Исторические записки, 1945, № 17).

Необходимо лишь отметить, что С. Б. Веселовский совершенно напрасно поставил на один уровень замечательное исследование И. А. Бодуэна де Куртенэ — «О древнепольском языке до XIV столетия» (Лейпциг, 1870) — и чрезвычайно слабые топонимические работы А. И. Соболевского. С. Б. Веселовский прямо говорит, что его методика обработки сравнительно поздней топонимики покоится не на филологических основаниях, а на показаниях исторических документов, и это, действительно, дает ряд интересных частных сведений, которые могут осветить некоторые любопытные для историка вопросы.

Однако следует сказать, что при выходе за XIV—XV вв. вглубь — в большую древность — С. Б. Веселовский совершает ряд ошибок, против которых он ратует

---

⁵³ Акад. А. А. Шахматов неосновательно полагал, что после изъятия останков князя Олега из могилы в 1044 г. этот памятник перестал называться Ольговой могилой; на этом он основал одну из своих датировок при исследовании Начальной летописи. Это очевидная ошибка, могилой называлась самая насыпь, которая продолжает существовать до сих пор и носит все то же имя.

в начале статьи. Эти ошибки тем не менее можно считать второстепенными, так как они не относятся к основному содержанию работы, ограниченному по существу дела XIV—XV столетиями, т. е. временем, для которого по подмосковным местам имеется большое количество всевозможного актового материала.

Поэтому можно рекомендовать эту работу для ознакомления, например, с такими вопросами, как установление по топонимическим и актовым данным размеров владений различных боярских и дворянских семей: Вельяминовых, Кутузовых, Пушкиных, Белеутовых, Морозовых, Квашниных, Шереметевых, Плещеевых и т. д. Результаты этого рода, конечно, почти всегда приближительны, но нередко имеют значительный интерес для историка.

Историк может привлекать топонимические данные и в тех случаях, когда возникает сомнение в достоверности какого-либо летописного или иного известия.

Так, например, существуют известия некоторых поздних источников летописного типа о связи деятельности первого русского князя Рюрика с Карелией, не лишённые правдоподобия.

Так или иначе, топонимика указывает нам в переписной оброчной книге Вотской пятины 1500 г. озеро «Рюрикиярва на Немецком рубеже», т. е. на самой границе новгородских владений со шведскими; название это существовало, конечно, не одно столетие до 1500 г., что делает возможным видеть в этом топонимическом факте какое-то действительное отражение деятельности Рюрика в Карелии; во всяком случае это название заставляет задуматься над некоторыми, хотя бы и незначительными подробностями древнейшей русской истории.

Значительный интерес для историка и археолога представляет составление топонимических карт разного рода.

Можно наносить на карту, например, такие названия, которые связаны с древнеславянскими личными именами, с терминами «смерды», «сябры», «изорники», «погост», «слобода», «весь» и пр., с более поздними обозначениями, такими как «стрельцы», «пушкари», «ямщики» и т. д.

Интересны карты большого охвата, представляющие серии однотипных городищ железного века; во многих местах они как бы вытягиваются в определенные линии, отражая, по-видимому, какие-то направления торговых путей или линий защиты (вероятнее, впрочем, сочетание того и другого с естественными историко-географическими условиями).

Очень большой интерес для историка представляют также топонимические карты путей, установленные на основе выявления названий типа Волок, Волочек, Переволока и т. п. Сюда же идут «парные» реки, сходящиеся сравнительно близко верховьями (два Буга, две Кельтмы и т. п.), а также ряд других топонимических явлений (распределение названий Исады и т. п.).

Заканчивая на этом наши краткие указания на задачи, возможности и цели историко-топонимического исследования, на методы обработки соответствующего материала, еще раз повторим, что наилучшим из всех возможных способов исследования является тот, который представляет сочетание правильно понимаемых языковых приемов с исчерпывающим привлечением исторических материалов и учетом всех географических данных рассматриваемой территории и по возможности каждого объекта в отдельности.

В подавляющем большинстве случаев это вполне осуществимо, если не бояться длительного разбора нужных материалов, часто весьма кропотливого, но зато хорошо вознаграждающего за этот труд.

Г л а в а   III

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И НЕКОТОРЫЕ ИХ ПРИЛОЖЕНИЯ

Вводные замечания

Теперь в нашем распоряжении имеется уже достаточное число частных явлений и фактов топонимики. Кое-что мы имеем право обобщить, высказав эти обобщения в форме довольно определенных правил топонимического исследования, достаточно устойчивых для применения к материалу этого рода. Кроме того, здесь же можно изложить те общие положения, которые характеризуют топонимический материал как часть лексики того или другого языка, а также устанавливают основные способы передачи топонимики от языка к языку.

Мы не придаем особого значения порядку изложения этих общих положений, так как они играют только роль необходимых и равноценных правил, предохраняющих от прямых ошибок и позволяющих вести топонимическое исследование без того произвола, который, к сожалению, часто наблюдается в работах по топонимике.

Не следует, разумеется, возводить эти правила в разряд непреложных формальных законов, они указывают только основные пути работы над топонимическим материалом, а в подробностях в некоторых случаях могут быть отклонения, вызываемые состоянием материала в каком-либо отдельном конкретном примере.

В тех случаях, когда недостаточно наличного исторического материала, а филологические суждения проблематичны, так как неизвестен язык, которому принадлежит данная топонимика, лучше всего совсем воздержаться от преждевременных суждений, ожидая, пока найдется какое-либо разъясняющее обстоятельство, дающее ключ к решению задачи. Иногда такого случая приходится ждать годами, причем нередко разгадка приходит совершенно неожиданно.

Без этих дополнительных необходимых сведений никакие правила часто не дают возможности сделать решающий и достоверный, убедительный вывод по существу дела.

Особенно не следует полагаться на чисто филологические соображения, лишённые исторической подосновы и учета географических особенностей местности.

Крайне вредным является также доверие к будто бы «непогрешимым» фонетическим законам, по которым совершается переход названий из языка в язык.

В действительности во многих случаях эти законы нарушаются,¹ что легко можно обнаружить на основе изу-

---

¹ Мы говорим вовсе не о том, что во всех случаях наблюдается полный произвол в передаче фонетических данных топонимики из языка в язык, однако говорить, что вся топонимика по определенным «строгим» правилам переходит от одного народа к другому, совершенно невозможно. Всякого рода отклонений и искажений здесь всегда множество, особенно в неэтимологизирующейся части названий, связанной с патронимикой и этнонимикой. Вместе с тем и чисто фонетические показатели

чения большого актового материала, относящегося к разным территориям.

Вот как говорит один исследователь славянской топонимики Бранденбурга (Бранибора) — Е. Фидицин о передаче немецкими грамотами славянских географических имен IX—XIV вв.: гласные без всякой причины и повода превращаются в другие, носовые гласные обозначаются фальшиво, а то по большей части и совсем не отмечаются; твердые согласные употребляются вместо мягких, сильные вместо слабых и наоборот; тонкие различия в славянских шипящих звуках оставляются без всякого внимания или же отмечаются произвольно и без всякой последовательности: то так, то сяк; в слова вставляются или к ним приставляются неслыханные согласные и гласные, приделываются чужие окончания или же образуются латинские формы и т. д.

Подобные же явления наблюдаются и во многих других случаях, а не только в местах контакта славян и немцев.² Это и понятно, так как географические названия

имеют большое значение при определении языковых характеристик древней топонимики. Так, тюркские названия не могут начинаться на *р*, *л*, *н* и некоторые другие звуки, финно-угорские местные имена обнаруживают другие соответствующие особенности и т. д. Все это можно с успехом использовать при обработке материала; не надо только преувеличивать непогрешимость получаемых отсюда выводов.

² Даже при постепенной смене языков на данной территории и большой сохранности топонимической традиции очень трудно бывает объяснить изменения географических имен в плане обычных фонетических соответствий между языком исчезающим (субстратным) и побеждающим, воспринимающим чуждую топонимику языком. Даже если первый в течение долгих столетий без заметных скачков постепенно переходит во второй (например, в процессе романизации), то очень трудно без наличия достоверных письменных свидетельств восстановить древнюю форму названия по ее новому звучанию. Так, теперешние названия рек

для воспринимающего языка представляют материал чуждый и по большей части совершенно лишенный ясно осознаваемого смысла, кроме тех случаев, когда имеем дело с постепенным обрусением (или онемечением и т. п.) достаточно многочисленного местного населения, языку которого принадлежит древний слой здешней топонимики. Если же этого нет, то многие названия оказываются сильно деформированными.

Ошибочно в большинстве случаев ожидать также очень больших результатов от изучения «топоформантов».³ Об этом мы уже говорили, но необходимо еще раз подчеркнуть, что на надеждах этого рода основана большая часть топонимических ошибок.

В подавляющем большинстве примеров мы имеем такие области, где нет никакого действительного единообразия, никакой «формульности» в строении даже близких по смыслу названий. Если же такое единообразие в некоторых случаях более или менее и заметно, то оно в значительной мере есть результат действия языка, воспринимающего топонимику, а не языков, ее создавших.

Франции: Сена (французское Seine) получилось из галльского Секвана (в латинской передаче Sequana), Рона (французское Rhône) — из галльского (в латинской передаче Rhodanus) и другие таковы, что их древний вид времен Цезаря установить, конечно, было бы невозможно, если бы не существовало таких источников, как «Записки о галльской войне» Цезаря, сочинений Тацита, Диона Кассия и ряда других римских писателей. Во многих случаях дело бывает еще сложнее; впрочем, иногда мы видим, что древняя форма сохраняется достаточно хорошо, дойдя до нас почти неизменной.

³ Мы не хотим этим сказать, что такое изучение вовсе бесполезно. Однако к нему надо приступать не с первых же шагов, а предварительно изучив все необходимые исторические и прочие подсобные данные, чтобы не гадать и не доказывать недоказуемое.

Мы считаем не лишним напомнить здесь все эти необходимые предостерегающие замечания, которые носят характер предупреждения против излишних увлечений предвзятыми отвлеченными построениями и мнимыми теориями, приводящими к антиисторичным и несообразным с действительностью заключениям.

Топонимика не представляет собой ни полного произвола, ни строго выдержанной «системы», являясь на деле многообразным отражением реальной географической, исторической и языковой действительности во всех ее проявлениях, давая то сравнительно однотипные, то весьма пестрые по составу и характеру образцы местных имен, разобраться в массе которых можно только при условии широкого исторического ознакомления с фактическим материалом.

Поэтому излагаемые далее правила топонимики носят не характер непреложных законов, применимых всюду и всегда, а представляют полезные руководящие указания, позволяющие не теряться среди огромного и пестрого материала и научиться находить в нем твердые и надежные дорожки, ведущие к неоспоримым результатам.

Основные принципы формирования местных имен и важнейшие правила топонимического исследования

Могут быть высказаны теперь некоторые общие соображения о формировании и изменении географических имен и в связи с этим указаны достаточно широкие и охватывающие большой материал правила топонимического исследования.

1. Географические названия любой достаточно обширной территории образовались, как правило, не одновременно, а в разные времена, и ведут свое начало из различных языков.

Поэтому топонимика почти любого края является сложным историческим образованием, состоящим из пластов и слоев разной степени древности и различного языкового происхождения.

2. Если топонимика местности однородна по происхождению, это может указывать либо на заселение прежде пустынного края с древних времен именно тем народом, которому принадлежат здешние географические имена, либо на быстрое вытеснение и истребление прежних насельников, что ведет обычно к утере древней топонимики.

3. Если древняя топонимика в существенных частях сохранилась, а на нее наслоилась новая, это значит, что потомки прежнего населения живут здесь доньше, переменяв язык на иной, а иногда и сохранив свой — полностью или частично.⁴

Древняя топонимика является, таким образом, в подобных случаях субстратной; для ее понимания, если язык прежнего населения не сохранился вовсе, важно изучение других родственных языков, а также пережиточная (субстратная) лексика в языке теперешнего населения.

4. Древняя топонимика выдерживает без серьезных изменений только одну передачу от субстратной среды к воспринимающей при условии постепенного, длительного процесса и мирного характера этой передачи. Это объясняется тем, что первая передача названий в этих условиях осуществляется на такой основе, когда предста-

---

⁴ Это, впрочем, относится только к тем народам, которые не являются легко перемещающимися кочевниками; в последнем случае дело обстоит иначе — топонимические следы кочевников могут в значительной степени сохраниться, хотя их основная масса давно ушла из данной местности. Так обстоит дело, в частности, со многими тюркскими следами в южнорусских степях.

вители прежней языковой среды (субстратной) до последнего момента располагают этимологическими связями с материалом местной топонимики.

Поэтому и топонимика передается новой языковой среде без особо значительных изменений и искажений, если не считать те ошибки, которые вносятся сюда через посредство письменности в позднейшее время и нередко таким образом закрепляются.

5. Если население и его язык меняются вторично на данной территории, то топонимика в ее древнейшей части может подвергаться значительному разрушению и искажению, так как третий по счету язык на данной земле принимает от второго языка (субстрата) уже чуждую последнему топонимику, воспринятую от первого, древнейшего языка (субсубстрата).

Здесь уже нет прямых этимологических связей между материалами топонимики, принадлежащей первому по древности языку, и лексическими (как и морфологическими) данными второго языка, передающего эту «глухую» (или «немую»), лишенную для него смысла топонимику третьей лингвистической среде, окончательно воспринимающей совокупность местных имен края.

Могут быть и еще более сложные случаи; нет надобности говорить о том, что тогда дело еще более затруднено для исследования.

6. Топонимика края обычно обогащается и развивается с усовершенствованием форм хозяйства, с увеличением заселенности данной территории, с освоением пустых и полупустых земель.

Топонимика бродячего населения (рыболовов, охотников, собирателей) не всегда устойчива, что относится преимущественно к малым объектам в слабо заселенных местностях. Почти то же можно сказать о кочевом населении, склонном к большим сдвигам (см., однако, сноску 4).

Наиболее прочна топонимика оседлых народов, особенно относящаяся к крупным и значительным объектам.

Там, где существует непрерывная традиция оседлой жизни с древних времен, можно ожидать значительной сохранности древнейшей топонимики.

7. Топонимика в части названий мелких объектов вообще сравнительно малоустойчива; имена этого рода меняются нередко через 1—2 поколения, особенно в соответствии со сменой тех лиц, с деятельностью которых связаны этого рода названия.

Напротив, топонимика крупных объектов нередко (хотя и не во всех без исключения случаях) удивляет своей консервативностью. При этом надо отметить, однако, то обстоятельство, что крупные объекты (например, реки большого протяжения) носят обычно несколько разных названий одновременно (из разных языков). Так, Волга имеет еще мордовское имя Рав, засвидетельствованное исторически (Птолемей, II в. н. э.) почти две тысячи лет назад; она же имеет тюркские имена Адыль, Идель, Итиль и пр., тоже имеющие более чем тысячелетнюю историю, начиная с арабских средневековых сведений (VIII—X вв. н. э.) о хазарах и болгарях; кроме этого, марийцы называют Волгу своим именем Йул, Йыл, а они также живут в этих местах свыше тысячелетия по крайней мере (вероятно, гораздо долее).

8. На возникновение и изменение местных названий влияют географические обстоятельства, а именно — общий характер местности (лес, лесостепь, степь, озерные, горные области, речные долины, побережья морей и пр.) и различные природные качества того или другого отдельного местного объекта. Большую роль в образовании того или другого типа местных названий играет частая повторяемость одного и того же природного объекта с одинаковым характером.

Так, финские и карельские озерные названия с обычным окончанием *-ярви*, *-дярви* и т. п. (в русской передаче *-озеро*, *-езеро* и пр.) приобретают ярко выраженный характер благодаря массовости явлений (многочисленности озер), что связано с однообразным повторением однотипных наименований.

При этом оказывается невозможным опустить вторую часть названия, т. е. *ярви* (*озеро*), так как обычно определитель, составляющий первую часть названия, применяется и к реке, соединенной с данным озером. Так, финское Муста-йоки и Муста-ярви (Черная речка и Черное озеро) различаются только по второй части благодаря тому, что финно-угорские языки не имеют грамматических показателей рода.

В соединении с природным богатством озер и рек это дает огромное число сложных местных имен указанного типа, что, вообще говоря, не свойственно таким языкам, как, например, русский. Поэтому многочисленные полурусские названия озер Карелии на *-озеро*, *-езеро* являются только полупереводами.

Из сказанного видно, что воздействие природных данных на образование общих типов местных имен (*Ortsnamentypen*) надо изучать всегда в связи с особенностями тех языков, которым принадлежит топонимика края (см. в дальнейшем пункт 16).

9. Источниками возникновения местных имен являются, кроме характеристик природных данных объектов, производственные характеристики (что нередко связано с природными особенностями), а также обозначения собственности и принадлежности — племенной, родовой, личной, сословной, общественной и т. п.

Сравнительно редко мы имеем совершенно произвольные обозначения географических объектов придуманными именами.

Довольно часты случаи переноса названий при значительных потоках колонизации; в некоторых примерах (Америка) они играют большую роль, у нас же в СССР они не очень заметны, хотя их имеется довольно значительное число.

10. В историческое время большую роль в регистрации и закреплении, а нередко и в изменении географических имен играет письменность: межевые, судебные акты, акты наследования, писцовые и переписные книги и т. п.

Поэтому изучение топонимики влечет за собой необходимость изучения всего этого актового материала; это нередко является единственным источником для правильных суждений о возникновении и истории изменения географических имен.

Во всяком случае, это важнейший источник топонимического исследования; никакие отвлеченные филологические соображения, даже исходящие из правильных, в общем, предпосылок, не могут заменить обращения к фактическому материалу истории. Заметим еще раз, что в письменных актах одно и то же место (поместье, деревня, пустошь, починок и т. п.) может носить не одно, а несколько названий (от двух до пяти) в силу ряда причин (об этом говорилось ранее). Вообще в источниках отражены такие подробности истории местных имен, которых иными путями не обнаружишь.

Все это надо знать топонимисту, чтобы не гадать попусту, а опираться на достоверный фактический материал.

Еще раз подчеркнем, что актового материала, относящегося почти к любой местности, имеется огромное количество в центральных и местных архивах, а часто и в печатных изданиях.

Поэтому проследить документально точную историю большинства географических имен обычно возможно и даже не так трудно по крайней мере начиная

с XV—XVI вв.; большая часть названий населенных пунктов, пустошей, мелких ручьев и тому подобных в это время (с XV столетия) и возникла (очень древних значительно меньше).

Для таких областей, которые в свое время не входили в состав древней Руси, актов материал начинается позже (например, для Сибири — в XVII в., для Новороссии — в XVIII столетии).

Однако и здесь исторического материала обычно вполне достаточно для решения первоочередных топонимических задач.

11. При исследовании топонимики любого края следует ожидать, что значительная часть ее всегда остается разъясненной только в общих чертах, без особой детализации.

Причины этого кроются в неполноте наших знаний о древних языках, названиях племен, родов, а также о некоторых исчезнувших топографических и иных терминах, хотя бы принадлежащих к сохранившимся доньше языкам.

Кроме того, прозвища и имена даже относительно поздних времен, вплетаясь в географические названия часто со значительными сокращениями и искажениями, создают иногда большие препятствия для правильного истолкования топонимических данных.

В силу всех этих обстоятельств многие характеристики происхождения тех или других географических имен остаются достаточно общими.

Так, часто можно определенно сказать, что название (или группа названий) имеет тюркское (или, например, финно-угорское и т. п.) происхождение, но уточнить это определение во многих случаях не представляется возможным, т. е. нельзя определить, принадлежит ли название печенегам, половцам или какой-либо другой тюркской племенной группе.

Точно так же трудно бывает сказать, какому из прибалтийско-финских (или даже вообще финно-угорских) языков принадлежит первоначальная редакция того или иного названия, дошедшего до нас часто с большими переделками. Такие детали выясняются нередко с большим трудом.

Итак, значительная часть топонимики всегда остается не вполне разъясненной главным образом вследствие большого числа личных собственных имен (а также родовых и племенных), входящих в нее, и ряда других причин. Заметим, что в севернорусской топонимике, как правило, древнейшие названия все имеют финно-угорское или самодийское происхождение, хотя местами возможны и другие вкрапления («адстрат»), обычно очень слабые.

12. Главнейшими методами топонимической работы являются: изучение типов названий (предварительный прием), отыскание и изучение переводных названий, внимательное рассмотрение актового материала, относящегося к данной местности, писцовых книг, летописей, карт и пр. Необходимо изучение характера местности. Полезны и аналогии с топонимическими данными других областей, но увлекаться ими не следует.

Ни в коем случае не надо обращать слишком много внимания на разного рода «созвучия» — вроде Рос-Рус и т. п., что ведет, как правило, к разного рода нелепым заключениям. Только исторически и лингвистически обоснованные сближения этого рода можно считать достаточно убедительными. Топонимика вообще требует крайней осторожности в обращении с материалом; предвзятость, натяжки, произвольные домыслы здесь недопустимы.

13. При определении древнейших письменных форм какого-либо названия нельзя механически брать ту форму, которая исторически действительно попадает

в источниках впервые, но резко отличается от ныне существующего названия в его местной форме. Надо всегда в таких случаях проверить точность древнейшей письменной формы, имея в виду возможность искажений, особенно если она получена из источника не местного происхождения, писанного лицом иноязычным или даже просто говорящим на другом диалекте того же языка, но передающим достаточно далекое от него название географического пункта.

Действительно, здесь могут быть часто значительные различия в произношении и начертании одного и того же географического имени, порой внесенные в письменность случайно или на основе диалектных и языковых отличий. Заметим, что нередки случаи, когда дошедшее до нас название, на месте в живой речи сохраняет ту же форму, которая существовала уже много сот лет назад, тогда как в письменных источниках разной древности имеется много различных побочных форм, вызванных неполной осведомленностью писцов, их иной языковой или диалектной принадлежностью и т. п., не говоря уже о случайных явлениях.

Заметим, что и действительное первичное восприятие чуждого и территориально далекого географического имени (через путешественников, купцов и т. п.), полученного без широкого народного соприкосновения, часто оказывается неточным и искаженным; при этом иногда бывает, что такое искаженное или измененное имя сохраняется и в дальнейшем, несмотря на возросшее и уже иное, массовое, знакомство с подлинным именем, так как создается уже соответствующая традиция, поддерживающая первую по времени, хотя бы и неправильную форму.

14. Принятие языком чуждой топонимии, принадлежащей иному языку, о чем говорилось выше, свидетельствует о том, что народ, давший начало этой топонимии,

является в данной местности предшественником, а воспринимающий топонимику — позднейшим по времени поселения в этом крае.

Это обстоятельство нередко дает основание для вполне определенных датировок, если мы имеем достаточно точных сведений о времени обитания народа-предшественника, следы языка которого обычно сохраняются в языке сменившего его народа (явления субстрата).

15. Явления обратного характера, когда более древний на данной территории язык воспринимает новое название, принадлежащее иному языку, вообще говоря, очень редки.

Однако они все же существуют; это объясняется мощным воздействием сравнительно поздних политических и экономических влияний, иногда заставляющих принимать название в новой форме.

Обычно, впрочем, это сопряжено с образованием вообще совершенно нового наименования населенного пункта, возникшего в мало заселенном до того месте. Так, например, финны называют город Обу (Або) в Финляндии именем Турку, получившимся из славянского *търгъ* (*торг*), так как здесь было средоточие оживленной северной торговли.⁵

Однако, наоборот, основанный Ярославом Мудрым город Юрьев эсты неизменно с древних времен называли и называют Тарту (*Tartu*), что отражено и в немецкой форме названия города: Дерпт, Дорпат (по предположению проф. П. А. Аристэ — из *Tarpattu).

Наконец, в случаях подобного характера бывает и иной способ образования нового географического имени в устах древнего населения.

---

⁵ Эта торговля происходила при большом славянском участии.

Город Таллин получил свое наименование в начале XIII в. из эстонских, т. е. древних местных языковых данных, но означает это название «Датский город», «Датская крепость». Причина этому — то обстоятельство, что именно датчане возвели здесь в 1219 г. значительное укрепление. Вообще же город носил или носит, кроме того, несколько названий: древнеэстонское Линданиссе, встречающееся, например, у Генриха Латвийского, Колывань — древнерусское, Ревель (Reval) — немецкое.

Все разнородные способы образования, развития, изменения географических имен разных категорий должны учитываться топонимистом в каждом конкретном случае. Общее направление исторических изменений в топонимике, ее консервативность в целом и другие свойства можно установить достаточно определенно. Однако почти любой вызывающий сомнения случай требует возможно более широкого специального исследования, да и то часто так и остается сомнительным, без достоверного разъяснения; правильности, замечаемые в общих свойствах топонимического материала, всегда допускают значительный ряд исключений.

16. При окончательном толковании того или иного названия большую роль играют географические данные, характеризующие тот или иной природный объект. Название речки Поникли никак нельзя было бы толковать как «понижающаяся, исчезающая речка», если бы она не исчезала действительно в карстовых провалах. Название озера «Бездонное» дается только очень глубоким озерам, «Глухое» — озерам, лишенным заметной связи с другими водными бассейнами, «Черное» — озерам с торфяным дном и т. п.

Такие названия, как Мокрая Журавка и Сухая Журавка и тому подобные, возникают парами, характеризуя соответствующие географические свойства речек.

За редчайшими исключениями (такими, как Дон и некоторые другие названия), значительные объекты не могут носить просто наименования, означающие «река», «вода» и т. п.

Только при усвоении названия из совершенно иного языка (как в случае с названием Дон, полученным из ясского, т. е. древнеосетинского языка) может получиться, и то очень редко, имя с подобным смыслом.

Поэтому толковать, например, «Волга» как «влага» и тому подобные совершенно немыслимо.

Вообще, следует с большой тщательностью изучать вопросы семантики географических имен, выделяя наиболее характерные типы этого рода, т. е. семантические группы названий (смысловые). Это является наиболее надежным средством для проверки соответствия смысла названия реальным характеристикам данного объекта, если название объясняется гипотетически каким-то образом, а актовъй материал почему-либо недостаточен для точного определения. Поэтому весьма существенно подробное изучение с этой точки зрения топонимического материала и отдельных областей и всего комплекса топонимики, принадлежащего тому или другому языку, как и сравнение (сопоставление) в этом отношении данных топонимики различного языкового происхождения.

Во многом семантические типы географических названий зависят от характера страны, края, местности, но в некоторых отношениях определяются общей структурой и другими качествами данного языка; имеются и такие семантические типы, которые присущи целому ряду языков, например тюркские озерные названия Каракуль, финское *Mustajärvi*, русское Черное озеро и т. п.

Изучение всех подробностей такого рода часто упрощает и облегчает работу топонимиста (ср. пункт 8).

17. Лингвистическая обработка топонимического материала основывается на рассмотрении массовых однотипных явлений, отыскании переводных двойных (иногда и тройных) имен (билингвы) и тому подобных приемах филологического порядка.

Однако все это должно сочетаться, по мере возможности, с широким привлечением исторических, в том числе и археологических, данных, а также с упомянутым выше учетом географических фактов.

Только такое обстоятельное и всестороннее исследование доставляет совершенно неоспоримые и точные результаты.

Никакие отвлеченные спекуляции с произвольным рассечением географических названий и выделением часто совершенно невероятных «топоформантов» не могут помочь исследованию, а обычно только запутывают его.

Достаточно вспомнить еще раз печальный пример А. И. Соболевского, который выделял в русских (восточнославянских) речных названиях окончание *-сна*, *-сьна* и думал, что это есть отражение «скифского» названия реки; он применял этот прием и к названиям севернорусских рек, хотя в лесах восточноевропейского Севера не было и не могло быть степных кочевников — скифов.

Вообще, необходимо помнить, что вся собственно лингвистическая обработка топонимического материала данного края должна полностью укладываться в рамки исторических обстоятельств, относящихся к этому краю. Выход за эти рамки, как правило, приводит к неоправданным фантазиям.

18. В северной полосе европейской части СССР (и западной части Сибири) древнейшей топонимикой является финноугро-самодийская, принадлежащая многим различным языкам этой очень разнородной группы. Многие языки этого типа в настоящее время исчезли, другие

исчезают (водь, ливы), раньше число их было гораздо больше.

Финноугро-самодийская топонимика предшествует здесь по времени образования другим видам топонимики, более поздней: индоевропейской (балтийской, славянской и пр.), тюркской (чувашской, башкирской, татарской). Имеются слабые следы и других примесей (адстрат).

19. В южной (степной) полосе древнейшей определимой топонимикой является индоиранская (скифо-сарматская) ⁶ и фракийская.

На Черноморском побережье и в Крыму имеются значительные следы древнегреческих поселений; впрочем, греки застали эти места уже заселенными. Имеются и следы древней и новой романской топонимики.

Позднейшая топонимика, наиболее здесь богатая, состоит из переплетения тюркских, славянских (древнерусских, украинских) и других элементов. Изучение топонимики Кавказа и Сибири требует подробных указаний, которые здесь вкратце изложить было бы затруднительно.

Своеобразие Сибири ⁷ состоит в огромности ее пространств, соединенной со слабой заселенностью, а особые качества кавказской топонимики определяются чрезвычайной языковой пестротой и горным ландшафтом, давшим возможность обособиться малым племенным группам разного происхождения, создающим вокруг себя свой особый топонимический ареал.

20. Лесостепная полоса, лежащая между удобной для кочевников степью и недоступным им лесом, является хранительницей топонимических следов соприкосновений насельников Юга и Севера. Здесь имеется поэтому ряд

---

⁶ Следы киммерийцев трудно определить.

⁷ По сибирской топонимике рекомендуем работы профессора Томского педагогического института А. П. Дульзона.

интересных двойных названий, иногда большой древности.

На этом мы заканчиваем изложение наших правил топонимического исследования, приспособленных преимущественно к территории Восточной Европы.

Многих вопросов мы не касались, выделяя то, что представлялось наиболее существенным для целей практического изучения восточноевропейской топонимики.

Топонимика степного пояса европейской части СССР

Характер топонимики степного пояса европейской части СССР значительно отличается от облика северной топонимики. Это и естественно, так как в степной полосе историко-географические условия развития местных имен были иные, чем в лесной.

Здесь, на юге, племенные передвижения происходили гораздо свободнее, нередко принимая вид настоящих нашествий, что вызывало полное исчезновение многих старых названий и замену их новыми.

В подобных случаях сохранялись лишь названия самых значительных объектов, например крупнейших рек, имена которых дошли до нас по крайней мере со скифо-сарматских времен (Дон, Днепр, Днестр, Дунай, Прут). Вообще при больших языковых переменах могли здесь устоять лишь те названия, в области существования которых еще сохранялись значительные остатки прежнего населения, оказывающиеся в состоянии поддерживать старую топонимическую традицию.

Так, например, имя реки Днепр сохранилось в течение 2000 лет потому, что значительная часть населения по Днепру долго не меняла своей традиции, несмотря на

огромные переселения в степной полосе, — из поколения в поколение передавалось все то же или приблизительно то же название реки: Danapris, Дънъпръ и т. д.

Сохранились, вообще говоря, очень многие древние наименования и незначительных объектов, если они расположены в лесостепной полосе, — по тем же причинам, так как в этой полосе было достаточно благоприятных условий для сохранности хотя бы части местного населения во время нашествий, а стало быть, и для сохранности географических имен.

То же самое явление наблюдается вдоль старинных торговых путей (особенно речных), на морских побережьях и в горных областях, ограничивающих степную полосу;⁸ причины длительной сохранности древних географических имен здесь вполне понятны.

Названия Днепровских порогов в X в. н. э. записаны Константином Порфирогенетом почти точно в такой же форме, в какой они звучат в «Книге Большому Чертежу» XVII столетия или в местной передаче XX в.

Здесь многочисленные тюркские и монголо-тюркские нашествия не очень изменили общий фон топонимики вдоль самого Днепра, но стоит отступить немного в сторону, — и сразу видно, что изменений много, — особенно от времени сравнительно позднего, когда украинское казачество героически отвоевывало эти земли от татар; естественно, что при этом наряду со старыми названиями домонгольского периода возникали многие новые — то украинского, то тюркского, то иного происхождения.

Наконец, окончательное освобождение от турецко-татарской угрозы во второй половине XVIII в. вызвало мощный поток колонизации, давший огромное число новейших географических имен.

---

⁸ Например, на Северном Кавказе, в Крыму.

Все это так перемешано ввиду гораздо большей свободы и удобства передвижений, чем в лесной полосе, что здесь очень трудно было бы выделить более или менее определенные области с топонимикой достаточно однообразного типа.

Всюду мы встречаем украинскую, русскую, тюрко-татарскую и иную топонимику. Могут всегда встретиться греческие, восточнороманские (молдавские), древнеиранские (скифо-сарматские) и прочие названия.

В особенности много (после русско-украинских) названий тюрко-татарского происхождения, причем немало их ведет начало от домонгольских времен.

Датировать тюркскую топонимику в случае отсутствия древних письменных свидетельств очень трудно, как и определять точнее узкую племенную или родовую принадлежность соответствующих названий. Объясняется это тем, что тюркские языки в большинстве случаев имеют очень однородный характер, мало различаясь между собой во всех отношениях, за редкими исключениями. Поэтому очень часто мы можем сказать, что данное географическое имя является тюркским по происхождению, но не можем дать достаточно определенного ответа на вопрос о том, какое же тюркское племя дало это название местности.

Здесь дело осложняется еще тем обстоятельством, что для южной степной полосы имеется очень мало документальных сведений от древних эпох, если не говорить о северной части этой полосы, входившей в состав Киевской Руси, т. е. прилегающей к лесостепи или входящей в нее.

Поэтому можно лишь суммарно говорить о топонимике многих степных областей, и нет смысла выделять здесь резко очерченные районы, какие можно указать на Севере — в лесной полосе.

Некоторым исключением в этом отношении являются лишь долины больших рек, что понятно из предшествующего изложения.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство.

Когда мы рассматриваем тюркскую топонимику степной полосы, мы замечаем в соответствующих географических именах типичные тюркские форманты: *-лык*, *-лы*, *-дык*, *-чук*, *-чуг*, *-чик* и др., которые являются именно настоящими словообразовательными формантами, а не значащими словами.

Очень распространенное название речек Ташлык значит «каменистая» (от тюркского *таш* 'камень'), а *-лык* есть соответствующий словообразовательный аффикс.

Точно так же словообразовательным аффиксом является и *-чук*, *-чик*, имеющий по преимуществу значение уменьшительного форманта.

Очень часто суффикс *-лы*, имеющий почти то же значение, что и *-лык*, в русской передаче преобразовывается в *-ла*, так что вместо Ташлы получается Ташла; это явление объясняется стремлением к согласованию в роде с русским «река».

Таким же образом тюркское (половецкое) название реки XII в., которое звучало в оригинале как «Каялы» («скалистая» — от *кая* 'скала'), в знаменитом «Слове о полку Игореве» передано как «Каяла»; в летописи оно пишется как «Каялы».

Во многих случаях это же *-лы*, *-ли* тюркских языков передается русскими и украинскими источниками как *-лий*, *-лия*, *-лея*.

Нужно отметить еще одну характерную особенность тюркской топонимики. Заключается эта характерная черта в огромном протяжении ареала совершенно одинаково звучащих тюркских названий, которым, однако, нельзя приписывать одновременного происхождения из одного

какого-либо тюркского языка. Объясняется эта широкая распространенность одинаковых тюркоязычных географических имен указанной выше большой близостью почти всех тюркских наречий между собою и огромным распространением тюркских племен в разные времена.

Поэтому, например, название Талдык можно встретить как на Украине, так и на Аральском море, и на Памире, и в других местах.

Точно так же племенное тюркское имя Кыпчак, соответствующее русскому «половец», отражено во многих местах как родовое или географическое имя. Отражениями тюркских (родоплеменных) имен являются такие географические имена Украины, как Манжеля (Манжеля), Таракля и пр.

Заметим, что при определении тюркских географических имен очень помогает то обстоятельство, что среди них не может быть начинающихся на некоторые согласные, а именно на *в, л, н, р, ф, ц, щ*.

Кроме того, в некоторых тюркских языках также имеются и другие фонетические особенности. Поэтому если мы выпишем ряд тюркских географических имен из какого-либо источника, то будут заметны пропуски некоторых начальных звуков по сравнению с русскими возможностями в этом отношении. Кроме того, как и для финно-угорских языков, не наблюдается скопления согласных в начале слова (кроме такого, как *дж*).

Эти обстоятельства несколько помогают определению тюркских названий, если сюда не вмешиваются в отдельных случаях фонетические приспособления (народная этимология и пр.) к русским данным.

В качестве примера приводим небольшое извлечение из составленного П. Л. Маштаковым «Списка рек Днепровского бассейна». Здесь находим тюркские имена, из

которых приводим некоторые наиболее характерные: Аталыкова, Базавлук, Буняк, Бурчак, Гайчул, Джуган, Ерель, Ирклей, Кагамлык, Карайтебень, Каратупрак, Карачекрак, Кашлагач, Котлуй, Кошугум, Саксагань, Тагамлык, Узень, Чертомлык, Янчекрак; из них только первое получило дополнительное украинское или русское оформление *-ова*.

Рассмотрим некоторые из этих названий.

Во многих из них выступает упоминавшийся выше характерный тюркский суффикс *-лык, -лук*: Базавлук, Кагамлык, Чертомлык и пр. Обратим внимание на последнее название — Чертомлык, которому можно по ошибке, пожалуй, приписать славянское происхождение, хотя и с большими натяжками.

Чертомлык — один из правых притоков Днепра в его нижнем течении, богатый рыбой.

Название этой реки происходит от тюрко-татарского *чурган, чортан* 'щука': Чортанлык, Чортанлы означает «Щучья» (река). Таких названий много всюду, где только побывали тюрки и имеются речки, обильные щукой. Иногда мы встречаем такое название в двойном (переводном) виде; так, например, в свияжских писцовых книгах XVI в., составленных сразу по завоеванию Казанского царства Иваном Грозным, встречаем многократное повторение двойного речного названия «Чертанлы Щучка». Впрочем, и без наличия переводных имен тюркские по происхождению названия обнаруживаются достаточно легко.

Обращаем внимание на то обстоятельство, что очень редко, только в исключительных случаях мы встречаем такое сложное тюркское речное название, которое во второй части содержит слово, эквивалентное по смыслу русскому «вода» или «река». В тех местах, где сейчас живут тюрки, такие сложения встречаются неоднократно (типа

Карачай, Аксу и т. п.); однако в южнорусских степях этого почти нет.

Возьмем теперь несколько тюркских названий из «Списка рек бассейнов Днестра и Буга (Южного)» П. Л. Маштакова: Аджалык, Бакчалаия, Бакшала (Бакшалея), Балайчук, Кагарлык, Кучурган, Сасык, Сугаклея, Ташлык, Тилигул, Турунчук, Чертала(х), Чачиклея, Чулук, Юштубей, Ягорлык.

Отметим, что здесь Чертала (Черталах) есть то же по смыслу название, как и Чертомлык, Чертанлы Щучка и т. п.

Очень любопытно название Сасык (тюркское *сасы*, *сасык* 'вонючий', 'гнилой'), его можно встретить на огромных протяжениях — и в Бессарабии, и в Крыму, и в Средней Азии, и на Памире и т. д., — это слово повсюду применяется тюрками для обозначения стоячих, гнилых водоемов.

Рассмотрим теперь вкратце тюркскую топонимику «Книги Большому Чертежу», сделав из нее некоторые наиболее интересные выборки.

Здесь имеется значительное число «переводных» имен, причем это уже не такого рода переводы, которые создаются стихийно, в процессе повседневного контакта двух языков, причем впоследствии оба названия употребляются вместе без ясного понимания того, что они являются эквивалентными или близкими по смыслу. В «Книге Большому Чертежу» переводы во многих случаях сделаны сознательно, с помощью толмачей, по большей части совершенно точно.

Укажем несколько примеров из последнего академического издания 1950 г.

Стр. 92: «пала в реку Яик река Юрюк Самар, по нашему Резвая».

Стр. 93: «пала в Яик, с левые стороны Яика, Илез река, ниже горы Тустеби, по нашему та гора Соляная, ломают в ней соль».

Стр. 94: «а против горы Тузтебе... река Оиль.. а на устье тое реки... 8 озер Карагол, по нашему Черныя озера».

Все эти выписки касаются области Южного Приуралья, но в «Книге Большому Чертежу» есть и другие тюркские географические имена с переводами; например, на стр. 86: «пала в Моначю река Егерлик Сасык, по нашему Гнилой»; стр. 89: «град Дербент, Железные Ворота тоже, а по-турски Темир-Капы».

Эти данные относятся к Кавказу. Упоминаются и многие местности Средней Азии, в частности Бухара (стр. 96).

Все переводы совершенно верны, хотя иногда и не совсем точно передают произношение соответствующих тюркских слов.

Точно так же точен и перевод на стр. 170, относящийся к Западной Сибири (верховья Иртыша и Тобола): «гора Улутова, по нашему Великая гора», т. е. тюрко-татарское *улу-тау*.

Из последнего примера мы видим, что тюркское *тау* 'гора' должно часто передаваться в русских источниках как *-това*, и это оправдывается во всех подобных случаях, о чем говорилось уже ранее.

Ограничимся этими краткими замечаниями о тюркской топонимике «Книги Большому Чертежу».

Перейдем к примеру другого рода — к названию одного леса Тамбовской—Воронежской областей, на границе степного пояса. Этот лес занимал в 60-х годах прошлого века значительную площадь (до 15 000 десятин) в Новохоперском уезде Воронежской губернии и в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии. Два столетия

до того, как можно видеть из источников, это был гораздо больших размеров, совершенно первобытный лес, состоявший главным образом из огромных дубов.

Название этого леса в «Географическо-статистическом словаре Российской империи» П. П. Семенова пишется по-разному: «Таннермановский», «Теллермановский»; можно даже подумать, что название леса произошло от какой-то немецкой фамилии. Однако если познакомиться со старинными материалами XVI—XVII вв., то оказывается, что тогда лес носил имя Теулерманского, Тилеорманского или Тилеурманского, простираясь, по выражению грамот XVI в., «меж Дону и Волги». Название оформлено русским суффиксом *-ский*; отбросив его, получаем Тилеорман- или Тилеурман-, где нетрудно во второй половине узнать турецкое *орман*, татарское *урман* 'лес'.

Смысл всего названия можно выяснить лучше всего путем сравнения с тюркской топонимикой Балканского полуострова, где названием *Deli-Orman* обозначаются несколько лесистых горных кражей⁹ (есть также и *Teleorman*).

Собственно, *Deli-Orman* значит по-турецки «дикий, первобытный, девственный лес» (турецкое *deli* 'дикий', 'безумный', 'бешеный', *orman* 'лес'), что точно соответствует татарскому *тиле-урман* (татарское *тиле* 'дикий', *урман* 'лес').

Таким образом, как мы видим, топонимисту приходится часто выходить за пределы непосредственно рассматриваемой области, чтобы достигнуть решающего дело убедительного доказательства своих положений.

По поводу данного примера следует еще сказать, что нет ничего удивительного в обозначении турецким терми-

⁹ Название Дели-Орман носит также часть Карпат — невысокие гряды, спускающиеся в Добруджу.

ном Deli-Orman лесистых гор на Балканах. Мало того, вообще совершенно обычным является перемена значений: лес — гора, — это явление распространено во многих языках и играет в топонимике значительную роль.

Так, мы имеем горы Schwarzwald в Западной Германии, горы (Арденны) Arduenna silva в древней Галлии (латинское *silva* значит «лес»).

Во всех почти тюркских языках *tau* значит «гора», а в крымском татарском — «лес»; русское «гора» соответствует общему смыслу относящихся сюда индоевропейских слов, а литовское слово, принадлежащее этому же гнезду, означает не гору, а лес. Точно так же слово «тайга», заимствованное в русский язык из тюркских данных, значит «лес», а соответствующий тюркский оригинал означает «гора». То же самое в финно-угорских языках, где прибалтийско-финское *vaaga*, *vuori* и тому подобные значит «гора», а соответствующие слова коми и мордовских языков имеют другой смысл: «лес».

Все эти явления должны быть хорошо знакомы топонимисту; знакомство с ними приносит большую пользу.

Мы занимаемся здесь в основном топонимикой степной полосы; однако из предшествующего совершенно ясно, что в топонимическом исследовании невозможно полностью замкнуться в каких-либо ограниченных рамках, — приходится постоянно выходить за эти условные пределы исследования. Так обстоит дело и с тюркской топонимикой, — она во многих случаях уходит то в горные области (Алтай, Кавказ, Крым и т. п.), то в лесную полосу, иногда достаточно далеко на север (чуваши, башкиры, группы сибирских татар, якуты).

В кратком руководстве совершенно невозможно охватить полностью весь этот богатый материал, нельзя дать

готовые рецепты для исследования во всех случаях, какие могут здесь представиться.

Как уже несколько раз упоминалось, скифо-сарматская топонимика представлена в степной полосе названиями таких крупных рек, как Дон, Днепр, Днестр, Дунай.

Здесь начальное *Дон*, *Дн-* (древнерусское *Дън-*), *Дун-* соответствует скифо-сарматскому (древнеиранскому) «вода», осетинскому *дон*.¹⁰

Кроме этих больших рек, сохранили свои древние скифо-сарматские (или более поздние «яские», т. е. древнеосетинские) названия довольно многие небольшие реки в лесостепной полосе (главным образом в бассейне Дона); из них некоторые являются двойными (переводными).

Ограничимся этими краткими указаниями в характеристике топонимики степной полосы.

---

¹⁰ Подробности см.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.—Л., 1958, стр. 366—367.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На этом мы заканчиваем наше краткое изложение основ топонимики СССР. Материал, в нем представленный, можно, разумеется, расширять почти неограниченно (или заменять другим), но нам кажется, что здесь указано достаточно характерных примеров и образцов, позволяющих строить топонимическое исследование во многих аналогичных случаях. Конечно, предусмотреть всего нельзя; вдобавок, мы мало освещали многие вопросы частного характера, ограничившись краткими справками, а то и вовсе опустив соответствующие отделы (например, греческая топонимика, молдавская, монгольская топонимика и ряд других). Можно, однако, думать, что при общей верной направленности и правильной методике исследования каждый топонимист сумеет добиться хороших результатов, если не будет пренебрегать изучением фактического материала, не будет бояться истратить время на чтение исторической и географической литературы, на изучение словаря и грамматики необходимых для работы языков, на розыски актов, относящихся к данной местности, на собирание топонимики на местах.

Весь этот труд щедро вознаграждается теми результатами, которые нередко выявляются на основе изучения

местных имен и имеют значение для истории, археологии, языкознания и других наук.

Как и в других областях науки, в топонимической работе поспешные заключения приносят большой вред; никогда не надо торопиться и не следует огорчаться тем обстоятельством, что нередко большинство географических имен изучаемой местности остается непонятным и необъясненным.

Ни в коем случае не следует давать волю воображению и прибегать к разного рода неосновательным и произвольным домыслам, — с помощью этого все равно нельзя достигнуть цели, и рано или поздно неверность и надуманность построения обнаружится. Напротив, терпеливое и тщательное исследование фактического материала, хотя и не сразу, всегда дает свои плоды.

Иногда та или другая топонимическая загадка разрешается совершенно неожиданно — на основе изучения какого-либо древнего документа, содержащего полное и точное объяснение данного местного имени или группы имен. Очень часто при этом устанавливается соответствующая точная хронология явлений.

Надо помнить, что актового материала почти для любой местности СССР имеется огромный запас; при этом очень многое опубликовано, о чем отчасти говорилось выше.

Разумеется, всегда надо выверять древние формы названий по нескольким источникам, тщательно их сравнивая, во избежание воздействия случайных ошибок писцов.

При этом следует помнить, что наибольшую ценность представляют акты, составленные на месте, а не те, которые написаны где-то достаточно далеко от данной местности; там могли и не знать настоящего местного произношения и во всяком случае исказить названия.

Можно было бы дать еще ряд советов начинающим топонимистам, но нам кажется, что эти советы в основном уже содержатся в тексте книги.

Наконец, следовало бы отметить еще одно обстоятельство.

В книге имеется ряд примеров, часто очень неоднородных и неравноценных по характеру, объему, широте привлекаемости материала и прочим показателям. Было бы легко привести их в систему, расположив в одном разделе все названия, зависящие от личных собственных имен и прозвищ, в другом поместив все наименования, определенные естественными факторами, и т. д.

Нам кажется, что производить эту показную систематизацию ненужно и даже вредно.

В главе I примеры размещены не так, как хотелось бы систематику, а так, как они встречались нам в действительной топонимической работе, — то с теми, то с другими препятствиями к разрешению, то с такими, то с иными видами на окончательный результат, с различной широтой затрагиваемых вопросов и привлекаемых к исследованию языков.

Лишь так и можно было дать понятие о встречаемых здесь трудностях и способах их преодоления.

Разумеется, еще раз надо подчеркнуть, что книга не дает никаких всеобщих рецептов, годных для всех случаев исследования местных имен. Напротив, мы многократно указываем на то, что решающую роль играет фактический материал, относящийся к данной местности, так как речь идет обычно о таких свойствах этого материала (языковая принадлежность, время возникновения и пр.), которые принципиально не поддаются универсальному обобщению.

Следует оттенить то обстоятельство, что мы, быть может, не всегда и не очень сильно подчеркивали в на-

шем изложении роль отдельных географических и исторических факторов.

Поэтому еще раз напоминаем здесь, что история географических имен разворачивается по-разному в разных случаях определяемых этими факторами.

Отсюда ясно, что пользоваться различного рода аналогиями, наблюдаемыми в далеко отстоящих одна от другой местностях, надо с большой осторожностью.

Никакие «созвучия» географических имен не могут приниматься во внимание, если они не подтверждаются историей, языковыми данными и природными географическими характеристиками изучаемых объектов.

Только тщательно обрабатывая материал без всякой предвзятости и скороспелых увлечений, можно надеяться на существенно новые и ценные результаты.

ЛИТЕРАТУРА

- С. Б. Веселовский. Топонимика на службе у истории. Исторические записки, т. 17, М., 1945.
- А. П. Дульзон. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. Вопросы языкознания, 1959, № 4.
- А. Н. Кононов. О семантике слов кара и ак в тюркской географической терминологии. Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР, вып. 5, Сталинабад, 1954.
- А. К. Матвеев. О происхождении названия «Урал». Изд. Уральского гос. унив., Свердловск, 1961.
- Г. А. Меновщиков. Палеоземские топонимы северо-восточной Сибири. Вопросы языкознания, 1963, № 6.
- Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959.
- А. И. Попов. К вопросу о мордовской топонимике. Филологические доклады на конференции по вопросам финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 г., II, Саранск, 1948.
- А. И. Попов. К вопросу об использовании данных этнонимии и топонимии в историческом исследовании. Вестник ЛГУ, 1948, № 3.
- А. И. Попов. Топонимика Белозерского края. Советское финно-угроведение, I. Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук, вып. 2, 1948.
- А. И. Попов. Топонимическое изучение Восточной Европы. Советское финно-угроведение. Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук, вып. 2, 1948.
- А. И. Попов. Из топонимии Карелии. Сб. «Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР», вып. I. Секция гуманитарных наук, Петрозаводск, 1949.

- А. И. Попов. Материалы по топонимике Карелии. Советское финно-угроведение, V, Петрозаводск, 1949.
- А. И. Попов. Топонимика как историческая наука. Мовознавство, т. XIV, Киев, 1957.
- А. И. Попов. Основные задачи исторического изучения топонимики СССР. Сб. «Питання топонімики та ономастики», Киев, 1962.
- П. И. Попов. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР. Сб. «Вопросы финно-угорского языкознания», М.—Л., 1964.
- А. И. Попов. Основные принципы топонимического исследования. Сб. «Принципы топонимики», М., 1964.
- А. И. Попов. Основы топонимического исследования. Всесоюзная конференция по топонимике СССР 28 января—2 февраля 1964 г. (Тезисы докладов и сообщений). Л.
- А. И. Попов. Основные проблемы изучения этнонимии СССР. Сб. «Питання ономастики», Киев, 1965.
- М. В. Сергиевский. Топонимика Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории. Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946, № 4.
- Joh.-Jak. Egli. Nomina Geographica. Leipzig, 1872—1880; 2 изд., 1893.
- A. Dauzat. Les noms de lieux. Paris, 1946.
- M. Vasmer. Russisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1958.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение	7
Предмет топонимики	7
Источники и материалы для изучения топонимики СССР	10
Краткие сведения по исторической географии СССР	16
Общие соображения о происхождении и изменении географических имен	21
Глава I. Примеры конкретного топонимического исследования	27
Названия, происшедшие от древнерусских личных имен	28
Географические имена, происшедшие от нехристианских русских личных имен других типов	30
Другие старые географические названия, происшедшие от личных имен	31
Поникля	35
Десна. Цна. Шуя	38
Сутоки, Мещоки и т. п.	41
Узмень	43
Вымол. Вымольцы	44
Гверестка, Гверстянка, Жерствин, Дрествянка, Дверства, Дверстяница, Гверездно и т. п.	45
Керженец	47
Худолейка	48
Мишвань	52

Пургасово. Кирдяпино	55
Тойма	57
Переяславль и Трубеж	59
Васильевский остров	60
Топонимические легенды	63
Славянские и русские патронимические формы географических имен на -вичи, -ичи	67
Галич. Галиция	69
Географические названия, связанные с родовыми и племенными именами	76
Изменение географических имен в рамках одного языка	86
Буокси, Векса	89
Сверковы Луки, Свирколучье	90
Глава II. Собрание и обработка топонимического материала	92
Вводные замечания	92
Собрание топонимических данных	92
Обработка топонимического материала	95
О так называемых «речных суффиксах»	102
Об озерных «формантах»	118
Использование двуязычных (переводных) географических имен	122
Отражение географических условий в топонимике	134
Обработка топонимического материала археологом и историком	137
Глава III. Общие выводы и некоторые их приложения	145
Вводные замечания	145
Основные принципы формирования местных имен и важнейшие правила топонимического исследования	149
Топонимика степного пояса европейской части СССР	163
Заключение	174
Литература	178

Александр Иванович Попов
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

*Утверждено к печати
Всесоюзным географическим обществом*

Редактор издательства *В. А. Браиловский*
Художник *Д. А. Андреев*
Технический редактор *Л. А. Любимова*
Корректоры *Г. М. Гельфер* и *Н. Е. Фатина*

Сдано в набор 3/IX 1965 г. Подписано
к печати 23/X 1965 г. РИСО АН СССР
№ 7—210В. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бум.
л. 2⁷/₈. Печ. л. 5³/₄ = 7.88 усл. печ. л. Уч.-изд.
л. 7,83. Изд. № 2785. Тип. зак. № 474.
М-24858. Тираж 25000.

Цена 26 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164. Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

О П Е Ч А Т К И

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
58	4 сверху	ге	где
70	1 снизу	Rotter's	Ritter's
85	7 сверху	«этнонимических»	«ЭТНОНИМИЧЕСКИХ»
100	1 снизу	памятниках.	ПЯТИНАХ.
104	1 »	<i>sāgr</i>	<i>sārg</i>
106	10 сверху	<i>iogi</i>	<i>jogi</i>
164	3 »	Дънъпръ	Дънъпръ
173	8 »	(древнеиранско- му) «вода»	(древнеиранско- му) <i>dānu</i> «вода»
179	8 »	П. И. Попов.	А. И. Попов.
179	2 снизу	Russisches	Russisches

А. И. Попов. Географические названия

**Имеются в продаже
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ КНИГИ**

Издательства «Наука»

Горбачевич К. С. Русские географические названия. 1965. 64 стр. Цена 10 к.

Горский Н. Н. Вода — чудо природы. 1962. 224 стр. Цена 34 к.

Гроссгейм А. А. В горах Талыша. 1960. 120 стр. Цена 18 к.

Краткий определитель птиц СССР. 1964. 528 стр. с илл. Цена 1 р. 95 к.

Кузнецов Н. Т. Сокровища наших рек. 1961. 158 стр. Цена 25 к.

Куликов К. А. Движение полюсов Земли. 1962. 88 стр. Цена 13 к.

Новиков В. Д. Покорение Арктики. 1962. 156 стр. Цена 25 к.

Обручев В. А. Мои путешествия по Сибири. 1963. 288 стр. Цена 1 р. 13 к.

Сабанеев Л. П. Календарь природы, или Охотничий календарь. 1964. 382 стр. Цена 1 р. 50 к.

Бельчиков Н. Ф. Пути и навыки литературоведческого труда. 1965. 334 стр. Цена 1 р. 30 к.

Великовский С. Поэты французских революций 1789—1848 гг. 1963. 279 стр. Цена 36 к.

Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. 1964. 266 стр. Цена 43 к.

Назаров А. И. Книга в советском обществе. 1964. 261 стр. Цена 75 к.

Сергеенко М. Е. Простые люди древней Италии. 1964. 161 стр. Цена 27 к.

В глубь атома. 1964. 392 стр. Цена 58 к.
Новое в химии. Десять популярных лекций. 1964. 363 стр. Цена 1 р. 05 к.

Рассказывают ученые-химики. 1964. 256 стр. Цена 43 к.

Ходаков Ю. В. Как рождаются научные открытия. 1964. 96 стр. Цена 15 к.

Дарвин Эразм. Храм природы. 1960. 260 стр. Цена 1 р. 10 к.

Кузнецов Б. Г. Галилей. 1964. 326 стр. Цена 1 р. 08 к.

Соминский М. С. Абрам Федорович Иоффе. 1964. 644 стр. Цена 2 р. 33 к.

Шулейкин В. В. Дни прожитые. (Воспоминания известного советского ученого). 1965. 547 стр. Цена 1 р. 90 к.

Ваши заказы просим присылать по адресу:

Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57,
«Академкнига», магазин «Книга — почтой»

Иногородние заказы выполняются наложенным
платежом

26 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"НАУКА"